

УТРО ПОД МЁРТВЫМ НЕБОМ

ЭКСПЕРИМЕНТ В УЖАСЕ. КНИГА ТРЕТЬЯ

КАРИНА ХЕЛЛЕ

vk.com/beautiful_translation

Шоу постепенно обретает успех, и новички-охотники на призраков Перри Паломино и Декс Форей берутся за самое страшное расследование. Крохотный остров, окутанный туманом, в проливе между Британской Колумбией и Вашингтоном хранит давний и темный секрет. Раньше там была колония, и почти сорок прокаженных оставили на острове гнить и умирать. Теперь там лагерь, и Перри с Дексом проводят выходные там, чтобы обнаружить призраков, но они вскоре поймут, что бояться на острове Дарси стоит не только призраков. Остров попытается свести их с ума, настроить против друг друга, будет угрожать уничтожить не только их отношения, но и их жизни.

Моим любимым М из Сан-Франциско: Молли и Марку

«Красное небо с утра — предупреждение для моряков. Красное небо ночью — их радость» — старая пословица

С 1894 по 1924 остров Дарси был местом (главным образом, китайской) колонии прокаженных, отправленных туда правительством Канады и Британской Колумбии. Годами им приходилось выживать там, хот раз в три месяца корабли поставляли еду, опий и... гробы. На острове, с которого не получалось сбежать, погибло не меньше сорока душ из-за болезни Хансена, проказы. Хотя туда сложно попасть, нынче это парк, часть национального парка островов Галф. А памятный знак, несколько развалин и самодельных могил напоминают посетителям о произошедшем здесь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

Мысли были медленными и путались. Все было черным. Очень черным. Словно тьма была за закрытыми глазами. Но мои глаза не были закрыты. Они были открыты и щурились от света, что жег их.

Где я?

Я не могла заставить мысли разогнаться и что-то вспомнить. Но были вспышки. Голова кружилась, и размытые картинки проносились перед глазами. Лес. Я бежала. Меня преследовали гончие. Или люди на четырех ногах. Их ужасные фигуры мелькали среди деревьев.

А потом ничего.

— Моя водная могила, — всплыла в голове фраза.

Я лежала неподвижно. Я была на спине поверх чего-то костлявого. Я говорила телу двигаться, но ничего не происходило. Я сосредоточилась, отчаянно пытаюсь отыскать свет, понять, где я, и что со мной случилось.

Были звуки, но в ушах словно были беруши. Я слышала приглушенные крики, словно кто-то вопил вдали, плеск воды окружал меня. Мне казалось, что я плыву, ведь внутреннее ухо покачивалось в тяжелой голове.

Чувства возвращались ко мне. Я чувствовала запах морской воды и гнили, вонь разложения, будто гнили фрукты. Спина была влажной, понемногу начинало казаться, что

мои руки в ледяной воде.

Я попыталась подвигать ими, и руки вяло отозвались. Они были все это время в воде, хотя остальная часть меня была сухой. Я придвинула их к бокам, и они стукнулись с силой обо что-то. Я едва чувствовала силу удара онемевшей кожей. Звук эхом разнесся вокруг меня. Я была в какой-то коробке или... или...

Меня охватила паника. Я задвигалась, чувствуя, что балансирую на вершине чего-то странного. Это было меньше длины моего тела, и я заметил, что мои ноги согнуты под углом. Я дернула ими. Брызги ледяной воды упали на ноги, ботинки, полные воды, стукнули обо что-то твердое.

Я чувствовала все вокруг себя, дико махала руками и ногами, пытаюсь найти поверхность. Я все-таки была в коробке. Над головой было не больше половины фута, влажный деревянный потолок отрезал меня от мира.

Я пыталась перевести дыхание, но борьба в груди не прекращалась. Я была в ловушке в коробке. Худший кошмар мима.

А еще коробка была наполнена водой. Я чувствовала жидкость ногами и руками, а еще промокшей спиной.

Я корчилась и брыкалась. Я не могла держаться. Я была в коробке и тонула с ней.

Я стучала руками в крышку, стараясь вырваться. Руки устали и плохо слушались. Я почувствовала тепло на них. Моя кровь. Она стекала с нежных костяшек и ран на моих запястьях. Плевать. Мне нужно выбраться. Иначе я умру.

Вода прибывала быстрее, и я вскоре покачивалась над тем, что было подо мной. Скоро она накроет мои штаны. Штаны, где передний карман был натянут сильнее обычного.

Я быстро скользнула рукой в карман. Там была зажигалка. Зажигалка Декса.

Я вытащила ее и начала зажигать. Пальцы были холодными, и я чуть не уронила ее, но после пары неловких попыток появился огонек. Я подняла его. Слабый свет озарил пространство вокруг меня.

Я была права. Я была в коробке. Точнее, не в коробке. Совсем не в ней.

Мой водный гроб.

Я сглотнула, чувствуя, как мир качается на волнах. Я была в гробу, выброшенном в море.

— Твой корабль приплыл, — раздался в голове голос мужчины.

Среди суеты и смятения из-за случившегося я поняла, где я и почему. Я хотела быть одна. Но я знала, что это не так. Я знала, что выпуклая форма подо мной лишала меня такой роскоши.

Левая рука опустилась в воду, нащупывая дно гроба. Может, это единственный способ выбраться. Я старалась избегать того, что было подо мной. Я не смела беспокоить его.

Вода добралась до моей груди. Время быстро убегало от меня.

Я прижала ладонь ко дну и попыталась управлять собой, планируя пнуть ногами, надеясь, что стенки поддадутся.

Маленькие тонкие пальчики обхватили мое запястье в воде.

Я закричала, но вопль с губ сорвался без слов. Пальцы сжались и потащили мое запястье вниз, топя его.

Что-то бросилось из воды рядом со мной и выбило из руки зажигалку, погрузив гроб во тьму. Другую руку схватили пальчики. Они тянули меня вниз, удерживая.

Я пыталась двигаться, кричать, бороться, но холод воды проникал в меня, как яд. Я не могла вырваться, а вода почти закрыла мое лицо.

Что-то двигалось под моей головой. Оно приблизилось к моему утонувшему уху. Кто-то прошептал в него.

Голос был искажен и приглушен водой. Но я не могла ошибиться.

— Мама! — кричал он, холодные детские губы коснулись мочки моего уха.

Я открыла рот, чтобы закричать снова, но нашла лишь воду. Я глотнула ее вместо воздуха, и она тушила жизнь во мне.

— Мама, — повторял голос снова и снова, мы уплывали вместе. Мир закрыл глаза.

* * *

— Простите? — раздался сзади незнакомый голос.

Я забрала у баристы в кофейном магазине сдачу, улыбнулась ей и осторожно обернулась к говорящему. Звучало больше как неуверенный вопрос, а не мольба.

Приятного вида крупный мужчина в ветровке, держащий кофе и выпечку, был позади меня, но не в очереди. Взгляд его водянистых глаз говорил, что он узнал меня. Но я понятия не имела, кто он.

Я улыбнулась ему еще неохотнее, чем до этого. Со мной редко заигрывают, но все же попыток хватало, чтобы я настораживалась всякий раз, когда незнакомец пытается заговорить со мной.

— Угу? — отозвалась я, стараясь быть и вежливой, и незаинтересованной.

Его щеки надулись, когда он лучше разглядел мое лицо. Он выдохнул, и звук заглушил неприятную музыку в кофейне.

— Ты призрачная леди, — сказал он с улыбкой, указывая на меня мешком с выпечкой.

Я нахмурилась. Разве я была призрачной леди?

Он шагнул ближе и снова взмахнул выпечкой, розовая глазурь падала на пол, как снег.

— Ты из Интернета, — воскликнул он слишком громко. Я неловко огляделась, чувствуя странное смущение из-за происходящего. Девушка в очереди смотрела на меня, не впечатленная, но больше никто не обращал внимания. Типичные хипстеры.

Я взглянула на него и снова улыбнулась, хотя щеки пылали.

— О, так вы смотрели «Эксперимент в ужасе»? — спросила я.

— Да, конечно, — сказал он, тихо смеясь, челюсть ходила ходуном. — Я наткнулся на него несколько недель назад. Мне нравится. Это похоже на «Ведьму из Блэр». Это как по-настоящему. Мы знаем, что «Ведьма из Блэр» — не настоящее, но так кажется. Это ведь по-настоящему?

— Да, по-настоящему, — медленно сказала я, понимая, что каждый раз от этого кто-то или верит или не верит.

— Я понимал. Я видел страх в твоих глазах. Прости, Перри. Перри Паломино, да?

— Это я, — сказала я, мне было уже спокойнее.

Он был просто фанатом шоу. Моего шоу. Меня. Мой первый фанат!

— Ладно, не буду мешать пить кофе, — сказал он и махнул выпечкой в сторону стойки, где поставили мой латте так, что пенистое молоко пролилось по краям стакана на поверхность. — Продолжай в том же духе!

Он развернулся и покинул кофейню, поедая выпечку, пока направлялся к углу.

Я вытерла салфеткой кофе и покачала головой. Но не из-за плохой подачи кофе, а из-за того, что кому-то не только понравилось то, что я делаю, но он узнал меня и даже поприветствовал. Это волновало и радовало одновременно.

Столько всего изменилось за несколько недель. На мне отразилась поездка в Рэд Фокс в

Нью-Мексико. Я чуть не умерла от рук двух помешанных влюбленных, оказавшихся оборотнями, и это заставило меня подумать над текущей ситуацией. Хотелось ли мне участвовать в «плохеньком» Интернет-шоу о сверхъестественном, что могло не просто навредить нам, но и убить? И хотя на маяке чуть не произошло то же самое, смерть не была прописана в моем контракте.

Я могла думать только об этом, когда летела домой из Альбукерке. Декс отправился в Сиэтл, и я осталась наедине с мыслями и с айподом на пути в Портлэнд. Слишком много всего случилось в те выходные, мы были открыты для такой опасности, которую многие и не видели. Моя вера в то, что возможно в мире, была разорвана. Мой напарник, которого я все еще едва знала, стал мне самым близким человеком (не только в одном смысле). И шоу стало лишь тщетной попыткой пробиться среди всех медиумов-аматоров. Кто не пытался быть известным в Интернете в эти дни?

А еще я врала родителям о том, что у меня есть работа, хотя меня уволили.

Но через несколько дней после возвращения, когда кошмары о зомби-койотах и оборотнях-медведях начали угасать, все вернулось на места. Казалось, что моя судьба в том, чтобы продолжать, поддерживать наше шоу и удерживать в своей жизни Декса Форей.

Декс отправил мне материал, что мы смогли снять в Рэд Фоксе, и результаты меня поразили. Настолько, что мне пришлось смотреть с младшей сестрой Адой, иначе было бы очень страшно. Хотя мы не все сняли, все это случилось, и мне было несложно дополнить части, что не попали в фильм. Даже Ада испугалась. Она уже все знала от меня, но видеть это было еще страшнее.

Было сложно понять, как отреагирует публика, и я постаралась и описала все в блоге, что сопровождал фильм. Я изменила некоторым именам, чтобы защитить (Декс еще и сделал лицо Уилла Ланкастера размытым, ведь он был лишь жертвой оборотней), но историю передала правдиво. Я знала, что многие люди (около 80 % зрителей) не поверят, что это правда, но вспомним Фокса Малдера. Истина где-то рядом.

К счастью, приняли люди правду или нет, «Эксперимент в ужасе» все же стартовал (не в демо) на сайте Shownet в это воскресенье.

Это было... круто. Да, знаю, о чем вы думаете: конечно, это было круто, потому что я была там. Нет. Меня там почти не было, и это мне нравилось (я еще не привыкла к камере). Но шоу выглядело круто. Вместе с блогом, судя по словам Декса, «Рэд Фокс» сработал.

У нас было шоу. Даже мои родители были теперь впечатлены сильнее (хотя критиковали сильно). Декс писал мне сообщения о новостях насчет шоу на сайте. Эта серия стала феноменом, как моя съемка приключений в маяке дяди. Конечно, феномен был небольшим, но этого хватило, чтобы отвести сомнения о будущем шоу и моем участии в нем.

Теперь нужно было, чтобы успех продолжился, завести для шоу аккаунты в Твиттере и Фейсбуке и заниматься ими. Я знала достаточно о маркетинге из университета, мы должны были рекламировать шоу как можно сильнее. Декс был занят, выполняя роли композитора, режиссера, оператора, выбирал будущие места для съемки, потому что легло на мои плечи.

Это было весело, хоть и приходилось совмещать с поиском работы. А потом Дексу пришла в голову отличная идея открыть комментарии в блоге. Отличная, отмечу с сарказмом. Комментарии могли привлечь больше внимания, но, к сожалению, большая их часть была негативной.

Сначала были просто люди, как ALEX64, говорившие, что шоу — фигня, и все в таком

роде, это ожидалось. Я сама порой хотела так сказать. Без призрака, что нападает на тебя, было сложно понять это, и мне самой было сложно принять случившееся. Было проще представить, что это игра воображения, чем принять, что мир, о котором думали люди, был лишь иллюзией, а злые хищники прятались в тенях. А потом комментарии стали касаться и людей.

Две недели назад Декс приехал в Портленд, чтобы мы поснимали. Мы выбрали две места — в Портленде было не так много рассказов о призраках. Первым стал отель «Бенсон», у которого была пугающая репутация. Отель был красивым, со швейцаром на входе и всем остальным, и многие проводили там время неплохо. Но хоть кто-то раз в неделю жаловался, что видел странную леди в коридорах и на лестнице, слышал странные звуки, пропадали предметы. Многие работники соглашались, что происходит что-то странное, но никто не занимался этим, хотя на выходных сюда могли наведаться с туром «Прогулка с призраками».

Когда мы пришли в отель, никто и не взглянул на нас. Нам позволили свободно ходить по отелю и все смотреть (но не заглядывать в номера людей).

Мы не увидели ничего необычного. Но мне все равно было страшно, как обычно. И было не важно, нападали ли на меня звери в пустыне Нью-Мексико, или видела призрака в лифте отеля, мне все равно было страшно. Но ничто не хотело нас убить (уже хорошо) или удивить. Просто множество «такое может быть» становилось реальным у меня в голове. И, благодаря уму Дексу и удаче, мы смогли кое-что снять. Мы сняли странные парящие шары света и силуэт инфракрасной камерой.

Это случилось и на другой день, когда мы всю ночь провели в пиццерии, где когда-то был публичный дом. Их управляющую нашли в шахте лифта со сломанной шеей, сказали, что это убийство. Мы слышали, как кто-то ходит на втором этаже, хотя никого там не было, мы смогли снять. А в подвале было еще кое-что. Всюду были горячие и холодные точки, еще больше странных шаров и ощущение страха. Даже Декс, обычно собранный во время съемок, сказал, что был рад убраться оттуда.

Мы хотели снимать что-то каждые выходные, но хотя шоу закрепилось, мне нужно было создавать иллюзию, что я работаю всю неделю. К счастью, после съемок за одни выходные и в отеле, и в пиццерии, мы смогли получить две серии.

Было сложно успевать. Серия в отеле «Бенсон» только вышла, ее приняли так же хорошо, как «Рэд Фокс», но комментарии все появлялись, и они становились злее. Теперь касались людей. Некоторые «анонимы» (ожидаемо) начали критиковать меня и мой внешний вид. Говорили, что я слишком толстая для камеры, что я выгляжу и звучу глупо. Вы поняли.

Хуже всего было то, что я верила этому. Анонимный трус просто перечислял то, что я уже знала о себе. Я всегда чувствовала себя слишком тяжелой для камеры. Я всегда считала себя уродливой, и я знала точно, что звучу глупо.

Знаю, я должна была все это гнать из головы. Знаю, Интернет — ужасное место, привлекающее ужасных людей, которые не могли бы так смело разбрасываться словами в лицо. Но с каждым днем становилось все сложнее. Да, были люди, что хотели защитить меня (у меня было милое лицо, и звучала я познавательно), но я верила только негативу.

Я хотела сказать Дексу, что стоит убрать комментарии или найти модератора, но я не знала, как объяснить ему это. Хотя я связывалась сообщениями с Дексом, порой это не было связано с работой, но я не могла просто рассказать ему, как себя чувствую.

В Нью-Мексико, когда я просыпалась (и спала... только спала) с ним, я чувствовала связь между нами. Знаю, это звучит нелепо, но мне казалось, что мы с ним похожи. Мы нашли общий язык.

Но после этого я видела его только в тот выходной в Портленде. Я оставалась дома, ведь жила здесь, а он — в дешевом мотеле у аэропорта. Да, мы были на съемках, было пару моментов, когда я думала, что что-то случится (не знаю, что), но он вернулся в мотель, а я — домой к родителям. Вся связь, что я чувствовала в Рэд Фоксе, пропала.

И теперь были лишь сообщения и электронная почта. Врать не буду, я каждый раз глупо улыбалась, получая его сообщение, даже если там было просто «понравилось, что ты написала» или «не впечатлил новый альбом «Muse»». Такими были пока что наши отношения. Будто того поцелуя никогда не было.

Да. Поцелуй. Он не покидал моих мыслей. Я думала о нем каждый несколько секунд. Эти чувства возникали, когда ветер на улице бил мне в лицо, когда я слышала нужную песню. Декс поцеловал меня, когда мы сидели на качающемся дереве, когда мы были на грани смерти.

Тогда это казалось уместно. Я думала, что умру, и он тоже. Но дело было не только в этом, да? Могло ли быть так, что он давно хотел это сделать? Я знала, что для меня это было чем-то большим. Я хотела поцеловать его с первой нашей встречи.

Но была Дженнифер, мега-девушка Декса. Тонкий и жалкий голосок в моей голове, что безнадежно желал, чтобы после этой поездки они расстались, притих. Они не расстались. Поцелуй ничего не значил. Декс был с Джен, был собой.

Отчасти. Он был без лекарств в Нью-Мексико (случайно), и хотя у него были проблемы, он был нормальным, другого слова не подобрать, пока мы не расстались. А когда я увидела его снова, он был другим. Скучающим. Игривое настроение угасло, яркий свет в глазах потускнел. Он явно снова принимал таблетки или нашел что-то новое, но если они и спасали его, они еще и убивали настоящего Декса. Я не считала, что это честно. Да, Декс был странным, часто вел себя как заводная игрушка, но он был таким. В последнюю ночь в Рэд Фоксе я сказала ему, что надеюсь, что он всегда будет чувствовать себя живым. Похоже, мои слова не услышали.

Но я могла все преувеличивать, как всегда. Я бы не удивилась, что он изменился из-за обстоятельств. Так и было. Я должна была принять, что наши отношения будут меняться от каждой нашей встречи. Мы были напарниками, были на связи, но все было иначе, когда мы были вместе. А потом он возвращался к Дженнифер, а я ждала сообщения как наивная школьница.

В сторону дилемму, мне просто нужно было держать чувства в руках, и все встанет на место. Поездка на прошлой неделе отменилась из-за плохой погоды, мы собирались на остров, где была колония прокаженных в Британской Колумбии, в Канаде. Пока мы будем ездить, выйдет серия про пиццерию. А на следующей неделе мне исполнится 23.

Все было на местах, кроме работы. Я каждый день искала место, куда меня возьмут, врала каждый день родителям о работе. И кофейный ритуал в четыре часа вечера в лобби отеля «Эйс» отмечал конец дня поисков. Очередной пустой день в Интернет-кафе, бесполезные письма, которые не прочтут, на которые даже не взглянут в компаниях.

Я вздохнула и высыпала в кофе сахар из пакетика, смотрела, как он растворяется в горячей жидкости. Было обидно, если не сказать хуже, столько сил тратить на поиск работы. Сам поиск казался работой, но не оплачивался.

Но пока родители не узнали, все было хорошо. Хотя лгать им было неприятно. У меня почти не было аппетита (хотя это даже пошло в плюс — я потеряла пару фунтов, вот так-то анонимы!), вина терзала меня по ночам во снах, заполняла стыдом, когда я была уязвима. У меня не было выбора, кроме как искать работу, разнося резюме по городу.

Хоть тот чужак узнал меня, он был рад этому. Он был фанатом шоу. И хотя я запаниковала при встрече, она подняла мне настроение.

Я хотела написать Дексу. Он будет рад этому.

Я вытащила телефон и заметила, что там уже есть сообщение. Я не успела обрадоваться и заметила, что оно от Ады, а не от Декса.

Там говорилось: «НЕ ПРИХОДИ ДОМОЙ СЕГОДНЯ». Все заглавными буквами.

Мне стало не по себе. Я растерялась и обеспокоилась.

Я опустила кофе на стойку и написала ей:

«Как это понимать?».

Я отправила и решила сесть за стол, что чудом был пустым в час пик. Обычно я брала в это время латте с собой за мотоцикл Тыр-Тыр, который стоял неподалеку. Я успевала допить по дороге. Но если сестра говорила не приходить домой, то нет нужды спешить.

Я сидела пять минут, нервно царапая пальцами резиновый чехол айфона. Ада не отвечала.

Что это значило? Я проверила звонки и сообщения за день. Декс чуть раньше писал, что погода на выходных должна быть нормальной, был пропущенный вызов от папы, я перезванивала ему, но никто не ответил. Я не думала, что это важно. Он часто звонил мне из-за глупых вопросов (типа «как звали актера в том сериале про полицию» и т. п.), а вот мама звонила, чтобы проверить, что я в порядке.

Не было подсказок, и Ада не отвечала. Я посмотрела на время: сообщение пришло полчаса назад. Телефон был без звука, но я проверяла его раз в час. Хотя теперь я проверяла его чаще, вдруг кто-то ответил на мои твиты, посты в Фейсбуке или написал что-то в блоге.

Ада могла хотеть отправить сообщение кому-то еще (так бывало), или она была с парнем. Я не знала, но не собиралась сидеть в кофейне и притворяться, что я пью латте, ведь я уже допила его.

Я отогнала тревогу, бросила стакан в ведро и вышла на улицу. Среда была прохладной, стоял ранний ноябрь, до моего дня рождения оставалось меньше недели. Мне не нравилось думать об этом. Мне хватало 22 лет, а 23 означало что-то новое. Это было близко к 25, а я думала, что к тому возрасту все у меня наладится.

Со мной поговорил о шоу незнакомец, и я не этого хотела достичь к 25 годам. Может, это был знак, что грядет что-то хорошее, что я успею сделать все до 25: найти парня, свой дом и работу, что покажет людям, какая я. Или хоть поможет людям. Планов было много.

Я ощутила чуть больше уверенности, пока шла к месту, где оставила Тыр-Тыра. Я поехала на нем среди холодных ветров, что ударяли мне в спину и гнали домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ:

Я подъехала на Тыр-Тыре к дому и удивилась тому, как темно уже было. На прошлой неделе перевели часы, и я все еще не привыкла к этому. Мне не нравилось знать, что теперь еще не скоро солнце начнет ярко сиять, а дни будут долгими.

Я с тревогой смотрела на дом. Свет горел. Он был теплым контрастом с темнотой, и

мне было бы радостно, но в этот раз я ощущала тревогу, словно дом был живым и ждал меня. Я не знала, что это означает, но инстинктам доверяла. Они почти никогда не подводили.

Я прошла к входной двери, медленно выудила ключи. И замерла на верхней ступеньке. Странная волна энергии донеслась из-за закрытой двери. Тревога усилилась. Я огляделась, не понимая, что это. Мой взгляд уловил движение в окне моей спальни на втором этаже.

Это была Ада. Ее крохотный силуэт было едва видно, комнату освещала только настольная лампа. Она бешено махала мне, пытаясь прогнать.

Я хотела отойти и возмутиться, надеясь, что она откроет окно и все объяснит, но тут распахнулась дверь. Отец стоял на пороге.

— Ты заходить собираешься? — прорычал он.

Так меня папа не приветствовал. Хотя было сложно увидеть, его лицо было в тени из-за освещения, но я понимала, что он злится. Редкие вещи могли напугать меня так, как отец в ярости. Призраки и оборотни это одно, но папа — совсем другое. И я понимала. Наши характеры, к сожалению, были схожими.

Я сглотнула.

— Я искала ключи.

Он взглянул на ключи в моей руке и прошел в дом. Я не хотела следовать за ним, но выбора не было.

Я вошла и тихо закрыла за собой дверь. Он исчез. Я разулась, осторожно поставила ботинки в шкаф, а не оставила на полу, как обычно делала, а потом пробралась по коридору, надеясь, что успею дойти до лестницы и скрыться в комнате, пока ничего не случилось.

— Перри? — услышала я голос мамы из гостиной.

Я повернулась налево и увидела ее и отца в отдельных креслах. Они словно собирались проводить собеседование. В свете комнаты было заметно, что отец сердится. Он втянул щеки, так он делал, когда сдерживал вулкан слов внутри. За очками его глаза смотрели на маму, а не на меня.

Мама почти не выражала эмоций, кроме тревожных морщин, что всегда были на ее лбу. Мне все это не нравилось.

Я услышала сзади шум, обернулась и увидела Аду, неловко стоящую на ступеньках, со страхом глядящую на меня. Ее глаза были красными, словно она плакала, а макияж размазался сильнее обычного, что о многом говорило.

— Вернись в комнату, Ада, — сказал с нажимом папа, не глядя на нее.

Ада взглянула на меня, и я почти слышала ее голос: «Я же говорила тебе не приходить». Она взбежала по лестнице, а я осталась одна и очень напуганная.

— Я звонил тебе, Перри, — натянуто сказал отец.

— Ох, знаю. Я перезвонила, но ты не ответил.

— Я хотел узнать, проведем ли мы обед вместе, я как раз собирался в город.

— О, прости, — пролепетала я. Сердце колотилось все громче. Я не просто пропустила обед с папой. Я знала, что дела обстоят еще хуже.

— И я решил удивить тебя и остановился у твоего офиса, — сказал он и, словно лазером, пронзил меня взглядом.

Мое сердце точно остановилось. Оно будто выпало из моей груди на пол вместе с легкими и нервами. Этого я и боялась. Он знал. Они знали. Мне крышка.

Я не могла ничего сказать. А что сказать? Комната кружилась.

Он продолжал:

— Знаешь, что я увидел у тебя в офисе? Странную секретаршу. И когда я спросил ее, могу ли поговорить с тобой, мне сказали, что ты больше не работаешь там. И я немного расстроился.

О, боги. Я представила, как отец врывается в офис и пристает ко всем с вопросами, как порой делала и я.

— И тогда твоя начальница — прости, бывшая начальница — вышла и объяснила мне, что случилось. Она сказала, что им пришлось тебя уволить. Ты получила повышение и потребовала, чтобы тебе позволили работать в отдельные дни.

Отец продолжал, и ему становилось все сложнее удерживать голос под контролем. Я перестала слушать. Его голос дрожал в моих ушах, не проникая в голову. Я посмотрела на маму, но не могла прочесть выражение ее лица. Я знала, что она тоже разочарована. И это было даже преуменьшением.

— Ты меня слушаешь? — закричал отец и поднялся, возвысившись передо мной. И мне пришлось слушать. — Ты хоть понимаешь, как, черт возьми, было унижительно понять, что тебя уволили?

Я скривилась и отпрянула на шаг. Папа был набожным и никогда не ругался. Я не помнила, когда в последний раз видела его таким злым. Может, в старшей школе, когда я ввязалась в тот «случай».

Слезы покалывали глаза, ненависть и смятение поднимались к горлу. Или меня стошнит, или я закричу на него. Первое было намного предпочтительнее.

— Мы доверяли тебе! А ты врала нам. Неделями! — вопил он, слюна летела мне в лицо.

— Мне пришлось! — закричала я в ответ, не сдержавшись. — Вы бы ничего не поняли!

— Не повышай на меня голос! — завопил он еще громче.

Я с силой прикусила губу, ощутила соленый вкус крови и сжала кулаки, пока не ощутила, что энергия перешла в них.

— И все ради глупого шоу. Шоу, основанного на лжи! Шоу, где ты выглядишь как полная идиотка. Бесполезная, бессмысленная и глупая.

И меня прорвало. Слезы полились из глаз, пальцы разжались и схватили ближайший предмет, лампу, и я была готова бросить ее.

— Не смей называть меня глупой! — завизжала я. Вопль поднялся, как всепоглощающая волна гнева, словно облако чистой ненависти вылетело из моего тела. На долю секунды все стало размытым, чувства переполняли меня.

А потом...

Все картины на стене задрожали, упали на пол с грохотом.

Я застыла. И отец тоже. Я увидела страх в его глазах. Мама закрыла лицо руками и лепетала:

— Только не снова, — себе под нос.

Я тяжело дышала, пытаюсь взять себя в руки, что-то непонятное угасало в уголке моего сознания. Ковер в гостиной был усеян осколками стекла. Мой крик сорвал картины? Такое было возможно?

Папа огляделся потрясенно и взглянул на меня. Он открыл рот, но передумал говорить. Он прошел в маме и погладил ее по спине. Она тихо плакала.

— Смотри, что ты наделала. Опять напугала маму, — сказал он. Его голос был тихим, но обвиняющий тон остался.

Я глубоко вдохнула и осторожно поставила лампу на стол. Я приходила в чувство. Мне

не нужно было разбивать лампу, чтобы что-то доказать.

— Простите, — вяло сказала я. — Мне стоило сказать, что меня уволили, но я не хотела. Я боялась, что вы заставите меня оставить шоу.

— Именно, ты не будешь участвовать в шоу, — сказал папа.

Мне снова захотелось взорваться. Я смотрела на лампу.

— Перри, не начинай, — прошептала мама сквозь руки. Я замерла. Она смотрела на меня, в ее взгляде была мольба. Не от тревоги, а от страха. Она боялась меня.

Я хотела уточнить, но не стала. Мне не нужно было делать этого.

— Я не перестану, — выдавила я. Этого не могло случиться. Это не выход. Они должны это знать.

— Перри, — предупредил отец.

— Нет. Нет, я не оставляю шоу. Это все, что у меня есть! — панику в моем голосе было слышно.

Он рассмеялся зло и с горечью.

— Это не работа. Это у меня есть работа, Перри.

— За нее платят. Я получаю деньги. Я подписала контракт. Так что это работа, — я теряла терпение и боялась, что проиграю.

— Я не буду это обсуждать. Пока ты живешь в этом доме, ты не будешь в этом шоу.

— Да? Так останови меня, — сказала я, скрестив руки, поражаясь своему упрямству.

Он тоже был удивлен. Он сел в кресло с тяжким вздохом и зажал переносицу.

Тихо заговорила мама:

— Перри, нас больше тревожит, что ты врала нам. Я думала, что ты больше не будешь так делать.

— Я извинилась, — пролепетала я, но не сдавалась. — И мне жаль. Я чувствовала себя ужасно. Я не могла спать, не могла есть. И я не тратила время зря, я каждый день пытаюсь найти работу. Это сложно. Никто не берет.

— Проблем не было бы, если бы ты все не испортила, — сказал папа. — У тебя был шанс на хорошую карьеру, но ты упустила его. Он был у тебя в руках, Перри. Мы так гордились тобой. Зачем нужно было все рушить? Зачем нужно добавлять себе проблем? Тебе нужно... подрасти.

Снова потекли слезы. Не от злости или смятения, а потому что я ужасно себя чувствовала. Мне не нравилось врать им, и мне не нравилось, что они так ко мне относятся.

Слезы катились по щекам, но я старалась держать себя в руках.

— Мне очень жаль, — сказала я, чувствуя себя невероятно беспомощной.

— Просто... иди, Перри. Нам с твоей мамой нужно о многом поговорить, — сказал отец, отвернувшись от меня. Словно он не мог больше смотреть на меня.

Я всхлипывала, вытирала слезы рукавом, пока шла по ступенькам. Все расплывалось перед глазами. Я почти споткнулась о последнюю ступеньку, но Ада оказалась рядом и подхватила меня под руку. Мы молчали, она отвела меня в свою комнату. Я разрыдалась и рухнула на ее кровать.

Я несколько минут плакала в одеяло, задыхаясь и всхлипывая. Ада гладила меня по спине, и я была благодарна за поддержку.

— Родители не понимают, — сказала я в одеяло, голос был приглушен.

— Что? — спросила она.

Я перевернулась на бок и слабо улыбнулась.

— Что Уилл Смит не так прост.

Она растерялась из-за моей фразы со времен школы.

— Не важно. Мне жаль, что они узнали.

— Они поняли, что ты знала?

Она кивнула. Конечно, она плакала. Они обвинили ее в том, что она врала, прикрывая меня. Я чувствовала вину за то, что втянула ее в это, в ложь. Я так ей и сказала.

— Все хорошо, — сказала она, облизнув палец и стирая следы туши со щек. — Они ругались. Папа наговорил много страшного.

— Мама, думаю, тоже не ангелом была, — отозвалась я.

Она склонила голову.

— Вообще-то... мама за тебя заступалась.

Я села.

— Правда?

Мы с мамой не были близки. Никогда. И ощущение, что она боялась меня... оно появилось не просто так. Я всегда чувствовала, что мама относится ко мне с осторожностью, тревожась за себя, а не меня.

— Ага. Говорила, что это может привести тебя к чему-то хорошему. Шоу. А не ложь про работу. Она даже сказала папе, что не важно, что у тебя нет работы, ведь ты живешь дома.

Это не было похоже на маму.

— Уверена?

Она пожала плечами и встала с кровати. Она посмотрела в зеркало.

— Не знаю, так она сказала. А потом папа накричал на нее. Сама знаешь, всякие глупости. И я убежала, пока могла. И потому я говорила тебе, балде, не приходить.

И что мешало написать чуть больше? Я не сказала этого. Она уже много для меня сделала.

Она посмотрела на меня.

— Так что будешь делать? Что скажешь Дексу?

Декс. Черт. Я впервые забыла о нем.

— Ты позвонишь ему? — она села рядом со мной.

— Я не могу ничего решить, — сказала я, хотя знала, что придется что-то ему говорить. Мы должны были встретиться в Сиэтле в пятницу.

Всего было слишком много. Голова кружилась, и я рухнула на кровать, закрыла глаза, мечтая закрыться от всего.

— Хочешь, чтобы я написала ему? — спросила она.

Я вздохнула.

— А ты можешь?

Она вытащила телефон из кармана моего пальто.

— Здесь же только один Декс?

Я кивнула.

— Хорошо, как мне писать? Прости, чувак, я уйду. Навеки... — закончила она драматически.

— О, дай сюда, — нетерпеливо сказала я и выхватила телефон из ее рук. Если мне нужно думать, о чем писать, то проще все сделать самой.

Я написала первое, пришедшее в голову:

«Плохие новости. Родители запрещают участвовать в шоу. Мне очень жаль. Я

попытаюсь переубедить их, но ничего не обещаю. Мне очень жаль».

Я не сразу нажала «Отправить». Слова казались отговоркой. Но я нажала и отбросила телефон. Я закрыла глаза руками.

— Ох.

Я прождала несколько секунд, а потом нервно посмотрела на телефон. Он был без звука.

Ада проследила за моим взглядом и заглянула в телефон.

— Ничего, — сказала она и посмотрела на меня. — Что тебя больше расстраивает? Потеря шоу или Декса?

Вопрос испугал меня. Он был очень точным.

— Ты теперь моя совесть?

— Раз прежней нет, я... — начала она с ухмылкой.

— Заткнись, — прервала ее я.

— Эй, — она ударила меня по ноге. — Ты у меня в долгу, балда.

— Знаю, — я хотела избежать вопроса. И все же сказала. — Оба варианта.

Это было правдой. Я боялась потерять шоу, потому что все происходило из-за меня. Это помогало мне жить, поддерживало уверенность, странное чувство важности, и я чувствовала, что мне это суждено. Я словно должна была делать это (делать хоть что-то) после лет поисков чего-то, в чем я буду чувствовать себя уверенно или даже лучше многих. Я не хотела уходить.

И Декс. Я не могла отпустить его. Не секрет, что он мне нравится, как бы я ни старалась погасить чувства или пытаться думать логически. Я любила его. Я толком его не знала, но любила то, что знала. Это сводило меня с ума, словно книга, которую не можешь перестать читать, чтобы узнать, чем все кончится, угадал ли ты. Мысль потерять его, хоть он был лишь напарником, причиняла боль. Seriously. Чем больше я думала, тем сильнее сердце сжималось. Я прижала ладонь к груди, чтобы успокоить его.

В больших голубых глазах Ады была жалость. Она знала. Мне не нужно было ничего говорить. Нас окутала тишина, я затерялась в своих мыслях, а она — в своих.

— Все станет лучше, — сказала она вдруг.

Мне хотелось верить в это.

— Хорошо быть юной оптимисткой.

— Ты тоже молода.

— Но мне уже не пятнадцать. В пятнадцать я думала, что я непобедима. Не говорю, как потом все плохо обернулось, не о том речь.

Она промолчала и посмотрела на телефон. И нахмурилась. Я поняла, что пришел ответ.

Она дала мне телефон. Я не хотела смотреть. Я вернула телефон ей.

— Прочитай. Но не говори, что там, — сказала я.

Она читала. Я изучала ее лицо. Уголок ее рта дернулся. Плохо дело. Мне стало не по себе.

— Что там? — спросила я.

— Ты просила не говорить!

— Все плохо, да? Он злится?

— Ох, похоже. Говорит: «Шутишь? Тебе пора повзрослеть и научиться управляться с родителями. Это смешно».

— Боже, — выдохнула я и забрала телефон. Она не врала и не приукрашивала.

— Ч-что мне казать? Он меня ненавидит, — выдавила последние слова я. Слезы грозили пролиться снова.

— А чего ты ожидала, Перри? Он... в чем-то прав.

Я посмотрела на нее, желая, чтобы ее лицо загорелось. Она вздрогнула, я видела такой взгляд у мамы. Злость и горечь, как раньше, поднялись к горлу. И это хотело вырваться и заполнить ее.

Я зажмурилась и попыталась успокоиться. Я была разбита. Было сложно управлять мыслями и не упускать реальность. Она была Адой, я знала ее. И Декс имел право злиться. Если он меня ненавидит, придется принять это. Я сама здесь виновата.

Во мне было столько стыда, что это пугало. Я словно снова падала в глубокую дыру. Кто вытащит меня в этот раз? Я не могла доверить это себе? Я была жалкой. Без работы. Без шоу. Без Декса.

— Ты в порядке? — спросила Ада. Я поняла, что, раздумывая, сверлила дыры в плакате Зака Эфрона. Я не знала, сколько времени прошло, но костяшки пальцев посинели от того, как я сжимала телефон.

Я не была в порядке. Совсем. Мне нужно было или уснуть и оставить мир в стороне, или принять его и включить самую агрессивную музыку. Почти вся моя музыка была тяжелым металлом и злым роком, это не было проблемой. «Nine Inch Nails» как раз подойдут. И я разнесу на клочки спальню и пробью дыру в стене. Я так уже делала.

— Знаешь, что? — она поднялась. — Я заварю тебе чай. И мы подумаем, что делать дальше.

Я вяло кивнула и опустила голову на ее подушку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

Звук дверного звонка проник в мои сны и разбудил. Что-то о воде, темноте и плаче ребенка. А потом фрагменты сна исчезли. Где я была? Я лениво посмотрела на край шелковой ленты, висящий из выдвижного ящика стола Ады. Она выиграла ленты несколько лет назад, когда была обещающей балериной. Я рассеянно отметила, что теперь она должна этого стесняться.

Я подняла голову выше и посмотрела на ее будильник. Восемь вечера. У кровати стояла полная чашка чая. Я, видимо, уснула, пока она делала мне чай.

Я услышала высокий смех и повернулась, увидела ее на подоконнике с телефоном. Она внимательно слушала и широко улыбалась, ее щеки порозовели. Я тут же поняла, что это парень.

Мой телефон лежал рядом со мной на кровати, и я все вспомнила. Ссору с родителями, слова Декса. Я разочарованно поняла, что это не сон. Я слишком устала эмоционально и физически, чтобы переживать из-за этого. Сердце и голова были тяжелыми, и даже думать о том, что изменилось, было сложно.

Но было и немного радости. Был один плюс во всем этом: мне не нужно было больше врать. Этот груз больше не висел на моих плечах.

Я поднялась на локтях и потерла виски. От дневного сна я всегда чувствовала себя хуже, чем перед таким сном, этот раз исключением не был.

— Да, все хорошо, — сказала Ада в телефон, ее голос был на пару октав выше обычного. — Мне нужно оставаться дома. И родители никуда меня не выпустят, глупые.

Она рассмеялась и сказала:

— Ладно, красавчик, до завтра. Пока.

Она отложила телефон, глядя на него пару мгновений с глупой улыбкой на лице, а потом опустила его.

— Красавчик? Кто это был? — хрипло спросила я, не желая вмешиваться, но чувствуя любопытство. Я знала, что Ада любвеобильна, но не слышала, чтобы она кого-то так называла.

Я ожидала, что она скажет, что это не мое дело, но вместо этого она подошла ко мне, вытянув мизинец.

— Клянешься не рассказывать маме с папой?

Я обхватила своим мизинцем ее мизинец и пообещала. Ада в этот раз звучала как та, на кого можно положиться.

— Ла-а-адно, — она улыбнулась и прошла к сумочке, принялась рыться в ней. Она вытащила школьную фотографию. Ту самую, которую давали друзьям, чтобы расписаться сзади. Редкие хотели бы мою фотографию с двойным подбородком и синими волосами.

Я посмотрела на фотографию. Милый парень, явно старше и с короткими волосами смотрел на меня. Он выглядел как жокей с искрами в тусклых глазах.

— Это Лейтон. Он мой парень, — она произнесла «парень», словно это была шутка. Но я видела по ее глазам, что она не шутит. Она старалась изобразить спокойствие.

— Давно вы встречаетесь? — спросила я, чувствуя желание защитить ее. Я вспомнила прошлый месяц, когда нашла в ее выдвижном ящике пачку презервативов (я не рыскала, не думайте), и молилась, чтобы она не использовала их с ним. Он выглядел старым для нее.

— С начала учебного года, — сказала она ровным тоном, но с гордостью.

— И он хороший?

— Да, — она вздохнула и забрала у меня фотографию. — Ты теперь изображаешь маму?

— Просто спрашиваю.

— Не доверяешь мне.

— Я... — я вскинула руки в воздух и пожала плечами. — Он выглядит мило. Я рада, что он делает тебя счастливой.

— Делает, — пропищала она. — Он не просто милый, а красивый. И он участвует во всех спортивных командах.

Я не думала, что Ада из тех, кто считает свидания с такими парнями крутыми, но если это было популярно, то это многое объясняло. У Ады был успешный модный блог, кто знает, сколько людей заглядывало к ней каждый день, чтобы посмотреть на ее тело и безумные наряды. Я не знала, получала ли она плохие отзывы. Стоило спросить у нее позже.

Я вспомнила пачку презервативов и не сдержалась:

— Надеюсь, ты с ним не спишь.

— Перри! — возмутилась она. — Это не твое дело.

— Может, нет... не хотелось бы. Но я хочу, чтобы ты была осторожна. Все быстро может испортиться, и если ты не будешь осторожна... — злые воспоминания наполнили голову. Я прогнала их.

— Я осторожна!

— Так у тебя с ним секс! — воскликнула я.

Она вскочила с кровати и скрестила руки.

— Вообще-то, нет. И ты будто святая... Ты спишь с Дексом.

Теперь уже я вскочила с кровати.

— Нет!

Обвинение было смешным (хотя очень заманчивым).

Она вскинула подведенную бровь.

— Ладно, — медленно сказала она. — Ты просто проводишь время с этим «красавцем», бегаешь за призраками с места на место. И ты, конечно, не занимаешься с ним ничем таким.

Я раскрыла рот. От нее это звучало ужасно. Мне вдруг стало стыдно, что у меня вообще были такие мысли. И почему она показала в воздухе кавычки при красавце?

— Вообще-то, Потеряшка. — сказала я, вскинув руки. — Мне 23...

— 22.

— Ладно, 22. Я достаточно взрослая, чтобы справиться с сексом с кем-то. И у Декса есть девушка. И Декс мой напарник. Да, мы проводим много времени вместе, но только по работе.

Я многое видела перед глазами, произнося это. То, как он порой смотрел на меня, словно искал в моей голове истинные чувства. Случай, когда я успокаивалась в его объятиях. То, как я засыпала с головой на его груди, слушая его биение сердца, как колыбельную. То, как его губы касались моих губ, разряд тока, от которого можно было умереть, не жалея об этом.

— Ага, ты явно хочешь спать с ним. Это только вопрос времени, — сказала она, пряча фотографию в кошелек, словно это был тайный документ.

Я воодушевилась от этого замечания, но не дала себе обрадоваться.

— Вряд ли, Ада. Этого не случится.

— Надеюсь, ты права, — сказала она, прошла к столу и подняла чашку с остывшим чаем. — Тебе сделать еще, раз этот уже не годится?

— Да. И как понимать, что ты надеешься, что я права?

— Уверена, ты поймешь, — заявила она и вышла из комнаты.

Пойму? Что пойму?

Я слезла с ее кровати и прошла за ней в коридор как любопытная кошка. Она остановилась на половине лестницы и стояла, глядя в сторону гостиной, как было раньше, пока я ссорилась с родителями. Меня охватило ужасное чувство. На что она смотрела? В гостиной они мертвы?

Я не позволила себе долго думать об этом. Я прошла к ней на ступеньки и услышала голос отца:

— Просто знай, что мне это не нравится, — и я поняла, что он жив.

Я остановилась рядом с сестрой и проследила за ее взглядом.

Папа с мамой сидели в креслах. Они словно и не двигались. Осколки стекла и картины все еще лежали на полу.

Они были не одни. На диване напротив них был мужчина.

И через пару секунд я поняла, что знаю его. Я знала эту манеру сидеть, склонившись, эти штаны, серую толстовку с капюшоном и растрепанные темные волосы.

Мои нервы пылали, пригвоздив меня к месту. Я хотела посмотреть на Аду и понять, видит ли она то же, что и я, но я не могла отвести взгляд.

Я крепко зажмурилась, думая, что это иллюзия. Такое было бы не в первый раз.

Когда я открыла их, в комнате стало тихо, родители смотрели на меня. Декс медленно повернул голову в мою сторону, и наши взгляды пересеклись. Это были его глаза. Декс был в

моей гостиной и говорил с моими родителями.

Как. Это. Понимать?

Я лишилась дара речи. И мыслей. Я могла лишь стоять и смотреть. Я была уверена, что у меня раскрыт рот.

— Перри, к тебе гость, — сказала мама.

Я едва слышала ее. Я смотрела на Декса. А его глаза не выдавали правды о том, что происходило. Но его верхняя губа слабо дернулась, объяснив все.

Краем глаза я заметила, что Ада разглядывает меня. Все ждали, пока я что-нибудь скажу.

И я сказала первое пришедшее в голову.

— Декс... что ты здесь делаешь?

Он поджал губы и промолчал. Он посмотрел на моего папу, а тот встал.

— Декс прибыл сюда из Сиэтла, чтобы поговорить. О твоём деле, — сказал он с долей уважения. Профессор в нём выходил наружу.

Я посмотрела на Аду. Ее глаза были огромными, но ситуация ей явно нравилась.

Декс смотрел на нас. Он встал с дивана и пошел к лестнице, глядя на Аду с ухмылкой.

— А это, видимо, пятнадцатилетняя сестренка.

— Ада, — сказала она недовольно, веселье исчезло с ее лица. — А это, видимо, чокнутый напарник Перри. Вы ниже, чем я думала.

Я смущенно закрыла глаза, а Декс сказал:

— Ах, я уже вижу связь между вами. Резкие сестры.

Я открыла глаза и увидела, что Ада со злостью щурит глаза, а потом она спустилась с лестницы и ушла на кухню. Я посмотрела на Декса.

— Прости, что пришел внезапно. Можем поговорить? — спросил он своим низким голосом. Я посмотрела поверх его головы на родителей. Они этого ожидали. Я не знала, о чем они говорили, но было ясно, что Дексу нужно обсудить со мной дело лично.

Я кивнула и посмотрела на лестницу. Моя спальня была очевидным местом. Я почти чувствовала, как Ада смеется на кухне от того, какой абсурдной (и подходящей) стала ситуация за минуты. Я говорила, что не сплю с Дексом, но вела его в свою спальню. Это было безумием.

Я шла, Декс следовал за мной. Я бледнела и дрожала. Я не была готова к этому. Я почти чувствовала спиной его энергию. А потом разум очнулся. Моя спальня чистая? Нигде не разбросано нижнее белье? Я могла выглядеть ужасно с заплаканными глазами.

Я открыла дверь. Лампа на столе уже горела, но освещение казалось слишком романтической, и я включила верхний свет и впустила Декса внутрь. Он остановился в центре комнаты и осмотрелся. Я закрыла за нами дверь и быстро оглядела комнату в поисках чего-то вне нормы.

Беспорядок был, как обычно, но нижнее белье и смущающие предметы были убраны. Хотя ряд плюшевых игрушек можно было посчитать смущающим. Но он рассмеялся и прошел к ним, поднял мою потрепанную обезьяну по имени Тим.

Он помахал ей в мою сторону.

— Этот бедняга такой старый? У него глаз свисает, — он щелкнул по нему ногтем, глаз раскачивался, как маятник.

Я вскрикнула и забрала Тима из его разрушительных рук.

— Это Тим, и он у меня с двух лет, — я прижала Тима к груди, защищая. Декс

удивленно смотрел на меня. — У меня есть плюшевые игрушки, и что? — возмущенно спросила я. Я понимала, что плакаты с «Alice in Chains» и «Melvins» не вяжутся с этим.

Он улыбнулся и пожал плечами. Я вернула Тима к его друзьям.

— И? — спросила я, повернувшись к нему, снова нервничая.

Он разглядывал мои стены.

— Что? — отозвался ровно он.

Я стукнула его по плечу, чтобы он смотрел на меня.

— Декс. Что ты здесь делаешь?

Он нахмурился.

— Не рада меня видеть?

Я склонила голову, не ожидая такого ответа.

— Да, но... то есть...

— Ладно, я не буду обижаться. Раз ты так хочешь.

Я вскинула брови.

Он улыбнулся быстро, а потом убрал улыбку взмахом руки. Он посерьезнел, поджал губы.

— Я не могу потерять тебя и шоу, — сказал он. — Но знал, что если ты будешь говорить об этом с родителями, то сделаешь все только хуже.

Я скривилась. Это было больно, но Декс порой был очень честным.

— Ехать всего два часа, — продолжал он. — Я успел даже быстрее.

— Стоило сказать мне, — отметила я.

— Да? Чтобы ты два часа изводила себя? Я же знаю тебя. Так было проще. Это сработало. Можешь меня, кстати, благодарить.

— Что сработало?

Он прошел к моей кровати, напевая под нос песню. Он лег на кровать, скрестил руки под головой и ударил ногой по матрасу.

— Неплохо. Хотя можно было кровать чуть больше. Как сюда помещаются твои парни?

Хоть он и раздражал, было приятно видеть его более игривым, чем в прошлую встречу. Но я не хотела, чтобы он все не так понимал, я хотела быть серьезнее в этой ситуации. Я придвинула к нему стул и села.

— Декс. О чем ты говорил с моими родителями? Что за дело?

— О, — удивленно сказал он. — Я просто сказал твоему отцу, что у тебя будут проблемы с законом, если ты разорвешь контракт.

Я раскрыла рот.

— Ого. А ты наглый, ты знал?

— О, знаю, — улыбался он.

— Я серьезно. Это как... угрозы моему отцу. А он угрозы не любит. Поверь.

Декс повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты слишком переживаешь из-за них. Твой отец мужчина. Он может быть для тебя страшным папой, но для меня он мужчина, который любит вино, потекает себе и старается быть главным кормильцем в доме. Он ответил, как я и думал, как любой мужчина. Логично. Если ты разорвешь контракт, ShowNet будет действовать. Ты не можешь разорвать его без причины, и то, что ты не нашла общий язык с родителями, причиной не является. Порой помогать должен кто-то снаружи.

Я обдумывала это со смесью эмоций. Мне не нравилось, что Декс считал, что знал моих

родителей лучше меня. Не нравилось его мнение о наших отношениях. Он ничего не знал обо мне и моих родителях, он не был здесь, не рос в этом доме, не справлялся со всеми кошмарами, через которые прошла я. Но все же... это сработало.

Но я радоваться не спешила.

— И... — поторопила я его.

— Что? Он согласился. Он долго говорил мне, как разочарован в тебе, как растил тебя не для этого, и я старался не смеяться. И он говорил, что шоу это не карьера, бла-бла-бла.

— Ага, это я уже сегодня слышала, спасибо.

— А потом он взял себя в руки и сказал, что стоит поступить правильно. Позволить шоу. Но тебе придется платить за проживание здесь. Вот тут прости.

— Что?! — вскричала я, удивившись громкости своего голоса. Декса это не удивило, и он виновато смотрел на меня.

— Тебе 22. Тебе стоит платить за квартиру. Я вот плачу кредит. Это называется быть взрослым. Ответственность.

Я сжала кулаки. К концу этого ужасного дня у меня будет сердечный приступ.

— Спасибо за лекцию, Декс. На следующей неделе мне 23.

Он посмеялся.

— Это тебе не поможет.

Я недовольно вздохнула и прошла к шкафу. Я заметила флакон травяного средства, что распыляли в рот, когда была близка паническая атака. Эффект явно основывался на самовнушении, но это все равно ведь работало? Там было почти пусто.

Я прыснула лекарство в рот, Декс встал с кровати и подошел ко мне с любопытством во взгляде.

— Освежитель дыхания? — спросил он, забрал у меня флакон и прочитал этикетку. Он удивленно вернул мне флакон. — Денек был кошмарный, да?

— Как ты догадался? — с сарказмом пробормотала я.

— Это у тебя на лице написано, — сказал он и указал на мои глаза. — Такие мешки могут быть карманами.

Я яростно посмотрела на него.

— Ты пришел помогать или все ухудшить?

Я направила спрей в рот, но насадка была развернута в другую сторону.

И я выпустила струю в лицо Декса.

Он скривился и отвернулся. Я понимала, что это случайность, но все идеально совпало. Я рассмеялась.

Он вытер слезящиеся глаза и отпрянул.

— Думаю, я это заслужил, — сказал он, быстро моргая. — Это был спирт? Конечно, он тебя успокаивает.

Он снова подошел и положил ладонь мне на плечо. Я ощутила тепло между нами.

— Слушай, малыш, я спас твою задницу, — он скривился и вытер слезу.

— Очень большую задницу.

Он легко улыбнулся, а глаза теперь были красными.

— Мы с тобой знаем, что я думаю о твоей заднице.

Ах, да. Он хватался за нее, когда мы танцевали в баре в Рэд Фоксе. Впервые кто-то похвалил мою пятую точку. Но это не было важно. Я начинала думать не о том, чувства и картинки заполняли голову, кружась.

А в реальности он был в моей спальне, стоял рядом, его рука лежала на моем плече. И это не помогало. Я понимала, что если ничего не скажу, молчание станет неловким.

Я кашлянула.

— Спасибо, что спас меня. Правда, спасибо.

Он сжал мое плечо. Я смотрела на его лицо, его сильная челюсть и чувственные губы обрамляла едва заметная щетина, темные брови нависали над понимающими глазами, что сияли, как отполированные кофейные зерна, черные волосы падали на его красивый лоб. Ого. Такие мысли не помогали.

Я пыталась сказать себе, что он мой напарник. Я перестала разглядывать его и сосредоточилась на спрее в руках.

— Так мы едем на выходных?

С рукой на моем плече он сказал:

— Может, сейчас?

— Что?

— Как быстро ты можешь собраться?

— Я не слышала ответ, — я не должна была готовиться до пятницы.

Он убрал руку. Плечо без его ладони казалось холодным и открытым. Он прошел к моему шкафу и открыл его.

— Девяностые, как я и думал, — пробормотал он, разглядывая содержимое. — Мне собирать вещи? Ты носишь одно и то же каждый день. Так-с, нам нужны леггинсы, футболка с группой и юбка. Может, джинсы.

Я прошла к нему и закрыла дверь шкафа, глядя на него, зажимая дверь шкафа.

— Серьезно, куда мы отправимся сегодня? И в футболках с группами я сплю.

— Я видел тебя в них. Разве ты не была в футболке с «Kings of Leon» на прошлой неделе?

— Декс! — процедила я. Я ненавидела «Kings of Leon». И он меня бесил.

Он зевнул. Ему еще и скучно?

— План таков. Я приехал сюда, чтобы, кхм, все исправить. Теперь ты поедешь со мной в Ванкувер. Канада. Не поддельный Ванкувер за рекой.

— Шутишь? — спросила я. — Уже девять вечера!

— Ладно, может, до Ванкувера не доедем, но сколько успеем. Мы же отправляемся на хоккей!

— Что? — я потерла виски. Это не имело смысла.

— Ты сама говорила в прошлый раз, что было бы «круто», если бы порой делали что-то нормальное, узнавали друг друга как людей, а не бегали за призраками и пугали друг друга.

Да. Я так говорила. Я упоминала, что было бы неплохо порой вести себя как нормальные люди. Как друзья. Но я не понимала, куда он клонит.

Он прочитал смятение на моем лице. Это было просто.

— Кэнакс играет завтра с Рейнджерс. У меня есть билеты. И нам нужно в Ванкувере поговорить насчет съемок. Так что я пытаюсь быть хорошим и радовать тебя.

— Пфф, — фыркнула я. — Радовать? А если мне не нравится хоккей?

— Тогда мы не будем разговаривать, — сказал он, щурясь. Было сложно увидеть, серьезен ли он. Он не говорил раньше о хоккее, когда я слушала, но он мог и о странном говорить с серьезным видом. — Это так?

— Нет, — я не была против спорта. Я просто ничего не знала о хоккее. В Орегоне он не

был распространен, были лишь неопытные Винтэрхаукс из Портлэнда.

— Хорошо, — он все еще разглядывал меня. — Тогда мы еще можем быть друзьями.

— И мы уезжаем сегодня... а потом на остров в пятницу?

— Верно. И вернемся в воскресенье, ты как раз успеешь на свой день рождения в понедельник.

— Ты знаешь, когда у меня день рождения? — я была даже тронута. Печально, что меня так просто впечатлить.

Он постучал по голове.

— Я наблюдательнее, чем ты думаешь. А теперь предлагаю быстрее собираться. Я помогу. Где там твое нижнее белье?

Я закатила глаза, вытащила рюкзак и принялась набивать его.

* * *

Так быстро я еще не собиралась. Мне нужно было поскорее убраться из этого дома.

С Дексом и разговоры с родителями стали вежливыми. Папа даже помог найти в гараже спальный мешок. На острове домиков не будет. Мы будем постоянно в палатке. В ноябре. В Канаде. Вот весело-то.

Я видела, что родители с трудом мирятся с ситуацией. Они все еще злились из-за моей лжи, из-за моего выбора, но понимали, откуда Декс. И хотя им не нравилось, что я с другим человеком, им пришлось принять это. И Декс здесь — взрослый (отчасти) и серьезный (порой) — помогал.

И Ада... я знала, что она чувствовала. Мы вышли из гаража, и она оттащила меня в сторону.

— Теперь-то ты с ним будешь спать, — прошипела она в мое ухо.

Я не слушала ее. Я не собиралась снова спорить об этом, еще и Декс был неподалеку.

К счастью, мы покинули дом в рекордное время и вскоре поехали в темноте по шоссе на север. Черный Хайлендер Декса был забит оборудованием для съемок, палаткой и вещами для ночевки.

Декс был из тех, кто любил громко слушать музыку и почти не говорить. Этот раз не был исключением. И такая тишина успокаивала меня, я слушала музыку и звук, с которым он крутил во рту зубочистку. Когда мы впервые встретились, я нервничала, оставаясь с ним наедине, мне приходилось болтать обо всем, чтобы заполнить тишину. Я гордилась теперь, что знала Декса достаточно, чтобы говорить теперь начинал он.

Это и случилось через час пути. Я проверяла почту на телефоне, когда ощутила его любопытный взгляд. Это звучит глупо, но взгляды Декса реально ощущались. Я могла это делать даже издалека. Что-то в этих глазах...

— Я заметил, что у тебя уже появилось много хейтеров в блоге, — сказал он. — Молодец.

Я громко вздохнула. Я хотела об этом поговорить.

— Ты это мне говоришь? — сказала я, с болью глядя на него.

Он задумался на миг, на лице мелькнула нежность.

— Таков Интернет, — отметил он. — Если бы не было хейтеров, это было бы странно.

— Да, но они подлые, — отозвалась я.

— Интернет полон таких. Их мнение не имеет значения.

Имеет.

Он понял это.

— Ладно, не должно иметь значения.

— Может, стоит закрыть комментарии... Это ведь плохо отражается на шоу?

Он посмеялся и покачал головой.

— Не могу, малыш. Не недооценивай общество в Интернете. Если люди могут выразить мнение, даже если плохое, они будут приходить. Чем больше людей на сайте, тем больше увидит шоу. Чем больше людей увидит шоу, тем больше у нас будет плюсов, тем больше денег мы получим. Это игра. Тебе стоит просто игнорировать их. Они есть у всех, как в маленьких блогах, так и на крупных сайтах.

— И еще, — сказал он, стукнув меня по ноге. — Думаю, тебе это на пользу. Сделает сильнее.

— Я уже сильная, — проворчала я.

— Тогда это тебя не тревожило бы. Это скатывалось бы с тебя, как вода.

Я прищурилась. Он отвел взгляд от дороги и улыбнулся, увидев мое лицо. Не такого ответа я ждала.

— Ты так меня хотела напугать? — спросил он, губы дернулись от удивления.

Я хотела взорваться, вспомнить кошмары из прошлого, ведь он понятия не имел, каково это — быть мной. Но я не могла. Потому что в его словах был смысл. Я всегда считала себя сильной... я прошла наркотики и другие проблемы в школе, я выросла с семьей, что шарахалась от меня (сама виновата), а еще я проходила курсы каскадерш. Я многое прошла морально и физически. И как могло несколько комментариев от тех, кого я не знала, так меня расстроить?

Я закрыла рот и посмотрела в окно на черные силуэты растений, проносящиеся мимо.

— Честно, — серьезнее сказал он. — Это не стоит твоего времени, Перри. Ты лучше этого. И чем успешнее будет шоу, будешь ты... тем хуже там будет. Но ты справишься.

Он снова потянулся ко мне, но не стукнул по ноге, а сжал мое колено. Ситуация была щекотливой. Еще немного давления, и я начну ерзать. Он не сразу убрал руку, и я чувствовала, что он ждет, пока я посмотрю ему в глаза.

Слишком много чувств проходило через меня, тело отвечало. Язык пересох, кожу шеи покалывало, волосы ожили. Я посмотрела на него. Он был встревожен или интересовался моим ответом, но что-то еще скрывалось за этими карими глазами. Что-то, чего я не могла понять. Словно это то, что он сам еще не решил. Нетерпеливость.

— И где мы останемся на ночь? У тебя? — выдавила я.

Он тут же убрал руку и отвернулся.

— Нет, — сказал он, поджав губы.

Я точно сказала что-то не так. Я хотела исправить это.

— Джен против?

Если он вздрогнул, но едва заметно. Он сильно сжал зубочистку и сказал:

— Нет. Она... просто лучше нам оказаться как можно ближе к Ванкуверу. Думаю, Беллингхем подойдет, найдем там какой-нибудь мотель. Если мы пересечем границу сейчас, то поднимем много шума... особенно со всеми этими вещами. Я не хочу рассказывать им, что мы тут по работе, чтобы не начали требовать визу и остальное.

Я кивнула, но его речь меня не убедила, хотя смысл был. Я бы не винила Джен, если бы она не хотела видеть меня в их квартире. Но опасение, что Декс темнит, заставило меня запомнить это на будущее. Было что-то еще, и, может, однажды я пойму, что это.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

— И откуда вы?

Я склонилась вперед в машине и улыбнулась спрашивающему стражу границы, который выглядел так, словно провел много смен подряд.

Мы были на границе, направлялись в Британскую Колумбию, я не была там лет пять. Это было популярное место для дешевых покупок во время моей старшей школы, но после подъема доллара и паранойи посетителей после террористических актов 11 сентября мне не хотелось туда возвращаться. Я была рада, что у меня есть паспорт (спасибо поездкам в Швецию к дедушке Карлу), ведь проверка теперь тоже изменилась.

Я понимала, почему они так тщательны, но это не помешало мне чувствовать себя очень виноватой. А мы с Дексом правду им почти не говорили.

— Я из Портлэнда, Орегон, — сказала я как можно увереннее. Даже это казалось ложью.

Он смотрел на нас с подозрением, скользил взглядом и по джипу.

— Откуда знаете друг друга? — спросил он.

— Мы пара, — легко сказал Декс, широко улыбаясь. Страж от этого дрожать, как я, не начал.

— Из разных штатов? — спросил он, пытаясь получше рассмотреть, что сзади.

— Да, — сказал Декс. Я чувствовала, что он хотел приукрасить, но понимал, что в таких ситуациях лучше говорить поменьше. Мы решили, что если будем изображать пару, это будет не так подозрительно.

— Что будете делать в Канаде?

— Едем смотреть хоккей, а потом пару дней проживем на природе.

Страж смотрел в глаза Дексу, пытаясь прочитав его. Удачи. Я сохраняла на лице фальшивую улыбку.

Наконец, он сказал:

— Вперед, Кэнакс, — и пропустил нас взмахом руки.

Я махнула ему, машина отъехала подальше, и мы с облегчением выдохнули.

— Он даже не спросил, есть ли у меня выпивка, — сказал Декс, стукнув по рулю. Мы останавливались у магазина беспошлинной торговли, он купил бутылку коньяка и пачку сигарет. — Нужно было взять больше бутылок.

— И что ты задумал на эти выходные, Декс? — спросила я, дразнясь.

Уголок его рта приподнялся.

— О, увидишь.

Прошлой ночью мы ночевали в мотеле в нескольких милях южнее Беллингема, Вашингтон. Мы добрались туда поздно, так что сразу ушли в отдельные комнаты. Было приятно вернуться в дорогу, а в мотелях я обычно быстро отключалась. И при этом чувствовала, что попала сюда, занимаясь делом.

Вы, наверное, думаете, что произошло что-то интересное. Нет. Я спала в своей комнате, он — в своей. Мы проснулись рано утром и отправились дальше в Канаду, все вокруг было удивительно зеленым в тусклом утреннем осеннем свете.

Нашим планом было оставить вещи в мотеле в Ванкувере, чтобы успеть встретиться с рейнджером, с которым хотел поговорить Декс. А потом, видимо, нас ждал хоккей. На следующий день мы собирались отправиться паромом на остров Ванкувера, чтобы

встретиться с еще одним другом Декса и взять у него лодку, чтобы доплыть до острова. Все было спутано, но я не возражала. Я была рада быть с Дексом, хотя об этом приключении я знала мало. Но можно было спросить.

— Итак, — сказала я, пока смотрела, как проносятся мимо фермы и ручьи, — что нас ждет на том острове? Наверное, ты уже подготовил мне книжки?

— Я бы хотел, но об острове написано мало, и это можно найти в библиотеке в Ванкувере, но у меня нет читательского билета. Потому нам нужно встретить Билла.

— Рейнджер Билл, — отметила я.

— Ага. Надеюсь, он не заставит ждать.

— Хочешь сказать, что ты, Деклан Форей, не знаешь, что мы ищем? — насмешливо спросила я.

— Остров был колонией много лет. Там умерло много людей, в основном, китайцы. Пока этого хватит.

— Кстати, какое у тебя второе имя? — спросила я.

— Зачем тебе?

— Чтобы использовать его, когда я злюсь.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Вот это ты от меня не получишь.

— Можно посмотреть твой паспорт? — невинно спросила я.

Он быстро выхватил его из держателя для кружки, куда сунул раньше, и спрятал в карман серых брюк.

— Нет уж.

— Хуже Деклана быть не может.

— О, ты хочешь ввязаться в спор о том, у кого смешнее имя? Тут ты не победишь.

— Уверена, что легко выиграю, — ровно сказала я.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. А потом игриво посмотрел на меня.

— Знаешь, Перри, порой у меня появляется навязчивое впечатление, что ты со мной флиртуешь.

Это было так. Я дала себе смутиться на две с половиной секунды, а потом сказала:

— Ты думаешь, что с тобой флиртуют и официантки, Декс.

Это было так тоже. Я его не винила.

— Но это так, — сказал он. — Кто устоит перед таким красавцем? — он погладил челюсть, а я с трудом удержалась от кивка.

— Еще и со щетиной, как у насильника, — добавила я.

— Туше, — сказал он. — Завтра будем смеяться над тобой? Если ты не расплачешься и не закроешься в ванной?

— Ха, — отозвалась я. И повернулась к пейзажу. Хоть был и ноябрь, все выглядело почти таким же свежим, как летом. Некоторые деревья еще были с листьями. Может, дело было в том, что в этих краях часто шли дожди. Но я о дожде в такой прекрасный ясный день думать не хотела.

Декс включил на плеере «White Zombie» «Astro Creep 3000», и к концу альбома мы уже пересекали мост и направлялись в Ванкувер, город возвышался вокруг нас, как королевство высоких стеклянных зданий, чистой воды и вершин, покрытых снегом.

Мы остановились в «Best Western» неподалеку от улицы Грэнвиль, полной развлечений. Это не был мотель, но Декс решил не скромничать, ведь нас ждали выходные в палатке, а мы

оставались лишь на одну ночь. Отель был не самым лучшим, но я все равно была рада.

Мы быстро устроились в комнатах и пошли наружу. Декс говорил по телефону с рейнджером, хотел, чтобы мы встретились с ним в кофейне на углу парка Стэнли. Декс видел в городе больше меня, и мы отправились туда по дамбе, что вела нас по Фолс Крик, а потом в Английский залив.

День был великолепным. Люди бегали мимо нас, не обращая внимания на температуру, было не холодно, но и не жарко. Семьи с колясками встречались не менее часто.

В один миг показалось, что Декс собьет коляску, чтобы пробиться через толпу из них на дороге.

— Никакого терпения к крохам? — спросила я, мы поспешили прочь от семей с колясками, пока они не начали возмущаться.

— Никакого терпения к их родителям, — проворчал он, быстро шагая. Мои полные ножки едва поспевали за ним, солнце нагревало мой желтый плащ. Когда мы выбрались из толпы с колясками, он сунул руки в карманы черной куртки и посмотрел на меня с любопытством.

— Будто у тебя есть терпение к «крохам», — сказал он.

Я не спорила с ним, мысль о детях всегда причиняла мне неудобства. Не сказать, чтобы я не хотела их себе... Я знала, что они когда-нибудь у меня будут. Но мне было неловко с ними. Они не были животными, но и людей напоминали мало. Они были другим видом, и я их не понимала. А они не старались понять меня.

— У меня ко многому нет терпения, — сказала я. — Но вы с Джен детей пока что не планируете, я поняла.

Я шутила, а не спрашивала, мы не были так близки. Но Декс воспринял это иначе. Если бы я не разглядывала его лицо так пристально, то, может, и не заметила бы ничего. Но я смотрела, как и всегда, и увидела вспышку ужаса на его лбу и в глазах. Через миг все пропало, но было там. Смесь страха, отвращения и стыда, похожий ужас я видела на его лице. Но тогда он был на грани жизни и смерти.

Я не была удивлена, что он сменил тему.

— Думаю, я мог бы жить здесь, — отметил Декс.

Он смотрел на сверкающий залив, пока мы шли по дамбе. Мне пришлось согласиться. Тусклое солнце било о воду и гипнотизировало, а вода простиралась, как трепещущий матрас. Дальние острова были темными сгустками зеленого, некоторые были припорошены снегом, словно сахаром. Небо было безоблачным, на его фоне выделялись горы справа от нас.

— Ага, если не против быть канадцем, — сказала я.

— С нашей экономикой? Я не против.

— Тогда придется жениться на канадке.

— Угу, — отозвался он, мы едва смогли обойти армию с колясками. — Жаль, что ты американка.

Я издала смущенный смешок. Зачем он вообще так говорит?

Мы шли в тишине, он разглядывал красоту вокруг нас. Я сосредоточилась на себе, эмоции бурлили, как волны, что шумели рядом с нами. Мне не нравилось это. Не нравилось, как легко мои чувства отзывались на все, что он делал или говорил. Я всегда думала, что это усиливалось, пока мы порознь, как, например, со знаменитостями, которыми восхищаешься издали. Порой казалось, что смотреть в его лицо и принимать все между нами, было

сложнее всего в мире.

— Ты в порядке? — спросил он, мы завернули за угол, где одиноко стоял инуксук у пляжа. Я уже минут пять была погружена в мысли.

Я быстро улыбнулась ему.

— Ага. Просто обдумываю все, — я указала на прекрасный пейзаж.

Я не знала, хватило ли ему этого ответа, но он не стал продолжать. Может, мы оба что-то скрывали.

Вскоре мы добрались до «Старбакса» на углу двух шумных улиц.

— Как выглядит Билл? — шепнула я ему, когда мы вошли. Тут было полно народу. Запах кофе и сахара ударил по носу.

— Не знаю, — сказал Декс и пошел вперед. Может, он его найдет по запаху.

Он пошел к мужчине средних лет с бородой, читающему газету и потягивающему большой стакан кофе. Мы остановились перед ним.

— Вы — Билл Фергусон? — спросил Декс.

Он удивленно поднял голову. Может, Декс его уже учуял.

— Да. Вы Декс? Простите, я в ближайшие десять минут вас не ждал, — сказал он и посмотрел на крупные часы.

— Я быстро хожу, — улыбнулся мягко Декс.

Я ждала тревожно своего представления, но этого не было.

— Ох, ладно, — быстро сказал Билл, сложил газету и встал. — Здесьлюдно, может, уйдем на пляж? День хороший, и я смогу поймать тех, кто мусорит, по пути.

— Туда? — Декс кивнул на пляж, который мы только прошли. Билл кивнул.

Декс повернулся ко мне.

— Возьмешь мне кофе итальянской обжарки? Черный. Мы будем где-то там.

Я не успела возразить, Декс и Билл повернулись и вышли из кофейни.

Что такое? Меня не познакомили, а теперь Декс приказал принести ему кофе? Я у него на побегушках? Он мне даже денег за это не давал.

Я смотрела, как они ждут снаружи. Казалось, Декс решил объяснить, кто я, лично, или обсуждал так что-то еще. Мне не нравилось строить догадки, тем более, когда я хотела участвовать в задании профессионально. Я не дам этим идиотам-анонимам в Интернете и дальше смеяться надо мной.

Я вздохнула и заказала для Декса огромный кофе, а себе — латте, а потом пошла на пляж.

Я заметила их почти сразу, хотя людей вокруг было много посреди рабочего дня. Наверное, они тоже были без работы, как я.

Я нашла их сидящими на длинном обломке дерева. Декс был спиной ко мне. Но я бы узнала его всюду. Я шла по пляжу, взрывая песок, пока не оказалась перед ними, застигнув их среди разговора.

Декс протянул руку за кофе, но я отдавать не спешила.

— Ты знакомить нас не будешь? — спросила я, улыбнувшись Биллу.

— Билл, это Перри. Перри, это Билл.

Я отдала Дексу кофе и протянула руку Биллу. Мы пожали руки. Он сделал это слишком слабо.

— Декс рассказывал мне о вашем проекте, — сказал Билл. Мне показалось, что я заметила нотку враждебности в его голосе, но это могла быть паранойя. Последнее было

возможно, зависело от того, о чем они с Дексом до этого говорили.

— О, да, что вы думаете? — спросила я, не показывая, что знаю еще меньше него. Я села рядом с Биллом, и он оказался втиснут посередине.

Он повернулся ко мне, солнце блестело на его лысине, он медленно выдохнул.

— Честно скажу, думаю, это трата времени, — проворчал он. — Этот остров уже исследовали археологи. Расцвет того острова прошел. Не стоит трогать тех, кто умер там. Я бы хотел, чтобы все забыли об этом, чтобы там просто был парк для семей, чтобы отдыхать на выходных.

Я чувствовала, как Декс пристально смотрит на меня, но я не хотела смотреть ему в глаза.

— И вы не хотите, чтобы мы ходили на остров, потому что это может отпугнуть будущих отдыхающих, да? — спросила я, это было нагло.

— А ты говоришь прямо, — Билл неприятно рассмеялся.

— Когда нужно, — и тут я посмотрела на Декса, чтобы он молчал.

— Слушай, — сказал Билл. — Парк не против любопытства. Но лично мне не нравится что остров используют для шоу по телевизору...

— В Интернете, — вмешался Декс.

— Еще хуже, — продолжил Билл. — Интернет-шоу. Вы не отсюда, не понимаете историю места. Вы хотите лишь донести что-то до зрителей. И можете навредить парку сильнее, чем правительство, когда там была колония прокаженных.

— Это не так, — сказала я. — Мы учитываем историю в нашем шоу. Мы хотим показать все, как есть. Разве вы не думаете, что остров с призраками привлечет больше посетителей?

— Нет, — сказал Билл. — И острову Дарси не нужно еще больше посетителей. Все уже хорошо. Люди прибывают туда, чтобы побыть вдали от толпы, чаще всего там ничего странного не происходит. Я бы хотел, чтобы все так и осталось.

— Когда вы в последний раз там были? — спросила я.

— Пять лет назад, — ответил он.

— Так к чему тревога, если вы не связаны с этим местом? Вы же теперь в парке?

— Есть причины, — сказал он ворчливо, плотнее кутаясь в плащ, словно ему стало вдруг холодно.

— Но вы нас не остановите, — заявил Декс.

Билл смотрел на воду, словно его зачаровали волны.

— Нет, — сказал он. — Не остановлю. Потому что не думаю, что вы найдете там то, что ищете.

Даже я не знала, что мы ищем, но кивнула, словно поняла.

— Как вы доберетесь до острова? — спросил он у Декса.

— Возьму парусное судно у друга недалеко от Виктории, — сказал он. Я вскинула брови, он не отреагировал. Парусное судно? Он вообще умел им управлять? Ах, какая разница... когда Декс не был подготовлен к делу?

— Надеюсь, ваш друг знает, куда вы отправитесь, и даст точные координаты и указания насчет приближения к острову.

— Например? — спросила я, ведь друг Декса мог тонкостей и не знать.

— Лагерь на юго-восточной стороне, но вам стоит подплыть с северо-запада, лодку вытащить на берег. Там есть хорошие места для этого, возле маяка грязь хорошо клеится.

Маяк? Не снова. Я быстро переглянулась с Дексом.

— Вы не записываете? — Билл с подозрением смотрел на него.

— У меня хорошая память, — сказал Декс, постучав по лбу.

— Причалите на северо-западе. Оттуда короткий путь в лагерь через лес. Но я бы на вашем месте оставался в лодке. Остров может играть с вами...

— Играть? — перебила я.

— Ну... пение птиц может то появляться, то исчезать, могут приходить еноты. Проблема в том, что вы будете переживать, что лодку унесет посреди ночи. Западная сторона лучше, но в это время года судно не будет в безопасности на таких волнах. Не зря остров выбрали для того, чтобы скрыть там нежелательных людей. Чтобы они не сбежали.

И сбежать все еще было невозможно. Декс посмотрел на меня, словно думал о том же. Я не знала, откуда эта мысль была во мне. Ее словно кто-то вложил в мою голову.

— Слышали? — спросил Билл, медленно поднявшись на ноги.

Я потрясенно уставилась на него, не зная, что он имел в виду.

— Если попадете в беду, можете звонить мне, — повторил с нажимом он. — Знайте просто, что у вас может не быть связи, радио на судне может быть единственным способом. Я тогда вызову береговую охрану. Если доберетесь до лодки, все хорошо. Хотя будет плохо, если при этом вас унесет волнами. Но такое раз в год случается точно.

— Может, мне использовать Сияние для связи? — спросила я. Декс фыркнул.

— Сияние? — повторил Билл. — О, понял. А ты веселая. Справедливо. Но не говорите что я не предупреждал. Подплывайте с запада, убедитесь, что закрепили якорь, на ночь привязывайте лодку, старайтесь держать еду на борту. Еноты могут красть еду.

Он посмотрел на белый фургон парка, стоявший неподалеку.

— Мне пора идти. Удачи вам. Она вам понадобится.

Билл развернулся и пошел к своей машине, оставив нас с Дексом на бревне с промежутком между нами.

— Сияние его точно испугало, — сказал Декс, провожая его взглядом. Он посмотрел на меня. — Сегодня ты была смелой.

Я закатила глаза.

— Я просто хочу знать, что происходит. О чем вы говорили, пока я покупала кофе?

— Просто получал подноготную.

— Что именно?

Декс пожал плечами.

— Историю острова.

— И? — не сдавалась я.

— Я позвоню другу в Виктории, Заку. Может, он подобрал нам книги в библиотеке. У нас нет времени и шансов получить их самим.

— Так мы идем вслепую? Плыдем на остров, куда можно двигаться только с запада, будем сидеть в лодке и опасаться енотов-убийц?

— Ах, теперь еноты-убийцы. Следи за воображением, результаты могут и пугать.

Я не знала, что сказать, так что потягивала латте, кофе уже остыл.

— Расскажи, что знаешь ты, чтобы мы были на равных, — сказала я, глядя на него.

Он придвинулся ко мне и повернулся ко мне, правой ногой опершись о бревно, и склонился, отвлекая меня от кофе.

— Вот, что я знаю, — сказал он, глядя только на меня. — Там была колония китайских прокаженных. Они, скорее всего, все там умерли. Теперь там парк. Туда сложно попасть, но

люди все же бывают там. Некоторые говорят о странных случаях. Многие не остаются на ночь, а если делают это, то не возвращаются. Если учесть, что там умерло много несчастных, не сомневаюсь, что там есть призраки. И, несмотря на слова Билла, мы останемся на ночь, чтобы ничего не упустить. Вот. Теперь мы наравне.

Что-то было не так. Я не знала, что. Лицо Декса не говорило, что он врет, но мне казалось, что это не так. Но лучше было не говорить об этом. Я не хотела, чтобы он думал, что я не доверяю ему. Я ему доверяла. Просто казалось, что что-то он скрыл, не раскрыл. Может, он хотел меня защитить. Я словно покупала у него дом, а он не говорил, что в нем кто-то умер, или что там совершили массовое убийство. Декс был бы прекрасным агентом продажи.

Это я ему рассказала.

— Ла-а-а-адно, — с подозрением сказал он. — Думаешь, я тебе что-то продаю?

— Ты знаешь, что у тебя я все куплю, — выпалила я, не подумав.

Он погрозил мне пальцем.

— Опять флиртуешь со мной.

— Не льсти себе.

— Ты это делаешь за меня, не так ли?

Я фыркнула и встала, разговор меня утомил. Он встал и шлепнул меня по руке.

— Ты же знаешь, что я шучу, малыш. Ха. Шучу просто.

— Идем уже на этот хоккей. Иначе я кого-то ударю, — я пошла к дамбе, к отелю, готовая обойти коляски и бегающих людей.

— Видишь, у тебя уже верный настрой. Это радует, — улыбнулся он, опустошил стакан кофе и бросил его в урну. Если бы он бросил мусор на землю, прибежал бы Билл, чтобы содрать с нас штраф. Я знала, что он не хочет, чтобы мы попали на остров. Я сама не горела желанием.

ГЛАВА ПЯТАЯ:

После встречи с рейнджером Биллом на пляже мы отправились в отель, и я успела немного поспать. Дорога и смена обстановки сказались на мне. Как и всегда, снилось мне что-то странное, но я почти сразу забыла, что именно.

Обычно я хорошо запоминала детали, но в этот раз не смогла. Может, это и к лучшему. Некоторые кошмары лучше забывать.

Игра была в семь вечера, и я заканчивала с макияжем и слушала группу «Mini Mansions» через колонку айфона, когда в дверь постучали. Это был Декс в толстовке черно-желтого цвета с эмблемой Кэнакс, он держал новую синюю кофту в руках.

— А? — я указала на вещь.

— Ты слушаешь «ELO»? — спросил он, глядя на мой телефон.

— Нет. Что это?

— О, я прогулялся и подумал, что тебе стоит надеть это.

Он вложил кофту мне в руки. Она была моего размера и не такая страшная, как его. И все же это смущало.

— Ты купил мне толстовку Кэнакс? — спросила я. — Я даже не знаю, нравится ли мне команда. Вообще какая-нибудь команда. Или игра.

— Понравится. Вот увидишь.

— Я думала, тебе нравятся Рейнджеры. Ты же вырос в Нью-Йорке?

— Вырос, а теперь я не там, и я уже не в Нью-Йорке. Игра будет крутой, и я был бы рад, если бы ты надела кофту через свою маленькую голову и была в ней вечером.

Я не знала, пытался ли он так одевать и Джен, водил ли ее на игры. Но я и узнать не могла. Я подозревала, что о Джен на выходных лучше не говорить, хоть и не знала причину. Может, они поссорились. Я не могла упустить укола радости от этого.

И я решила стать анти-Джен, потому надела толстовку. Я была в этот момент все равно в тонкой футболке с длинными рукавами. Я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Все было не так и плохо. Хотя кофта была тесновата в груди, Декс ее недооценил, но, в остальном, было удобно.

— Подходит к твоим глазам, — сказал Декс, встав позади меня, встретившись со мной взглядом через зеркало. Это было почти романтично. А потом он сказал. — Они не такие злые, как обычно.

Я состроила ему опасный взгляд, надеясь, что зеркало от этого разобьется.

— Да, я про этот взгляд, — отметил он с кивком.

Я поправила толстовку и подошла к телефону, выключила музыку. А потом пришлось быстро проверить почту, чтобы узнать, что пишут в блоге.

Он прошел за мной и выхватил телефон из моих рук.

— Что ты делаешь? — закричала я.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не плачу здесь за Интернет, так что это будет дорого.

— Мне просто нужно проверить, — объяснила я, пытаясь забрать телефон.

Он поднял его высоко над головой, и я уже не могла достать. Все же рост у меня был низкий.

— Что проверить?

— Не твое дело!

— Думаю... если ты смотришь комментарии в блоге, это тебя только расстроит. Мы на месте, ты ничего не можешь с ними поделать. Пусть ворчат.

Мне это не нравилось.

— Мне нужно обновить Твиттер, — пролепетала я. Так и было.

— Я видел твой Твиттер. Ненавистники есть и там.

Нет. В Твиттере у меня оказалось много читателей, и они искренне интересовались мной и шоу. Твиттер стал для меня наркотиком. Я проверяла его не меньше раза в час, и это могло дорогого стоить в другой стране.

— Мне нужно написать сестре.

— Я напишу ей за тебя, — сказал он и поднес телефон к лицу.

Я почти согласилась, а потом вспомнила последнее сообщение Ады, что пришло почти час назад. Там было: «Вы уже спариваетесь, как кролики?».

Ужас пронзил меня, и я бросилась за телефоном с воплем: «Не-е-ет!», чуть не сбив Декса. Он был потрясен моей вспышкой и быстро отдал мне телефон.

— Ладно, ладно, не надо так орать. Прибереги голос для игры.

Я быстро спрятала телефон в карман джинсов.

— Просто пообещай, что телефоном будешь только связываться с семьей.

— Тебе-то что? — спросила я, взяв кошелек и куртку.

— Просто, — отозвался он. Я понимала, что он хотел сказать больше, но по какой-то причине молчал.

Вскоре мы вышли на улицу и отправились на игру. Здесь было темнее, чем в Портленде, повсюду на улицах были люди: рано выпившие тусовщики, бездомные бродяги и разные странные. Это мне напоминало родной город.

Хоккей проходил в большой арене в центре, судя по количеству людей в синих толстовках, здесь собрались многие этим вечером. Я мало знала об игре и команде, но понимала, что в городе хоккейная лихорадка была у многих. Когда мы добрались до ступенек, ведущих в здание, я уже была такой же восхищенной, как и все.

Мы прошли на этаж наших мест (по пути мне несколько раз дали пять пьяные парни), и Декс тут же отправился к стойке с товарами, где решил купить нам пива.

— Пока ты угощаешь, — сказала я, глядя на цену. Восемь баксов за пиво — грабеж, но я поняла, что это часть таких мероприятий. И пока он платил, я не возражала. Мы с Дексом не напивались вместе, так что было мило вести себя как обычные люди, веселиться в пятницу, а не тревожиться о призраках, что могут все испортить.

Декс дал мне мое пиво — ага, он купил каждому по два стакана — и пошел к входу, и нам открылась вся арена.

Он сказал, что получил билеты от своего босса, Джимми Квона. Правильнее, от нашего босса. Но я видела Джимми лишь раз, когда Декс пытался уговорить его, и он мне тут же не понравился, ведь вел себя ужасно грубо. Он назвал меня толстой и страшной, высмеял меня. И я, может, преувеличиваю, но я убежала и разрыдалась. Но у Джимми было много связей, так что билеты он мог оттуда и получить. Я не должна была ворчать на того, кто платил мне, но все же.

С мест открывался шикарный вид, повезло, что тут хороший вид был и с дешевых мест. А еще наши места были у прохода, и нам не пришлось толкаться мимо фанатов с пивом в руках.

Напряжение и восторг в воздухе искрились. В арене пахло льдом, начос с сыром и пивом. Люди вокруг нас ругали Рейнджерс, пока оглушительно играл их гимн.

— Хорошо, что ты сегодня не за них, — сказала я Дексу, он листал буклет, что раздавали у входа дети.

Он покачал головой и вложил мне в свободную руку буклет.

— Тебе стоит почитать это, чтобы все понимать, — он стукнул по буклету пальцем.

Я взглянула туда.

— Уверен, что ты не был учителем в другой жизни?

Он рассмеялся. Было приятно, что улыбка добралась и до глаз.

— Мы были бы обречены.

Я пожала плечами.

— Мы всегда обречены.

— Малыш, боюсь, только ты меня и слушаешь, — сказал он, снимая крышку со стакана с пивом. Я знала, что это не так. Джимми делал все, что просил у него Декс, и мои родители внимали ему, когда он пришел. — И теперь ты перестала меня слушать, — добавил он. — Но я тебя не виню.

— Я тебя слушаю, — сказала я, придвинувшись ближе. Мы уже уютно сидели на местах, но я хотела сделать это еще уютнее. Он посмотрел на меня, скользнул лениво взглядом по моему лицу. — Расскажи что-нибудь, — мягко сказала я.

Он улыбнулся, смутившись, как мальчишка, это я видела у него редко.

— Есть, мэм.

А потом он начал объяснять мне игру, начав с того, что значит «проброс» и «офсайд», продолжив тем, кто что делает в команде, кто лучшие игроки, что считается пенальти. Если бы я играла, то почти всю игру провела бы в зоне пенальти. Я бы хотела все проверить.

Когда шел перерыв перед третьим периодом, я уже чувствовала действие четырех стаканов пива и ругала Рейнджерс с парой рядом со мной.

Декс рядом удивительно молчал. Порой он, конечно, переговаривался со мной, но, если учесть, каким радостным (и громким) он был, когда забивали Кэнакс, это было странно. Когда я не говорила с Джимом и Трудом (парой рядом со мной), я поглядывала на него. Он копался в телефоне и кусал губу, а не пил пиво. Я знала, что что-то не так. Но и знала, что лучше его не трогать.

Я отвела от него взгляд и осмотрела большую толпу. Люди были на взводе, как и я, атмосфера была заразной.

— Понравилась игра? — тепло спросил Джим, стараясь занять меня, пока Декс переписывался. Он был добродушным мужчиной за пятьдесят с белыми волосами и в кожаной куртке со знаком Кэнакс. Он ходил на игры почти все время существования команды.

— Зацепила, — признала я. — Быстрая, веселая. Агрессивная. Хочется поиграть самой, чтобы побить кого-то и не получить за это проблем.

Он рассмеялся.

— Крохи самые опасные. Если ты будешь играть против своего друга, я посоветую ему надеть защиту.

Я захихикала, глядя на Декса. Он говорил мне, что играл в хоккей, пока жил в Нью-Йорке. Я вдруг представила, как бью его, пока он в хоккейной форме. Это было бы сексуально.

Декс понял, что мы говорим о нем, и поднял голову с робким взглядом. Это было лицемерно. Хотя я все время помнила, что где-то люди говорят обо мне, я не смотрела в телефон всю игру.

— Прости, — извинился он и спрятал телефон в карман, а потом посмотрел на Джима. — Хотите уговорить ее сыграть в хоккей против меня?

— Ей нужно выплеснуть много агрессии, — сказал бодро Джим. — Я был бы с ней осторожнее.

Декс фыркнул.

— Есть такое. Она беспощадна со мной. Просто маленький тигр.

Наши взгляды пересеклись. Мою кожу покалывало. Голова была тяжелой от пива, мне казалось, что в словах Декса был подтекст. Но так казалось постоянно. Мы сидели так близко, и было сложно подавить желание оседлать его прямо здесь и показать свою агрессию.

— Эй! — громко воскликнул Джим, постучав по моему плечу. Это резко вытащило меня из мечты. Он указывал на экран. Работала «камера поцелуев» (сами знаете, пара, которая попадает в кадр, должна поцеловаться), и она была на нас. Нас.

Там были мы с Дексом, наши глупые лица отражались на больших экранах, это видела вся арена, вокруг нарисовали сердечки. Я знала, что ждали люди. Все — реально, все — смотрели на нас. Я вдруг захотела, чтобы два места перед нами были заняты, чтобы я могла спрятаться за ними.

Я медленно повернула голову к Дексу. Он улыбался с хитрым видом. Он поднял руку и

обхватил ею меня. Другой рукой он коснулся моего подбородка своими длинными пальцами, склонил мою голову к себе.

Это случилось. Он собирался поцеловать меня. На глазах тысяч людей.

Несмотря на мои удивление и тревогу, я закрыла глаза, приоткрыла губы, склонилась вперед и...

ЧАВК.

Он лизнул мое лицо от подбородка по губам и носу, добравшись до лба. Я тут же скривилась, отпрянула, а он оставил влажный след слюны. Я раскрыла глаза и увидела, что он хохочет, как двенадцатилетний, все, глядя на нас, присоединились к нему. Я не знала, почему хоть на миг поверила, что Декс поведется на камеру поцелуев. Нельзя было так глупить.

Но для шоу я облизнула губы, кривясь еще сильнее для эффекта. Я посмотрела на экран и обрадовалась, что там была уже другая пара. Чтобы заткнуть смех вокруг нас, я ударила Декса по лбу.

— Ну, спасибо, балда, — сказала я, закатив глаза, стараясь не звучать смущенно, как себя чувствовала. О, он знал. Он всегда знал. Потому так и поступил. Зараза.

Джим склонился к Дексу через меня и сказал:

— Тебе придется спать сегодня с открытыми глазами, сынок.

Декс кивнул и вытер рот тыльной стороной ладони. Глаза его были опасными, он наслаждался собой. Я хотела еще раз ударить его по голове.

Он убрал руку и склонился ко мне.

— Прости, малыш, — шепнул он мне на ухо.

Я проггла его взглядом, шипя:

— Что мешало поцеловать меня нормально?

Он улыбнулся.

— Может, на спор...

Я закатила глаза и села прямо. Я была рада, что через пару минут игра возобновилась, это спасло меня от смущения. На спор? А когда мы были при смерти? Это его причины? От этих мыслей сердце сжалось, я чувствовала себя глупо. Я страдала, как влюбленная школьница.

Он смотрел на меня. Я видела это краем глаза. Я хотела, чтобы он отвернулся и продолжил переписываться с Джен, или с кем он там общался до этого.

Игроки выходили на лед, все внимание было на них. Мне нужно было погрузиться в игру. И я так и сделала. Я допила пиво и начала болеть за них, постепенно забыв о случившемся.

Я почти не говорила с Дексом, вместо этого спрашивала Джим. Он объяснял, что, хотя некоторые места на арене пустые (как ниже нас с Дексом), билеты на Кэнакс хорошо раскупали. Тут зазвонил телефон Декса. Он вытащил телефон из кармана и прижал к уху.

Джим говорил, но я его не слушала. Я подслушивала разговор Декса.

— Я не могу сейчас об этом говорить, — грубо сказал он в телефон, его голос подрагивал. Он закрыл глаза, слушая ответ. Он нахмурился, на лбу появились выразительные морщины, он крепче сжал телефон. Его другая рука накрыла глаза. Я почти чувствовала его дыхание. Я никогда его таким не видела. Это завораживало.

А потом он убрал руку, его взгляд смотрел в пустоту. Его глаза были красными, но без слез. Он выглядел напуганным. Хотелось бы слышать человека на другом конце. Как можно

было так его запугать?

— Прости, не могу, — сказал он, голос оборвался. Он дико озирался, на миг заметил мой взгляд, но не увидел меня. Декс был где-то в другом месте в этот момент. — Я не могу сделать этого сейчас, — закричал он.

А потом встал, сбил свой стакан с пивом и поспешил по ступенькам с телефоном у уха, качая по пути головой. Я склонилась и подняла стакан, пока лужа не добралась до моих ног.

— Плохие новости? — спросил Джим. Я вздрогнула и посмотрела на него, смутившись.

— Не знаю, — тихо сказала я.

— Уверен, все хорошо, — сказал он и повернулся к игре, намекая, что и мне стоит так сделать.

Я пыталась. Правда, пыталась, но могла думать лишь о Дексе. Что происходило? Что с ним? Я переживала за него. Что-то было не так.

Я перебирала варианты, но не могла ничего придумать после пива, да и шум игры отвлекал.

Джим постучал по моему плечу. Я увидела, что он стоит. Несколько человек хотели выйти, для этого мне тоже нужно было встать. До конца игры оставалось 15 минут, но некоторые люди предпочитали уходить пораньше.

Я улыбнулась им, стараясь скрыть раздражение, и встала, чтобы пропустить их. Они на миг закрыли мне вид на игру, а момент, судя по звукам, был хорошим.

Они прошли, и я села и успела увидеть, как вратарь Кэнакс, Роберто Луонго, спас ворота перчаткой. Толпа вопила «Лу-у-у-у», как и всегда, когда он хорошо проявлял себя, и я присоединилась.

А потом заметила женщину на месте передо мной, что было пустым. Она села, наверное, пока я пропускала тех людей. Я не знала, зачем пропускать половину последнего периода, но люди тут были странными.

Я смотрела на игру, но что-то странное заставило переключить внимание на женщину. Я не видела ее толком, нас разделял поручень, а она была низкой, как и я, но покалывание шеи показывало, что что-то не так. Я знала, что это чувство игнорировать нельзя.

Дыхание замедлилось, я смотрела на ее затылок. Волосы были уложены в старом стиле, короткие, идеально закрученные локоны. Они были дымчато-лавандовыми, и я уже видела у кого-то этот цвет раньше.

Я хотела склониться вперед и рассмотреть ее одежду, но уже знала, что увижу. Пышный воротник из тафты намекал достаточно. И было видно бубоны.

Я застыла. Мысли замедлились. Осталась лишь одна мысль.

Она была здесь.

Дама придвинулась, словно что-то уловила от меня, и очень медленно развернулась. Она двигалась медленно, но мир вокруг — в своем темпе.

А потом ее глаза впелись в меня через брешь в поручне. Пустые озера тьмы, окруженные макияжем. Ниже ее рот растянулся в широкой опасной улыбке, лицо сморщилось от этого. Это была маска чистого безумия. И она смотрела на меня. В меня.

Каждая клеточка тела просила бежать, нервы пылали от ужаса. Я хотела посмотреть на Джима и убедиться, что он тоже ее видит, чтобы успокоиться, чтобы понять, что я не безумна, но я не могла. Я могла лишь смотреть.

Время потеряло значение, и я не знала, была ли я под ее чарами секунды или минуты. Мы смотрели друг на друга как неподвижные трупы.

А потом...

«Они смотрят на тебя так, как смотрели на меня».

Ее слова с акцентом зазвучали в моей голове, как было и до этого. Она могла говорить со мной, не открывая рот.

Я хотела спросить, кто, но спохватилась. Не думаю, что я смогла бы заговорить вслух, даже если бы попыталась. Это не имело значения, ее голос звучал в моей голове, словно я слышала чей-то крик из-под воды.

«Они всегда будут тебя бояться».

«Кто?» — подумала я.

«Он тоже тебя боится».

«Декс?» — подумала я. Он уже это мне пару раз говорил.

«Другой страх».

«Что за страх?».

«Я так ее любила, но страх отогнал ее. Они прогнали меня».

«Кто? Кто это сделал? Кто она?».

«Так будет всегда. Тебя тоже прогонят. И я не смогу тебе помочь. Будет слишком поздно».

«Помочь? — подумала я, волны тошноты накатывали на меня. Несмотря на боль в ее словах, ее лицо оставалось в том же клоунском оскале. — Как вы мне поможете? Что вам надо? Зачем вы здесь?».

«Я всегда здесь. И всегда была. Но ты не можешь закончить как я».

«Как я могу закончить как вы?» — выдавила я.

«Легко. Ты даешь им говорить с тобой, говоришь с ними. Все отвернутся, и те, кого ты любишь, и ты поймешь, что они тебя никогда не любили. Не любили. Кровные узы тонки. Связей нет. Они тебя уведут».

«Куда?!» — паника холодом бежала по спине. Я не знала, о чем она говорила, и это пугало. Она говорила в моей голове. Она была здесь. Она что-то знала.

«Ты не сумасшедшая. Но меня здесь нет».

«Что?».

«Будь с ним. В конце с тобой может остаться только он. В конце. Когда они придут за тобой. Это конец. И будем лишь мы с тобой. Навеки. Навеки. Навеки».

Ее слова становились все громче, раздаваясь в моей голове, пока не стали причинять боль. Я закрыла глаза и зажала руками уши, не думая, что на меня смотрят люди. Я, казалось, слышала Джима:

— Ты в порядке? — но едва могла преодолеть шум в голове.

Ее лицо вспыхнуло под закрытыми веками, она была внутри меня. Я не могла сбежать от нее страшного лица. Тьма укрывала меня. Не было выхода.

Я закричала и вскочила, споткнулась о свою сумку. Яркий свет арены слепил глаза, но я смотрела на пол. Я схватила сумку и побежала, чуть не упав из-за пустого стула Декса. Я неловко побежала по ступенькам, почти сбив юношу, что шел к лотку с товарами.

— Прости, — крикнула я и быстро оглянулась на свое место. Толпа вокруг смотрела на меня с тревогой и удивлением, а жуткая дама сидела там и смотрела на меня. Всегда смотрела на меня.

Я отвернулась, пока она снова не проникла в мою голову, пока я не услышала ее страшные слова, и помчалась по коридору, что вел в остальную часть здания. Я бежала, пока

не оказалась рядом с прилавком, где мы брали пиво. Он был закрыт, и мне стало не по себе, но вокруг были люди, что рано покинули игру, так что я не была одна.

Я склонилась, прижав ладони к коленям. Нужно было перевести дыхание и взять себя в руки, мысли дико путались. Что это было? Было ли это на самом деле?

Я слушала, ожидая снова услышать ее голос, но был лишь дикий стук моего сердца, пульсация крови. Я не была рада. Я лишь тревожилась. Она сказала, что ее там не было, но я ее видела. И слышала. Иллюзии редко говорили, что они — иллюзии. Неужели я все же сошла с ума?

Я думала об этом и о ее словах и поняла, что Декс стоит неподалеку. Он прислонился к стене у входа в уборную, стоял спиной ко мне, его голова была склонена. Телефона видно не было. Он казался уязвимым в своей яркой толстовке, пока стоял спиной ко мне и всему, чего боялся.

Другой страх.

Я выпрямилась и подошла к нему. Даже если он хотел быть один, я не хотела оставаться одна.

— Эй, — сказала я. Я все еще не перевела дыхание, так что шептала.

Он не двинулся и не вздрогнул. Я встала перед ним. Он не поднимал голову, смотрел на пол. Я проследила за его взглядом. Там ничего не было.

У него было то же, что и у меня?

— Декс, — прошептала я. — Ты в порядке? Ты тоже ее видел?

Он моргнул, явно услышал меня и поднял голову. Он выглядел ужасно. Его глаза были тусклыми, словно он сдался, губы он кусал до крови. Его волосы были растрепаны сильнее обычного, словно он взлохматил их. Я забыла о жуткой даме и захотела обнять его, пригладить волосы руками, чтобы все было хорошо. Было бы это в моих силах.

— О, — сказал он. — Я в порядке.

— Нет.

— Как и ты. Ты перепугана.

— Да. Из-за тебя, — и жуткой дамы, но я не хотела почему-то говорить о ней, чтобы он переключал внимание на меня. Я хотела знать, что случилось с ним. Мне нужно было знать. — Кто это был? Кто тебе звонил? — спросила я, осторожно коснувшись его плеча. Он посмотрел на меня. С этого угла его брови изгибались так, что он пугал не меньше нее. Я подумала, что он убьет меня.

Я убрала руку. Это отвлекло его. Ненависть покинула его глаза, он перестал хмуриться.

Он отошел от стены и потянул руки. Он застонал, замер на пару секунд, а потом опустил руки. Он размял плечи, поджал губы и сказал:

— Хочешь уйти отсюда? Игра почти закончилась.

Я хотела убраться отсюда, но не собиралась уходить без его ответа. Я вздохнула и выпрямилась, надеясь, что справлюсь. Было сложно чувствовать власть при моем росте.

— Мы уйдем, когда ты скажешь, что происходит, — строго сказала я, сделав стальной взгляд.

Он взглянул на меня.

— Без обид, Перри, но это личное дело.

О.

— Прости, — сказала я. — Просто я переживала за тебя.

Он пожал плечами.

— Все хорошо.

— Это Джен? Она в порядке?

— Все хорошо.

Я понимала, что он не хотел говорить. И зачем ему обсуждать со мной личные проблемы? Я не говорила с ним о таком.

— А ты в порядке? — спросил он, сделав шаг ко мне.

Я быстро кивнула. Раз он так поступает, и я не расскажу о своих страхах. О страхах, что я схожу с ума.

— Тогда мы в порядке, — заявил он. — Пойдешь со мной в стрип-клуб?

— Что?

— Идем, — он взял меня за руку и повел к дверям, внутри раздался гудок о конце игры. — Все закончилось. А ночь нас ждет.

* * *

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вы не удивитесь, но я никогда не была в стрип-клубе. Я не знала, чего ожидать, но все же кое-что совпало. Я никогда еще так не краснела в своей жизни.

Мы покинули арену, пробились через толпу веселых и пьяных фанатов и быстро вышли на свежий воздух. А потом мы добрались до стрип-клуба в отеле недалеко от нашего, у подножия моста Святого Грэнвиля.

Декс явно там бывал. Полуголая официантка не знала его имени, но он знал место. На миг мне показалось, что он сядет у сцены, где танцевали стриптизерши с обнаженной грудью, но, думаю, он понял, что мне неловко, и отвел меня в темный столик в углу. Но отсюда было видно сцену. Ему повезло.

— Посуди сама, — сказал он, когда официантка принесла наши напитки (он заказал нам коньяк и колу, удивительно). — Пойти можно нынче в любой бар. Почему бы не посмотреть заодно шоу?

Он поднял рюмку. Я сделала так со своей.

— Даже если напитки стоят долларов по десять? — спросила я.

— О, они того стоят, — мы чокнулись рюмками.

Я осторожно огляделась. Место было заполнено наполовину. Придурки старались быть поближе к сцене. А на сцене одна стриптизерша сменилась другой. Эта была в блестящей одежде, что плохо ее прикрывала. Я успела увидеть, как уходит предыдущая с голой задницей, и я понимала, что эта вскоре будет такой же. Она была высокой, хорошо сделанной (богом и ее пластическим хирургом) и с густой копной рыжих волос.

— Думаю, скоро мы проверим, сочетается ли ковер со шторами, — тихо сказала я.

— Ха, — отозвался он, отклонившись. — Тут не ковра. Только паркет.

Заиграла музыка, и женщина на сцене начала умелый танец.

— У Марлы здесь всегда лучшие движения, да? — сказал он, поглощая ее взглядами, словно я могла знать ответ. Я ощутила невольно укол ревности за этот взгляд.

— Ты знаешь ее имя?

— Лучших всегда помнишь. Только и всего, — сказал он. Я не считала Декса парнем, любящим стриптиз. Я вообще о многих аспектах не думала. А почему нет? Он играл в видеоигры. Любил рок-музыку. Мог смотреть порно. И, как и многих парней, его не волновало, что его девушка была в миллион раз горячее этих дамочек.

Я помнила, как обнаружила у своего парня в колледже, Мейсона, привычку смотреть

порно. Я была потрясена. Зачем ему порно, если у него была я? Я не винила его теперь. Может, потому что стала старше и поняла это. Может, старую меня разочаровало бы, что Декс ходит в стрип-клубы, но теперь это было не так. Хотя мне становилось не по себе из-за своей внешности. Зато его я все равно считала привлекательным.

Он недовольно посмотрел на меня и спросил:

— Тебе неловко?

— Зато тебе нравится?

— Ты меня унижаешь.

Я рассмеялась из-за пародии на обиду на его лице.

— Сам виноват.

Он улыбнулся и поднял мою рюмку к моему лицу, чтобы я выпила.

— Хорошо, — сказал он. — Ты учишься.

Я вскинула брови, но проглотила напиток. Мне не нужно было поощрений, а совесть тонким голосом говорила, что напиваться с Дексом в стрип-клубе было плохой идеей. Скоро из меня польются откровения, сделают меня такой же оголенной, как Марла, у которой нигде больше не было волос, чтобы доказать, что она рыжая. Декс был прав. Она казалась лучшей.

— Расслабься немного, малыш, — сказал он. — Наслаждайся. Наслаждайся голыми дамами, извращенцами и бесплатной выпивкой.

— С извращенцем я уже сижу.

— Тогда ты уже привыкла. Знаешь, что? Мне тоже нужно расслабиться. Это место помогает. Здесь нужны чувства, а не мысли.

— Кроме извращенных мыслей.

— Это не мысли. Это инстинкт.

Он подозвал официантку, в этот раз подошла девушка в простом черном платье. Ее волосы были короткими, открывая ее милое личико и пухлые губы.

— Еще два Джека и колы, милая, — сказал он. Он вел себя неряшливо, это беспокоило меня, но я уловила и веселье на лице Декса. Он снова шутил.

Официантка скользнула по мне взглядом. Я уже сняла толстовку Кэнакс и осталась в черной футболке с длинными рукавами.

— Это твоя девушка? Она милая.

Я заерзала, а Декс сказал.

— Да, милая.

Я покраснела от слов Декса (и от факта, что он не исправил ее). Она снова посмотрела на меня и подошла ближе, от нее пахло цветочным лосьоном для тела.

— Милая, с твоими глазами и грудью нужно быть на сцене, — и она ушла, оставив нас с Дексом думать над ее словами.

Мои щеки пылали, жарче за вечер они еще не были, я потрясенно посмотрела на Декса.

— Похоже, пол не имеет значения, — пропищала я.

— Не скромничай, — сказал он, глядя на следующую стриптизершу, темнокожую с задницей, что могла соперничать с моей. Может, я могла бы стать такой... если бы сбросила миллион пудов и носила десятидюймовые каблуки.

— Я не скромная... — я замолчала. Мне не нужно было это. А выпивка манила меня открыться, как книга.

— Знаешь, малыш... ты намного лучше них, — сказал он серьезно, глядя на сцену. —

Тебе просто нужна уверенность.

Это я знала. Я становилась лучше. Но уверенность просто так не возникала.

— У тебя красивое лицо, — продолжил он, понизив голос. От хриплого тона мне становилось неловко. — Прекрасные глаза. Я редко такие видел. Черт. Я словно смотрю на океан и пытаюсь понять, меняется ли погода. Идеальные губы. Самые милые веснушки и крохотный носик. Ты как сексуальный... зайчик.

Я растерялась. Декс никогда еще не сыпал комплиментами, хотя при этом он смотрел на голую дамочку на шесте. Уровень бреда этой ночью зашкаливал.

Я не знала, что сказать. Он сказал, что я прекрасна? Он сравнил меня с кроликом? А он повернулся ко мне, удивленно глядя на мое потрясенное выражение лица.

— Молчишь? Это уже начало.

Официантка опустила наши напитки на стол. Декс дал ей 25 баксов, подмигнув. Она подмигнула мне и ушла.

— Тебе раньше не говорили комплименты? — честно спросил он, когда она ушла. Он подвинул ко мне напиток, хотя я еще другой не допила.

Я покачала головой. Я слышала, что я милая. Я знала, что я не так плоха, как мне говорило мое эго. Когда я называла себя толстой, я знала, что я уже не толстая (хотя все могло вернуться), я просто знала, что мне далеко до идеала. И если я не была идеальной, как Джен, как те на сцене, как женщины по телеку, то в чем смысл? Я сдавалась.

Он смотрел на меня. Я сосредоточилась на нем.

— Теперь тоже видишь океан? — спросила я.

Уголок его рта дрогнул.

— Ты не веришь. Но хочешь. Ты все еще считаешь себя толстой. Как-то так. Думаешь, что идиоты в Интернете правы.

Об этом я собиралась подумать. Он пугал пронизательностью. Меня так легко читать?

— Порой я тебя ненавижу, — выпалила я.

Он пожал плечами.

— Я тебя не виню. Я порой ненавижу себя. Часто. Слушай, я приводил напарника в стрип-клуб во время задания, но не в такой хороший. Мы могли зайти и в «Хутерс»*. Похоже, я просто извращенец со щетиной.

— Ну, зато ты мой тип извращенца, — сказала я и тут же пожалела. Ты мой тип извращенца? Что я мелю? И я решила исправиться. — И мне уже хватит пить.

— Ага, как и мне, — он допил свой напиток и потянулся за следующим. Он посмотрел на пузырьки, глубоко вдохнув. — Серьезно, малыш. Ты красивая. Ты прикрываешься весом, но ты женщина. Не каждая должна выглядеть как стриптизерша. Или как модель. Или как Меган Фокс. Ты маленькая, с худой талией, шикарной попой... что еще тебе надо? Тебе стоит знать. Все это знают... Потому ты получаешь все эти ужасные комментарии. Ты не видишь, что они бесятся от зависти?

Я сглотнула, щеки пылали, сердце громко стучало о грудную клетку. У меня кружилась голова, мне было не по себе. Человек, которого я любила, сказал мне, что я красивая. Я едва могла это объяснить. Как он мог просто говорить об этом? Он не знал?

— А теперь я тебя смутил. Чего и добивался.

Я с подозрением посмотрела на него.

— Так ты шутил?

Он улыбнулся мне. Взгляд его был рассеянным. На него действовала выпивка.

— Я вернусь, — сказал он, хлопнул по столу и пошел, как я поняла, к уборным. Может, пошел удовлетворять себя. Я не знала, из-за кого. Но точно не из-за Джен. Я буду врать, если скажу, что не была этому рада. Это может пригодиться в будущем.

Я сидела и потягивала напиток. Этот был сильнее других. Может, был тройным. Я редко такое пила, а за эту ночь уже напилась сильнее, чем за весь год. Но я была расслаблена... хоть и случалось всякое. Хоть и были комментарии, мои родители и жуткая дама, что говорила, что за мной придут...

Да, не стоило думать о последнем. Вдруг я увидела только ее лицо. Я зажмурилась, надеясь, что она уйдет, что ее бестелесный голос не проникнут в мою голову. Я была в стрип-клубе с Дексом. Надо думать об этом.

Когда я открыла глаза, то потрясенно увидела женщину перед собой. Но не жуткую дамочку. Это была рыжеволосая Марла. Она была одета в тесную форму клуба. Она сверкнула мне идеальной улыбкой, и я задумалась, сколько она потратила на нее и сколько получала за ночь.

Я долго смотрела на ее зубы, и она шагнула ближе и положила ладонь на стол.

— Ну так что? — промурлыкала она, ее голос напоминал что-то среднее между кошкой и львом.

— О-ох, — я не понимала, о чем она.

— Ты звала. Будем делать это здесь?

— Что?

— Твой парень купил меня, глупая. Для тебя.

Я посмотрела за нее и увидела медленно идущего Декса с напитком в руке. Он остановился в ярде от нас, прижался к стене и смотрел на нас. Это было... странно. Пугающе. Пошло.

Я невинно посмотрела на Марлу.

— Я не думаю, что он хотел тебя купить... да еще и мне.

Она гортанно рассмеялась.

— Это лишь танец, милая.

Она взяла меня за руки и придвинула к краю дивана. А потом начала медленно двигаться, как змея с шелковой кожей. Забавно, что это было под песню «Stripsearch».

Я хотела смеяться. Громко. Но молчала и следила. У меня ничего не было. Я должна была только сидеть и смотреть.

Марла плавно двигалась (и у нее была гладкая кожа), глядя в глаза. Мне приходилось часто отводить взгляд, особенно, когда она начала раздеваться. Это было частью танца? Или правила не были в счет, потому что я девушка?

Я посмотрела на Декса, стоявшего в стороне за Марлой, следящего за всем со странным видом. Может, не знал, куда смотреть. На нервно жмущуюся напарницу или обнаженную Марлу с отличным вкусом музыки?

Он сделал два шага вперед и посмотрел мне в глаза. Он прикусил губу, не глядя на нижнее белье, что она бросила на пол, не глядя, как она гладит мои колени, склоняется перед ним.

Я никогда не чувствовала себя так неловко. Я смотрела на Декса, а не на Марлу, но это почти не помогало. Они оба сводили с ума.

Что-то с ним было не так.

Мысль вспыхнула в голове, отвлекая меня от груди Марлы, что раскачивалась перед

моим лицом. Она заметила этот взгляд. Она потянулась к моей голове и запустила ладони в мои волосы. Ее губы оказались близко, я подумала, что она хочет меня поцеловать. И я думала только о том, что ее красная помада перепачкает мне все лицо.

Но она лишь прошептала:

— Расслабься. Это все для него. Он хочет, чтобы ты расслабилась. Кайфуй, — она отодвинулась и подмигнула.

Она еще потанцевала под гитару в конце песни. А потом песня закончилась. Она вытащила откуда-то халат и прошла мимо Декса, не взглянув на него. Он проводил ее хищным взглядом. А потом опустился на свое место.

Я смотрела на него без удивления. Я знала, что Декс, как и все парни, хотел увидеть двух девушек вместе, так близко. Но что-то с ним этим вечером было не так. И, думая об этом, я хотела знать причину. Он был странным, я видела это в его глазах, пока он не знал, что я смотрю. Я не знала, связано ли это с телефонным звонком.

А потом в голове возникла другая мысль. От этого я обрадовалась, а потом ощутил укол вины. А если его бросила Джен? Или наоборот? Был ли теперь Декс одинок? И после разрыва часто идут в стрип-клуб...

— Что? — лениво спросил он.

— Ничего, — сказала я. Я вытащила телефон и посмотрела на время. Уже было поздно, а утром нас ждал паром. Я могла бы обойтись коротким сном, но не после поездки.

— Хочешь уйти?

Я кивнула.

— Я уже повеселилась, — я не хотела, чтобы он подумал, что я неблагодарна. Я сама предлагала повеселиться вне работы... хотя я не ожидала, что это будет хоккей и поход в стрип-клуб в другой стране. — И тебе веселее меня. Хотя ты был в уборной не долго.

Я ждала, что он рассмеется или возразит. Он же смотрел на меня. Я перевела взгляд на сцену. Я не хотела, чтобы он читал меня. Это было не честно.

— Надеюсь, ты помнишь мои слова, — сказал он, допил в пару глотков напиток, встал и подошел ко мне. Он протянул руку.

— Буду вспоминать каждый раз, когда буду думать о стрип-клубах, — пошутила я, взяла его за руку и позволила помочь мне подняться.

Он потянул меня так, что я врезалась в его грудь. Я думала, что он отойдет, но он не стал. Я чувствовала лбом щетину на его подбородке. Он взял меня за плечи и отодвинул, чтобы посмотреть на меня.

— Надеюсь, теперь, когда будешь... подавлена из-за себя, ты вспомнишь, что я думаю, что ты...

Я заглянула в его глаза. Они были пьяными, да, но все равно очаровывали.

Он не договорил. Вместо этого он сказал:

— Прости, что лизнул твое лицо.

Он развернулся и пошел прочь из клуба. Я спешила за ним, чувствуя на себе взгляды клиентов и официанток. Мы, наверное, смотрелись странно.

Мы вернулись в отель, но я не могла уснуть еще два часа. Я думала о событиях ночи. Жуткая леди была поводом для тревоги (или паники и безумия), но слова Декса впились в сердце глубже и заставляли трепетать. Он говорил серьезно? Если да... что мы делаем? Я не хотела, чтобы он был в своем номере, я хотела его рядом с собой на этой большой пустой кровати. Я хотела больше грязных мыслей в его голове. Я хотела ощутить, как он хочет меня,

а не только слышать.

Видела ли я этой ночью настоящего Декса? Или это был кто-то другой, маска, чтобы скрыть то, что он не хотел мне открывать?

Я даже не думала проверить комментарии через телефон.

* — сеть ресторанов с полуобнаженными официантками

ГЛАВА ШЕСТАЯ:

— О, кстати, если Джимми спросит про расходы на порно, я скажу, что это была ты, — сказал Декс с кривой улыбкой, зажав зубами сигарету.

Я покачала головой, не желая вестись на это, но и не удивляясь тому, что прошлая ночь ему немало стоила.

Было десять утра, и мы были на палубе парома, что вез нас от континента к острову Ванкувер, где мы должны были взять лодку.

Утро началось в тумане. Я как-то уснула ночью, а проснулась от будильника с кружащейся головой с мыслью «что я вообще делала прошлой ночью?». Конечно, я толком ничего не делала. Хватило того, что я видела в затуманенном состоянии после виски и колы. Увиденных голых тел мне на всю жизнь хватит.

Мы залезли в его машину и поехали под пасмурным небом на юг. Как только мы добрались до полей, что граничили с паромом, облака рассеялись, и лучи солнца сказочно падали на океан. Я посчитала это хорошим знаком.

Мы отправились на палубу почти пустой лодки, потому что он хотел закурить. Я возразить не успела. Он прислонился к борту и смотрел на волны, что гоняли пену, зажигая сигарету за сигаретой.

Ветер убрал паутину с моего лица и трепал его волосы. Он был в черной толстовке с камуфляжными штанами, но ему не было холодно, хотя ветер был пронзительнее, чем я думала. Я замерзала, и нос мой точно был красным.

Но я оставалась с ним среди брызг в воздухе, наслаждалась солнцем и его тихим обществом. Декс был задумчивее обычного, под глазами были мешки, он был серым. Я понимала, хоть и молчала, что он не спал. Может, стриптизерша, что танцевала на мне, его воодушевила. Я на это надеялась. Но и до этого с ним было что-то не так.

— Как твои новые лекарства? — спросила я. Это было слишком, но мне было любопытно.

Он не возмутился. Просто пожал плечами.

— Работают.

Он затянулся сигаретой, пепел полетел по ветру на палубу. Его руки подрагивали.

— Вчера ты ни сигареты не выкурил, — сказала я, глядя на его дрожащие пальцы.

Он снова пожал плечами.

— А сегодня курю.

Я хотела сказать, что постоянное поедание «Никоретте», как конфет, не помогало ему бросить, но кого он обманывал? Он просто не пытался бросить. У него могло и не быть причины, но я не хотела думать об этом.

Может, он понял, о чем я думаю, потому что посмотрел на меня.

— Что еще?

— Ничего, — быстро сказала я и повернулась к горам на острове Ванкувер, что возвышались вдаль. — Хотя погода хорошая.

— Беспокоишься за меня? — спросил он уклончиво. Это застигло меня врасплох, мне пришлось посмотреть на него.

Морщина меж его бровей стала глубже от мыслей и взгляда. Мы были без очков. Об этом забываешь, живя севернее этих краев. Он не злился, даже не интересовался. Нужно подумать, стоит ли говорить ему правду. Правда была такой... размытой.

— Ну, — протянула я. — Думаю, я всегда тревожусь за тебя. И ты это уже должен был понять.

— Нет, я про то, тревожишься ли ты быть рядом, — сказал он, выпрямившись и бросив сигарету за борт, хотя пепельница была неподалеку. — На острове. Одна. Со мной.

— Почему я должна тревожиться? И это парк, там есть люди, — насчет этого я уверена не была.

Он с улыбкой покачал головой.

— Ты видела, как пусто на берегу. Думаешь, люди будут ночевать в лагере в ноябре? В Канаде? На острове? Там и летом людей мало.

Я не подумала об этом. Я ожидала, что там будет полно палаток с другими людьми. Я не думала, что мы можем оказаться одни на острове.

— А на острове нет рейнджера?

— Нет. Потому Билл сказал звать его, если что-то пойдет не так. Похоже, там будем лишь мы.

Это не тревожило, но мы впервые будем одни... без Максимуса или дяди Ала, вмешивающихся в наши дела. И все же...

— Не знаю, почему это должно стать проблемой. Я доверяю тебе больше, чем остальным, — честно сказала я. И волновали меня лишь неуместные мысли, что попали в голову из-за Ады, что постоянно писала про возможный секс у нас с Дексом. Может, это семейное.

Он смотрел на меня, словно пытался понять, о чем я думаю. Я знала, что краснею, но надеялась, что это скрывает румянец от холодного ветра.

— Не знаю. Ты могла подумать... что? Что я странный извращенец после прошлой ночи, — он сказал это так серьезно, что мне хотелось смеяться.

— Эта твоя сторона мне нравится, — вот это вылетело зря. — То есть... нравилась...

— Не скрывай, — сказал он, прижав палец к моим губам. Его улыбка была милой, почти печальной.

Я ждала, пока он уберет палец, пахнувший табаком, а потом сказала:

— Я повеселилась прошлой ночью. Ты мужчина, Декс, это я поняла, и это радует, если честно.

— Хорошо, — сказал он, взяв пачку. — Я не помнил утром, что там было, подумал, что напугал тебя сильнее. Чем хотел.

Я положила ладонь на его руку поверх пачки.

— Полегче. Все хорошо. Если меня что и тревожит из-за тебя, то твое состояние. А не женщина, что танцевала на мне.

Он закусил губу и обдумал это. А потом убрал пачку в карман.

— Тебе тот танец понравился?

— Он на многое открыл мне глаза.

— Ты еще не бывала с женщиной?

Я нервно рассмеялась.

— Что? Нет, конечно, нет. Ты был с мужчиной? Стой, не хочу знать. Не отвечай, — это бы не удивило меня, но представлять я не хотела.

Он вскинул брови.

— Уверена?

— Да, — сказала я. — Хочешь войти? У меня уже замерзает задница.

Он открыл глаза, чтобы что-то сказать со знакомым блеском в глазах, и я добавила:

— Не смей ничего говорить про мою задницу.

— Ого. Сигарет нельзя, комплиментов тоже. Тяжко с тобой, Перри Паломино.

Декс знал, что правит ситуацией он, как оператор, но я лишь кивнула. Нужно забирать то, что он давал, пока был шанс.

Паром причалил, и мы вышли на длинный пляж острова Ванкувер, обрамленный деревьями, а оттуда отправились к городу Виктория по извилистой дороге. Возле города Сааних мы заметили острова в стороне. Я не знала, который из них остров Дарси, но это нам предстояло вскоре выяснить.

Декс был разговорчивее, чем на пароме, и это было хорошим знаком. Только теперь недовольной была я. Я не знала причину, лишь было ужасное ощущение, что я что-то забыла, что не была подготовлена.

Декс спрашивал, тревожусь ли я оставаться с ним, и сначала я не боялась, но чем дальше заходило, тем сильнее я беспокоилась. Я не боялась его. Я была бы рада, если бы он стал ближе ко мне, но я знала, что этого не будет. Никогда. Вздох.

Нет, я боялась за себя. Я буду делить палатку с ним две ночи. Да, у нас будут свои спальные мешки и все остальное (уже хорошо), но изоляция и близость, отсутствие свидетелей... я нервничала. А если я сделаю что-то глупое посреди ночи? Я буду в ужасе, напугаю и его. И все разрушу.

Да, вряд ли маленькая Перри начала бы творить пошлости, но чем больше я была с ним, тем сильнее хотелось ужасно пошлых вещей с ним. Всего пару мгновений назад он склонился, чтобы взять что-то из бардачка, на миг посмотрел на меня, а я боялась, что склонюсь и поцелую его. Я просто подумала, что будет, если я поцелую его там? А если запущу пальцы в его волосы и притяну его к себе, чтобы поцелуй точно не прекратился? Это было смешно. Я никогда еще не хотела кого-то так сильно, духовно и физически, я боялась, что тело начнет действовать само по себе.

А еще я думала о жуткой даме-клоунессе. Она вела себя так, словно знала меня. Но я не была уверена, что она не была плодом моего воображения или призраком. Может, она была настоящей маньячкой, что преследовала меня. Ох, и говорила со мной телепатически. Может, у нее есть дар?

Я хотела рассказать Дексу, чтобы узнать, что он скажет, узнать, видел ли он ее тоже, но скрывал от меня, как и я от него, и я была близка к этому (в минутах или днях), когда мы подъехали к скромному синему дому в один этаж в зеленом пригороде Виктории. Он припарковал машину и вышел.

— Здесь Зак, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— И откуда ты знаешь этого Зака?

— Он снимает документальные фильмы, мы с ним работали. Хороший парень с

хорошим вкусом, это я ценю. У него есть дочь Аманда шести лет, думаю, или в этом районе. Уже может разговаривать, но характер пока что хороший. Он недавно развелся, так что... не поднимай эту тему.

Заметано. Мы вышли из машины и пошли к дому. Для парня его сад был ухоженным, хоть зима и была близко. Уже висела рождественская гирлянда на изгороди и крыше. Трава была короткой и в росе.

Девочка ответила на стук.

Она была красивой, с длинными светлыми волосами, держала в руках клетку с мышью. Ее платье было светло-розовым и пышным, но в неровных пятнах краски, словно поработал Пикассо. Или она была хулиганкой в теле принцессы, или папа плохо за ней следил.

— Я Аманда, — я нажимом сказала она, закрыв собой проход.

— Ты меня помнишь, Аманда, — сказал Декс, склонившись к ней, уперев руки в колени. Я ощутила редкую боль в груди. — Я Декс.

— Ты воняешь, — сказала она. Я не сдержала смех. Аманда уставилась на меня.

— Прости, Аманда. Я с тобой согласна, — я говорила детским голосом. Я не знала, как вести себя с детьми любого возраста. К счастью, Аманда улыбнулась, показав выпавшие зубы. Она пропустила нас. Успех!

Из-за угла вышел бородатый мужчина, вытирая руки о полотенце. Его глаза загорелись при виде Декса.

— Ну как ты, друг? — воскликнул он.

Декс подошел и обнял его. Было приятно видеть это от того, кто редко проявлял теплые эмоции.

— Хорошо. Крутая борода, Зак, — отметил Декс, оглядев его. — Похож на солиста «Clutch».

Да, он был похож на Нила Фаллона из группы «Clutch». Редкие волосы Зака и борода лесника. Его пивной живот гордо выглядывал из синей футболки, хотя в остальном он был в нормальной форме.

— А мне нравятся усы. Похож на насильника, — подмигнул Зак.

Декс посмотрел на меня.

— Не ты один так думаешь.

Я улыбнулась Заку и протянула руку.

— Привет, я напарница Декса Перри. И я тоже думаю, что он похож на насильника.

Он пожал мою руку и сказал:

— Рад встрече, Перри. Ты мне уже нравишься. Проходите. Не переживайте из-за Аманды. У нее выходной. В школе выходной.

— Я в первом классе, — вдруг сказала она, выглянув из кухни перед нами и быстро исчезнув снова.

Мы с Дексом нервно рассмеялись. А что сказать на это? Молодец? Это мило?

Зак взглянул на нас и сказал:

— Знаю, кому до этого есть дело?

— Папа! — завопила она из-за угла.

Он закатил глаза.

— Да. Прости, Аманда.

Он склонился к нам, понизил голос:

— Она теперь за все отвечает. Ее мама... ладно, проходите.

Зак провел нас в гостиную, куда принес нам кофе и пирожные. Дом был маленьким, но уютным, стены были покрыты деревом, а на полу всюду были ковры.

— Простите, я плохой хозяин, — сказал он, сунув пирожное в рот.

Я смотрела на пирожное в руках. Я уже завтракала, но решила попробовать, чтобы не показаться грубой. Кофе был крепким и вкусным. Такой мог сделать моряк.

— Значит, Дарси? — Зак спросил с блеском в глазах.

— Ага. Веселье там, где жила колония прокаженных, — сказал Декс.

— И вам позволяют снимать там?

— Ага. Уже разрешили. Даже не мешали. Хотя Билл все же хотел нас остановить.

— Уверен, к ним уже приходили снимать... о призраках. Простите, но я в это не верю.

— Не верите в призраков? — спросила я. Многие не верили, но я все еще не понимала, почему.

— Нет, в призраков я верю. Просто думаю, что эти программы — фигня. Потому они вам и разрешили, ребята. Я так думаю.

— Потому что мы не фигня? — спросила я, потягивая кофе.

— Нет, потому что вас показывают в... Интернете. Значит, вы не зависите от какого-то канала. Никакой идиот за вами не стоит.

Он замолчал и посмотрел на Декса.

— Кроме него, конечно.

— Я здесь идиотка, — улыбнулась я.

Декс улыбнулся мне.

— Это записать?

Зак посмотрел на нас, а потом спросил:

— Ты все еще с Дженнифер, Декс?

Чашка кофе громко стукнула в руках Декса. Они снова дрожали, хоть и на миг. Он сглотнул и опустил чашку.

— Да, конечно, — сказал он без эмоций.

Черт. Я надеялась, что звонок означал, что они расстались. Только не это. Я старалась не выглядеть недовольной, ведь Зак смотрел на меня. Я не знала, почему, но мне всегда казалось, что людям нравится спрашивать его об отношениях. Словно они не могли поверить, что мы с Дексом просто партнеры. Я улыбнулась ему. Я не хотела показывать, о чем думаю, что чувствую.

— «Крохи с вином» мне нравятся, — неловко отметил Зак.

— О, да. А кому нет? — добавила я. Декс с подозрением смотрел на меня, но я не хотела замечать это.

— Точно, — Зак улыбнулся и встал с кресла. Он унес на кухню свою пустую чашку и Декса. Я огляделась, отметила книги и уют, решила что после ухода жены (что не стоило упоминать при нем), он неплохо жил. Я была бы рада такому дому, но без дочери.

Я повернула голову и увидела Аманду в дверях, она смотрела на нас большими глазами. Она застенчиво улыбнулась, но не сдвинулась. Она не собиралась бежать от незнакомых. Я знала это чувство.

— Эй, Аманда, — оживленно сказал Декс. — Когда я последний раз тебя видел?

Аманда широко улыбнулась ему и прижала палец к губам, размышляя.

— Не знаю. Не в этом году, ведь подарок на день рождения ты мне не дарил, — сказала она.

— Да. А если я скажу, что подарок у меня с собой? — спросил он, повысив голос и вскинув брови. Я восторженно смотрела на него.

Она глядела на него так, словно он был пасхальным кроликом.

— Что это?

— Подойди и посмотри.

Я не знала, учили ли в ее возрасте бояться дядь с усами, потому что я бы убежала (от этого и от белого Шевроле Астро без окон). Она пошла к нам на носочках, словно рисковала.

Она остановилась перед Дексом и выжидающе смотрела на него.

— Где подарок? Что это? — спросила она.

Я тоже хотела знать. Я смотрела на него, надеясь, что он не станет жестоко и глупо обманывать ребенка. Я таким обещаниям в детстве не верила.

Он не медлил. Он полез в карман и замер. А потом склонился к Аманде и прошептал:

— Закрой глаза.

Аманда выпрямилась, сцепила руки за спиной, закрыла глаза с глупой улыбкой на лице.

— Протяни руки.

Она вытянула руки. Я смотрела, как Декс достает из кармана резинки для волос и отдает ей. Такие резинки «Силли Бэндз» понемногу появлялись и у взрослых, но я не понимала, почему. Мне нравилась музыка 90-х, но этого я не понимала.

Но Аманде они понравились, она открыла глаза, громко завопила и затанцевала по дому, как безумный ребенок. Зак вернулся с кофе и книгами под рукой, качая головой при виде дочери, что взбежала по лестнице с резинками. Она их собирала.

Мне нравилось играть с детьми, но я хотела уже попасть на остров и приступить к работе. Зак тоже так подумал, потому что книги были про остров Дарси. Он опустил их и чашку кофе перед Дексом.

— Спасибо, друг, — сказал Декс, взяв чашку, — но книги для нее.

Он кивнул на меня, пролив немного кофе.

— Ах, — сказал Зак и вручил книги мне. Их было две, и они были тонкими.

— Это все?

— Ага. Боюсь, больше ничего не найти.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Там редко бывают. Остров был немного затоплен. В книгах многое — выдумка. Записей мало.

— Но... Декс говорил, что там умирали люди.

— О, да. Около сорока человек. Но они были прокаженными. Еще и китайцами, так что их не считали людьми. Если бы это были белые люди, было бы много книг об этом. Но не в нашем случае.

Я посмотрела на книги. Они были сухим изложением произошедшего. Зак увидел это по моему лицу, потому что сказал:

— Будет хуже, если вдуматься. То, что правительство так долго не вело записей, лишь вершина айсберга. Людей оставили там умирать. Потому что назвали его Островом смерти.

Я поежилась.

— Серьезно?

Зак кивнул и посмотрел на Декса.

— Ты ей не рассказал?

— Он никогда не рассказывает, — сказала я. — Хочет, наверное, чтобы я выглядела глупо.

Декс удивленно посмотрел на меня.

— Я давал книги, так ведь? У тебя есть время прочитать их по пути. Расслабься, — он повернулся к Заку. — Это ведь справедливо?

Зак взял телефон и с пары нажатий зашел в него.

— Ага, наверное. Ночью бывает сильный ветер, но если вы будете в лодке, все будет хорошо.

— В лодке? — повторила я. Я чувствовала, как рядом напрягся Декс.

— Там сложно причалить, — сказал Декс. — Все хорошо, если и погода хорошая. Но в это время года вам лучше быть в лодке.

Это было не предложение, а приказ, и я готова была его слушаться. Я могла побыть ночью в лодке. Чем больше я узнавала об «Острове смерти», тем сильнее хотелось оставаться в лодке. И это была лодка Зака.

— Но добраться туда мы сможем без проблем? — спросила я.

Он покачал головой.

— Погода сегодня хорошая. Утром может быть туман, надейтесь, что только это. Здесь быстро меняется погода. Кажется, что это место близко, но, поверьте, здесь бывает жутко.

— Билл говорил, что остров выбрали, чтобы... не получилось сбежать, — сказала я с трудом.

— Он прав. Люди пытались. Тонули. Порой из-за ветра к ним не приходили корабли с припасами. И можно разбиться, потому корабли редко подплывают к берегу. А потоки могут унести отчаянных в океан.

Я поникла. Чем больше я слышала об этом острове, тем больше хотела сбежать. Да, я боялась, когда не стоило, и чувствовала себя не готовой, когда нужно было чувствовать себя уверенно, доказать, что я не дура. Может, я боялась оставаться с Дексом. Я могла разозлить его как-то (так не должно было произойти), ведь мы можем оказаться там одни. А если что-то пойдет не так? Мы справились с оборотнями, но там нам помогали. А тут мы будем одни, будем полагаться только друг на друга.

Но я сидела с книгами на коленях, пила кофе в доме незнакомца. Я зашла далеко, а по решительному виду Декса было ясно, что пути назад нет. До этого всегда был миг, когда я могла уйти, но я этого не сделала. Даже если боялась каждой клеточкой, я шла вперед к неизвестности. Кто-то назовет это храбростью. Я назвала бы иначе. Упрямство подходило больше.

Декс вскоре допил кофе, и мы пошли к лодке. Заку стоило пойти с нами и показать Дексу, как управлять лодкой, а он, видимо, решил, что Декс справится сам. У него веры было больше, чем у меня. Даже если Декс был опытным, я не доверяла ему на лодке.

Но я доверила бы Дексу жизнь. Проверим.

* * *

Лодка была неряшливее, чем я думала после аккуратного дома Зака. И я обрадовалась, что Декс будет править этой лодкой, а не царапать дорогую яхту.

Я не знала многого о лодках (я плавала только раз на яхте дедушки в Швеции, но была тогда маленькой и помнила плохо), но эта была парусной и обычной. Так мне сказал Декс.

Мы в несколько ходок перенесли вещи из машины, было пора отплывать. Я вручила Дексу камеры, стараясь не уронить их. Это было бы ужасно.

Он взял их и исчез в каюте. Мне больше нравилось на скрипящей пристани, чем на борту. Я не спешила. На пристани я была соединена с сушей, близко к улыбающимся морякам, что ухаживали за своими лодками и радовались теплему осеннему дню перед зимними дождями. Это было знакомо и приятно. Лодка, с ее выцветшим синим цветом, обшарпанным деревом и названием, написанным краской, «Мэри вопреки» (наверное, имя его бывшей жены), знакомой не была.

Декс выглянул и спросил:

— Что ты делаешь, шкипер?

— Теперь я шкипер? — спросила я, неуверенно ставя ногу на первую планку лестницы.

Я посмотрела в темные глубины под собой.

— Будешь, если взойдешь на палубу. Или помочь, коротышка?

Кого он назвал коротышкой? Я схватилась за поручень и шагнула на неровную палубу, осторожно прошла дальше, пригибаясь для равновесия, благодаря хорошую подошву ботинок.

— Скоро научишься ходить здесь, — сказал Декс, встав рядом со мной. С ним была книга с картами. Он подошел к штурвалу и поднял несколько панелей. — Спасибо Заку, что он догадался добавить сюда сонар и навигатор.

Я подошла к нему и посмотрела на панель рядом со штурвалом, там лежала влажная тряпка с плесенью.

— Может, стоило выпить?

Декс рассмеялся.

— Возможно.

Это должно было успокоить. А если бы он был пьяным? Он бы правил чужим судном? Возможно.

— Что мне делать? — спросила я, надеясь, что он меня прогонит. Я хотела сесть в уголок и спрятаться.

Он вытащил ключ и сигарету из кармана. Сигарету он зажег, выдохнул дым и, сунув ключ, повернул его с усилием. Судно ожило, рев был громче, чем я ожидала, мы дрожали от этого.

— Декс? — спросила я.

— Так, — сказал он и указал на палубу. — Мне нужно, чтобы ты убрала буферы, когда мы будем двигаться. И мне потребуется твоя помощь, чтобы отчалить, — он огляделся. — Не хочется врезаться в кого-то при этом.

Может, так было бы лучше.

Он потер подбородок.

— Не переживай, я не буду выгонять тебя к бортам, пока корабль движется. Мне не нужно, чтобы ты упала в воду.

— Хорошо.

— Ты будешь править.

— Ох...

— Ты катаешься на мотоцикле, Перри. Ты сможешь пару секунд вести судно по прямой. Я в тебя верю, — он хлопнул меня по спине.

Я сомневалась, что справлюсь, но было не сложно. То, как судно было слажено, как располагалось меж других, означало, что мне нужно было только вести вперед, держать судно прямо. Спокойные воды не мешали, Декс вскоре убрал все канаты на палубу, легко

запрыгнул на палубу медленно движущегося судна. Он был ловким для своего роста. И меня удивляла уверенность его движений.

Я хорошо справлялась, и он пошел по судну, продолжая необходимые действия.

— Спасибо, шкипер, дальше я, — сказал он, закончив, улыбнулся мне, оказавшись рядом. Он положил ладони поверх моих на штурвале.

Я глупо посмотрела на него, желая убрать руки и уйти или позволить ладоням лежать там. Он смотрел на мои руки под своими и быстро сжал их.

— Хочешь править? Я не хочу бунт на корабле.

Я быстро убрала руки.

— Нет, ты капитан. Где ты научился этому?

Он смотрел на горизонт в поисках островов.

— Я ходил в школу моряков в детстве.

— В Нью-Йорке?

— Да. В Нью-Йорке есть длинный остров.

— Ха, знаю. Сколько тебе было?

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— И все тебе надо знать, да?

— Да, — я скрестила руки. Мне не нравилось, что он так скрывал детали жизни, особенно, жизни в Нью-Йорке. Что страшного в том, чтобы сказать, где он научился управлять судном или играть в хоккей?

Ветер усиливался, пока мы покидали маленькую гавань. Ветер бросал волосы ему в глаза, и я могла лишь периодически видеть их.

— Мне было 11. Отец был моряком, и я был часто на борту ребенком. Он думал, что мне стоит научиться этому, ведь я мог унаследовать судно. И он отправил меня на занятия в яхт-клуб. Я ходил раз в неделю... почти год. Давали лодочки, но порой мы устраивали гонки и прочую ерунду.

Он рассказывал столько, что мне уже казалось, что стоит это записывать.

— Почему перестал? Начал играть в хоккей?

— Нет. Я какое-то время занимался и тем, и другим. До этого еще стрелял из лука, плавал и играл в теннис параллельно.

Столько видов спорта. Это впечатляло. Я всегда думала, что Декс однажды раскроет, что он тайный агент. У него было столько скрытых навыков, что это меня не удивило бы. Хотя мне понравилось представлять его с луком или ракеткой.

— Так почему ты перестал? — я не хотела давить, но он пытался уйти от ответа. — Тебе не нравилось? Но ты ведешь себя естественно, — ветер дул ему в лицо, и с сигаретой, щетиной и властной стойкой за штурвалом он напоминал капитана.

— Мне нравилось там. И хоккей тоже. Теннис веселый, хотя я ненавидел тех, с кем соревновался. Богатые засранцы. И я был бы лучшим в плаванье. Сейчас по мне и не скажешь.

Его плечи были широкими, и у него было хорошее тело, особенно, изгиб у бедер... (стоять, Перри), но он не был похож на пловца. И он уходил от ответа. Я смотрела на него. Он вздохнул.

— Отец бросил нас, а деньги были у него. Так что спорт на этом закончился, — сказал он голосом робота.

Я была потрясена. Не знаю, почему, ведь такое не было необычным. Просто я этого не

ожидала. Мне было жаль его, а он этого точно не хотел, так что я кивнула и спросила как можно спокойнее:

— Куда он ушел?

Декс пожал плечами.

— Плевать. Кому интересно, куда этот гад ушел? Все равно.

— И ты его не видел потом? — я уже давила.

Он вдохнул с сигаретой. Пауза.

— Нет. Не видел. Не видел и на похоронах матери.

— Прости, — прошептала я, желая коснуться его рук. Они синели от холода.

Он поправил стойку, глядя вперед.

— Это жизнь.

Я хотела о многом поговорить. Я впервые, казалось, видела настоящего Декса. Он говорит и раньше, что его родители мертвы, но я не знала, что один мертв для него образно, это было еще хуже. И для отца он тоже был мертв.

Он повернулся ко мне. Его глаза угасли, словно он поднял щит, не давая мне ничего узнать по взгляду.

— Все узнала?

Я покачала головой. Я хотела знать, когда и как умерла его мать. Как им было после того, как ушел отец. Как он себя чувствовал, лишившись всех привилегий, с которыми рос. Я хотела знать, были ли у него братья или сестры. Хотела знать, как он учился в старшей школе. Я хотела знать, как все это влияло на человека, стоявшего рядом со мной, ведущего судно к «Острову смерти».

— Упрямая, — фыркнул он. — Может, стоит проделать так и с тобой. Узнать, например, почему ты была причиной стольких походов семьи к врачу, когда ты была маленькой. Твои кузены стучали меня по ноге, упоминая это. Но, судя по тому, как твои родители говорили со мной о тебе, это все еще проблема в твоей семье.

Я насторожилась, сердце билось теперь медленнее.

— Что они сказали?

Я не хотела, чтобы они очерняли меня в глазах Декса. Не так. Это личное.

Ему понравилась моя реакция.

— Они ничего не сказали. Не так. Сказали, что переживают за тебя. И наделись, что призраков ты оставила в прошлом.

— Не знала, что они говорили об этом, — сказала я. И не соврала.

— Нас двое. И я не спрашивал.

Телефон задрожал в кармане. Меня это спасло. Я вытащила телефон и посмотрела. Это была Ада.

«Уже на острове? Наверное, не разнять?».

Я вздохнула и убрала телефон. Декс вопросительно смотрел на меня.

— Не говори, что сообщения из Твиттера и Фейсбука приходят прямо на твой телефон.

Я недовольно посмотрела на него.

— Нет. И это не твое дело, но я лишь раз проверяла блог сегодня.

Он посмотрел на часы.

— Раз? Это уже что-то значит, но время у тебя еще есть. Что-то новое от Анонимки?

— Ага. С чего ты взял, что это девушка?

Он стряхнул сигарету и сказал:

— Не знаю. Догадка. Девочки совершают глупости. Ревнуют. Понятно же?

Я не хотела долго спорить, так что дала короткий ответ:

— Как обычно. Я выгляжу глупо, не похожа на хорошую ведущую, не должна быть в Интернете, — я опустила часть, где говорилось, что работу я получила через постель с оператором. Это так смущало, и я не хотела все ухудшать. Я не знала, с чего они это взяли. Декса даже видно не было. Даже Ада говорила об этом. Мои желания были очевидны?

Ветер стал порывистым, судно обогнуло камни, и мы направились на северо-восток, небольшие волны набегали из ниоткуда. Я дрожала, понимая, что подобрала не самую лучшую одежду для путешествия.

— В одной из кают есть куртки, — сказал Декс, заметив.

Я кивнула и сказала ему, что пойду вниз читать книги. Я не хотела говорить об Анонимке, а он — о себе. Вот только пока я шла по качающемуся кораблю и спускалась по ступенькам, я начала чувствовать себя плохо, ощутила клаустрофобию.

Внутри было неплохо, даже уютно, хоть и тесно. Камбуз был маленьким, как и две каюты и гостиная. Двойная кровать была большой и мягкой. Где бы я ни села, везде качало, было слышало рев двигателя (и ощущался запах дизельного топлива), и от этого болела голова, подташнивало, особенно, когда я открыла книги про остров Дарси.

Я почитала немного, а потом пришлось закрыть их и лечь на кушетку. От прочитанного лучше не становилось.

На рубеже веков китайские прокаженные были собраны на улицах Виктории, Ванкувера и других мест в этих краях и отвезены на остров, где их оставили одних без лекарств. У них были подобыа домов, а с миром вне соединял лишь корабль, приносящий каждые три месяца еду, воду, опиум и... гробы. Когда на острове кто-то умирал, они сами хоронили их. Их оставили на острове сгнивать.

И некоторые гнили. От проказы на их телах появлялись язвы и волдыри, вредили нервным окончаниям. Слепили, если попадали на глаза. В них врезались осколки стекол. Они не чувствовали боли и не замечали этого, даже если раны доходили до костей. Их руки были скрючены и обожжены, ведь было легко обжечься об огонь, которого не чувствуешь. А посреди ночи могли прийти крысы и обгрызть их пальцы. Утром можно было проснуться и увидеть свои пальцы на полу.

Это было отвратительно. И болезнь, и то, как с ними обошлись. Я не могла представить их жизни, о них никто не заботился, они умирали от этой ужасной болезни. В одной из книг упоминалось, что люди через какое-то время сжалились и направили их в Сан-Франциско после нескольких лет жизни на острове, и за ними там следили. Но многие успели погибнуть.

— Перри! — услышала я крик Декса сверху. Я открыла глаза и подняла голову, стараясь не тревожить тошноту, что подступала к горлу. — Поднимайся! Киты!

Это меня привлекло. Я, шатаясь, прошла наверх. Декс был у штурвала, старался снимать айфоном. Он увидел меня и попросил принести камеру.

Я выбрала маленькую и принесла. Сверху было холодно и светло, в отличие от низа. Я дала ему камеру и проследила за его взглядом. Вдали касатки рассекали воду, плавники ножами вспарывали волны. Я никогда не видела китов в дикой природе. Это было круто.

Декс поднес камеру к лицу и начал снимать их.

— Поведешь, шкипер? — спросил он.

Я подошла к нему, чувствуя себя новичком.

— Просто води так дальше. По местному закону ближе подобраться нельзя.

Я хотела бы посмотреть их вблизи, но слышала ужасные рассказы, как касатки нападают на судна. Нет, спасибо.

Я вела корабль, пока Декс снимал. Мы молчали, просто наслаждались их видом, пока они выпрыгивали из воды, солнце блестело на черных головах, брызги летели, когда они выдыхали, на фоне в тумане были зеленые острова. Мне уже не было плохо. И хотя мы все дальше уплывали от китов, я решил, что останусь наверху. Даже если и холодно.

Когда они оказались слишком далеко, Декс опустил камеру и улыбнулся мне. Он был искренне рад, его глаза были по-детски круглыми. Это ему шло.

— Это было круто? — воскликнул он.

— Очень круто, — согласилась я, отодвигаясь, чтобы он взялся за штурвал.

— Я видел тут дельфинов, но не касаток. Рад, что снял это. Так круто. Повезло.

— Эта серия станет отчасти документальной?

— Неа. Красотой можно усыпить бдительность людей, а потом все резко пойдет не так.

Я поежилась.

— Не стоит нам планировать то, что пойдет не так.

— Разве так не случается всегда? — отозвался он.

— Бывает, — хотя мы выбирались живыми, так что ужасно все не было. Но я бы не хотела повторить то, что было со мной в маяке, когда Старый Родди душил меня водорослями, или когда меня пытались изнасиловать в Рэд Фоксе.

— Шучу, ты знаешь, — он хмуро смотрел на меня. Наверное, выглядела я испуганно.

Я слабо улыбнулась.

— Я не знала. Я не хочу испытывать нашу удачу здесь. И на Острове смерти.

— Почитала?

— Да. Лучше бы ты заранее рассказал о том, что там было...

— И? Ты бы передумала?

Шанс был. Если бы я знала, что отправлюсь на остров, где умерло, сгнив, сорок изгнанных душ, я бы отказалась.

— Не знаю. Это не важно, да? Уже слишком поздно.

— Ты права. Мы на месте.

Я проследила за его взглядом. Плоского вида остров был с каменистым берегом и густым лесом, и он стремительно приближался.

Вот и все. Я это знала. И словно невидимая стена туман накрыла корабль. Мы с Дексом поежились одновременно.

Я оглянулась. Остров Ванкувер был так близко, но и так далеко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:

Остров Дарси был уже довольно близко, и можно было его рассмотреть. Тошнота, которую я уже ощущала, грозила вернуться.

Остров выглядел так же, как многие здесь. Но странно было то, что ты понимал, что все не так просто. Даже если бы мне не рассказали, что тут было, меня бы охватил ужас, от острова исходила враждебность, я ее ощущала.

— Не нравится мне это место, — сказала я Дексу, плотнее кутаясь в куртку. — А тебе?

— И мне не понравится, если ты не помолчишь пару минут, — ответил он, глядя

напряженно вперед. Я открыла рот, чтобы парировать, но передумала. Декс грубил, когда был встревожен, и я видела, что так все и было в этот раз. Я закрыла рот, отошла от штурвала и проследила за его взглядом.

Я ничего страшного не замечала. Мы были близко к острову, но не настолько, чтобы задеть камни. Но вода бушевала, словно сталкивались разные потоки.

— Дай мне карты, — сказал он, указав на скамейку, на которой на ветру трепетали карты, придавленные парой книг.

Я вытащила их и спросила:

— Мне на них посмотреть?

— А ты там что-то разберешь? — проворчал он, глядя на воду.

Я пропустила это мимо ушей и взяла первую книгу, которая оказалась «Путеводителем по воде». Я нашла в оглавлении и быстро посмотрела остров Дарси, пока Декс не начал на меня кричать.

Я нашла нужное место и посмотрела на него. Он сбавил скорость, мы заметно замедлились. Он шурился, глядя на карты, что белели на солнце, а потом посмотрел на воду между нами и островом.

— Что пишут в книге? — спросил он.

— Здесь нет хороших мест, чтобы причалить. Приемлемые места можно найти при хорошей погоде. Советуют бухту на западной стороне, но нужен хороший якорь. И говорят остерегаться водорослей и скрытых под водой камней.

— Ага, понятно, — сказал он и включил сонар. Темные точки виднелись на экране, и эту часть я доверила Дексу.

— Значит, на остров нам не попасть? — спросила я. Наверное, зря я спросила с надеждой.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Мы туда попадем. Просто нужно кое о чем помнить. Не нужно так пугаться.

Я недовольно взглянула на него и вернулась к книге. Там была красивая фотография ярких байдарок на берегу. Все не так и плохо, да?

Я посмотрела на остров, мы направились на запад, огибая его. Маяк медленно, но уверенно возникал в поле зрения.

К счастью, этот маяк был не похож на тот, в котором встретились мы с Дексом, где был старый Родди. Это был лишь высокий белый столб с лампой на вершине. Ниже него под утесами бурлили воды. Билл не врал про опасные течения. Кроме потоков, я видела движение в воде, океан охранял остров, создавая пенные стены, от волн летели брызги, когда они сталкивались с камнями и пляжами.

— Я тут посижу, — я указала на скамейку. — Если нужна помощь, ты знаешь, где меня искать.

Я села и старалась не смотреть, как мы движемся. Я боялась, что мы столкнемся со скрытым рифом или запутаемся в водорослях. Я оглянулась на остров, оставшийся позади, и подумала, что если что сейчас не хватало только застрять здесь.

Декс был сосредоточен управлением. Он выглядывал камни на радаре, замечал потоки впереди. Я посмотрела на остров. Мы почти добрались до небольшой бухты, берег был уже недалеко. Я могла различить ветки елей, зеленая хвоя блестела в золотых лучах солнца, гладкие камни усеивали берег. Летали чайки, мотор почти не было слышно, и я различала ритм волн, набегающих на камни. Все казалось таким мирным, но...

Кто-то следил за нами.

Лицо, скрытое в листве. Жуткое гниющее лицо прокаженного с огрубевшей кожей, что напоминала кору сосны рядом с ним. Глаза были узкими и черными, рот был открыт. Выражение застывшего ужаса.

Я вскрикнула, боясь моргать, чтобы не упустить все это из виду. Я хотела отвести взгляд от ужасного лица-маски, но боялась потерять его из виду.

— Декс, — медленно выдавила я, не отводя взгляда.

Он проворчал, не желая отвлекаться:

— Вообще-то я занят.

— В лесу жуткое лицо. Оно смотрит на нас.

Он посмотрел на меня, потом проследил за моим взглядом. Какое-то время он смотрел туда, и я была уверена, что он различил лицо.

Но он вдруг отвернулся и сказал:

— Ничего не вижу.

Невозможно. Я все еще его видела.

— Нет, там кто-то есть. Среди папоротника, где лес переходит в пляж. Чуть правее, если отсюда смотреть прямо.

Он посмотрел снова, и я краем глаза смотрела, как он качает головой. Злясь и боясь, что это вижу только я, я прищурилась и постаралась понять, то ли я увидела. Это же было лицо? Я пригляделась и заметила темные плечи, исчезающие в тени леса. Это был человек. Но он не двигался.

Декс положил ладонь на мое плечо, и я вздрогнула и дико посмотрела на него.

— Эй, малыш, ничего там нет, — спокойно сказал он, глядя на меня. Он убрал руку и ушел к штурвалу. Я взглянула на лес, и теперь уже лица там не было. Остались только деревья.

— Ага! Вот это место должно подойти, — громко сообщил Декс и сбавил ход. Он ткнул меня в плечо, чтобы убедиться, что я его слышу. — Подержишь штурвал и нажмешь на эту кнопку, когда я тебе скажу? Тебе нужно будет держать палец на кнопке, чтобы спустить якорь.

Я кивнула и подняла, встала за штурвалом и убедилась, что могу дотянуться до черной кнопки на нижней панели. Жуткое ощущение не покидало меня, но я была рада отвлечься.

Декс прошел на нос судна. Я быстро посмотрела на лес. Казалось, что я все выдумала. Лицо ведь и не двигалось, воображение могло нарисовать его из теней и линий леса.

— Вперед, — крикнул Декс среди грохота цепей. Я нажала кнопку и держала, пока якорь не опустился в воду. Было не сложно, пока поток не начал тянуть так, что штурвал затрясся в моих руках. Я схватилась за него крепче, удерживая кнопку другой рукой.

Штурвал начал двигаться еще сильнее, словно кто-то давил на него. Я прижалась к нему грудью, чтобы сдавить сильнее, не отпуская кнопку. Но становилось только хуже. Еще немного, и мне могло выкрутить руку.

— Отпускай! — крикнул Декс, я с радостью послушалась, другой рукой тоже взялась за штурвал. Он подбежал ко мне, не держась за канаты при этом.

— Штурвал неуправляем, — объяснила я.

— Это все потоки, — он нажал на кнопку якоря.

— Ты что-то здесь понимаешь?

Он нахмурился.

— Должен. Склон тут резкий, и я должен все проверить.

Послушав ворчание мотора якоря, он отпустил с удовлетворением и выключил двигатель. Он посмотрел на мои белые костяшки на штурвале и криво улыбнулся.

— Можешь опускать, — сказал он. — Никуда мы не уплывем.

Я послушалась. И судно резко подалось влево, прочь от острова. Казалось, остров отталкивает нас с силой.

Я чуть не упала, но Декс быстро схватил меня за руку.

— Что ты там сказал? — возмутилась я.

Он закусил губу и посмотрел на берег, а судно кружилось, как стрелки на часах. Он схватился за штурвал, зафиксировав его. И оглянулся.

— Ни один якорь не удержит нас так все выходные.

— Это важно, если нас не будет на борту?

— Да, важно. Якорь едва держится сейчас, а это спокойный день для этого места. Еще час, и судно уплывет. Если мы оставим его, то потом уже не найдем.

Он хотел сказать, что все ужасно. О, нужно просто уплыть отсюда. Но я понимала, что этого можно не ждать.

Но хотелось.

— Ладно, есть один трюк, — сказал он, пока я опустила плечи. — Подержи-ка штурвал.

Я послушалась, надавив на него своим весом. Теперь удерживать его стало еще сложнее. Что тогда творится в воде? Снаружи было много брызг, но волны не могли заставлять судно так кружиться.

Я невольно подумала о гробах, медленно всплывающих на поверхность. Я представила руки без пальцев, что появляются из сгнивших крышек, раздутая белая плоть тянется к судну в темных глубинах.

— Перри! — рявкнул Декс. Я вздрогнула и посмотрела на него. Он поднял одну из скамеек и вытаскивал длинный желтый канат из скрытой кладовки. — Слышишь? Удерживай штурвал. Мы в хорошей позиции.

Судно развернулось на 180 вокруг якоря, и теперь нос его смотрел в сторону, откуда мы приплыли. Я кивнула и выполняла то, что он просил.

Он встал рядом со мной и привязал канат к металлическому крюку замысловатым узлом, а потом потянул за спасательный трос, управляя лодкой.

— Что ты делаешь? — тревожно спросила я. Не хотелось оставаться здесь.

Он ударом открыл металлическую лестницу и спустился к лодке ближе, остаток пути преодолев прыжком. Он приземлился со стуком, лодка содрогнулась под ним, но не перевернулась. Он указал на утес. Одинокое дерево росло среди камней.

— Я привяжу нас к тому дереву, — сказал он, заводя на лодке маленький двигатель. Он заревел после нескольких попыток, голубоватый дым повалил оттуда, пропеллеры закрутились.

— Каната хватит? — спросила я. Он кивнул и устроился удобнее. Он посмотрел на меня.

— Просто удерживай штурвал, иначе ты и меня закружишь. Смотри, чтобы веревка не запуталась. Я быстро.

Сколько раз я это уже слышала?

И он уплыл. Лодка боролась с течением, Декс разбирался с двигателем, но вскоре лодка набрала скорость и поплыла ровно. Я следила за ним, чувствуя, как сильно штурвал пытается

высвободиться из моей хватки. Но отпускать я не собиралась. Канат тянулся за лодкой, и мне все казалось, что канат вот-вот закончится.

Используя почти всю его длину, Декс добрался до каменистого выступа под утесом. Он выключил двигатель, выскочил на землю, забрался на влажные камни и оказался у дерева. Я нервничала. Он явно знал, что делает, и порой Декс напоминал ловкостью обезьяну, но я смотрела, как он ходит по влажным камням, а под ним разбиваются волны, и понимала, что один неловкий шаг приведет его к падению в море.

Для посещения острова уже возникло слишком много проблем. Почему правительство решило сделать тут парк, я не понимала. Как туда вообще попасть посетителям? Конечно, тут редко кто-то бывал, половина просто сдавалась. А остров неподалеку был и с пристанью, и со всем остальным. И там виднелись лодочки. Сюда приплывали только безумцы.

Это место было враждебным. Стоило увидеть его, и меня не переставало пронзать ощущение, что нас хотят выгнать. Мне все это не нравилось, проблема с потоками и судном не помогала.

Декс завершил свое дело. Он привязал канат к дереву так крепко, как мог, и вернулся в лодку. Он завел двигатель и громко поплыл, а через минуту оказался на борту.

Он привязал к судну лодку и сказал:

— А теперь отпускай.

Я так и сделала и приготовилась к кружению. Судно двинулось, но через пару футов остановилось, канат натянулся. Я слышала, как гремят цепи якоря. Но мы замерли.

Мы с облегчением хором выдохнули.

— А из тебя вышел неплохой шкипер, — сказал он мне. — Может, тебе стоит увлечься этим.

— Посмотрим, — сказала я.

Закончив с этим, мы спустились и начали собирать все для похода в лагерь на другой стороне острова. У нас было два больших рюкзака, полных личных вещей, небольшая сумка-холодильник, которую Декс набил едой, что мы купили по пути, маленькая плитка с пропаном, а еще палатка, матрасы, два спальных мешка, колышки, две подушки, большая профессиональная камера, странный старый чехол для камеры, который я еще не видела, зеркальная камера, два больших зонта, фонари, маленькая сумка с оборудованием от призраков, ноутбук Декса... и куча прочих вещей.

— Ты не думаешь, что проще оставить все на борту? — спросила я. — Придется переносить вещи на остров в несколько ходок.

— Придется, — сказал он, собирая свой рюкзак. — Не забудь куртки.

Он вытащил из каюты куртки. Настоящие моряцкие куртки. Я понимала, что мне такая будет доставать до колен. Он сунул куртки мне в руки и заметил выражение моего лица.

— Что?

— Может, мне остаться на борту? Нам не придется переносить тогда часть вещей.

— Ноги замерзли?

— Они мерзли весь путь.

— Значит, боишься?

— Да! Это Остров смерти, и назвали его так нельзя. И он нам явно не рад.

— Не драматизируй.

Я хотела бросить куртками в его лицо, но лишь строго посмотрела на него. Я видела, как в его голове крутятся шестеренки.

— Хорошо, — сказал он. — Если хочешь остаться на ночь на борту, ладно. Делай, что хочешь. Но тебе все равно придется прибыть с вещами на остров, чтобы мы сняли все, что запланировали.

Я кивнула. Конечно, я знала это. Он не был впечатлен моим решением.

— Я пойду первым. Оставайся здесь. Старайся не промокнуть.

Он развернулся, взял как можно больше вещей и поднялся на палубу. Я села и открыла холодильник, хотелось есть. Уже прошло время ужина, а тошнота отступила, так что аппетит вернулся.

Я услышала шум лодки и в иллюминатор посмотрела, как Декс движется к берегу.

В сумке-холодильнике хватило бы еды только на выходные. Мы повелись на дешевую и легкую еду. Но зато у нас был кофе, и я была этому рада. Хотя без кофе прожить мы смогли бы.

Странное ощущение тревожило меня, пока я думала обо всем. Идти на остров с минимальным запасом еды было не лучшей идеей.

Я прошла на камбуз и открыла маленький холодильник. Конечно, там было пусто.

Я открыла шкафчики наверху и нашла несколько наполовину пустых пачек хлопьев, несколько банок супа, овощей в банках, соус для пасты и пачку печенья. Было уже лучше, ведь на борту была еда. Никто не говорил, что мы не сможем возвращаться на борт.

Я схватила печенье и открыла пачку. Вряд ли Зак вспомнит об этом, и это лучше, чем съесть припасы на выходные. Я сунула печенье в рот и пошла к столу.

Я уловила краем глаза движение и застыла. Я медленно повернула голову к стене. Рука была за стеклом иллюминатора. Рука тянулась из глубин.

Я завизжала, уронила пачку и побежала к лестнице, спешно взлетая по ступенькам.

Я упала на палубу, расцарапала колени о шершавую поверхность, схватилась за штурвал и встала за ним, словно он мог меня защитить.

Декс закончил раскладывать вещи на пляже и пошел к лодке. Я не знала, слышал ли он мой крик, не было на то похоже. Я посмотрела на каюту и успокоила себя. Каюты не были страшными. Рука была снаружи. Кто-то был в воде и хотел забраться на борт.

От этой мысли мне стало плохо, и теперь проблемой стало то, что я была открыта морю. Я обошла штурвал и встала по центру палубы. Я не хотела смотреть по сторонам. Я слишком боялась того, что могла там увидеть.

Я ждала, не шевелясь, прижав ладонь к груди, и старалась услышать что-то кроме шума крови в голове и приятного рева мотора лодки, плывущей ко мне.

Решено. Ночевать я тут одна не буду.

Через минуту Декс вернулся на борт. Он поправил канат и странно посмотрел на меня.

— Ты в порядке? — спросил он, подходя ко мне. — Выглядишь так, словно ты увидела...

Он не закончил предложение.

— Можешь, пожалуйста, посмотреть по бокам судна? — пропищала я. — Особенно, слева.

Он растерялся, но послушался. Он посмотрел слева.

— Что я должен увидеть?

— Там никого нет?

— Нет, — медленно сказал он. Он проверил и с другой стороны. — И тут никого и ничего.

Он остановился передо мной и скрестил руки.

— Что это было? Увидела еще одно лицо?

Я видела, что поддерживать он не собирался, что бы я ни сказала.

— Нет, не лицо. Но ночевать я тут точно не буду.

Он криво улыбнулся.

— Решила, что без меня тебе будет одиноко?

— Типа того, — ответила я.

В его глазах возникло подозрение. Я не знала, судил ли он мое состояние, но он промолчал. Если бы все было наоборот, я бы замучила его вопросами, тут мы были разными. Но я и не сидела на лекарствах.

Он оставил это так, и я решила не спорить. Может, мне показалась рука. Может, это была чайка, или что-то еще пролетело мимо.

Мы спустились, и я тут же посмотрела на окошко. Он был прав, там ничего не было. Уже не было.

Но я не могла выбросить картинку из головы. Я знала, что видела руку. Видела ясно. Она была зеленовато-белой, распухшей и покрытой струпьями. Ладонь была раскрыта и прижата к стеклу, запястье и рука вели вниз, вели к... телу.

Декс собрал оставшиеся вещи. Я должна была помогать, но думала не о том. Я подошла к иллюминатору с сердцем в горле и пригляделась. Я поворачивала голову, старалась поймать свет. А потом заметила. Очень слабый след на стекле, словно половина отпечатка ладони. Я видела линии, что были на ладони. Но след быстро исчезал.

— Посмотри, — приказала я, не было времени просить и объяснять. Декс тут же подошел, его голова оказалась рядом с моей, от него пахло сигаретами и гелем после бритья. Я указала на след на стекле, стараясь не касаться его. Хотя отпечаток все равно был на другой стороне. — Смотри, — прошептала я и взглянула на него, чтобы убедиться, что он тоже это видит. Отпечаток исчезал у нас на глазах. Его взгляд был пристальным. Он увидел след.

— Похоже на след от масла или пара, — сказал он. — Что это?

— Отпечаток руки, — удивленно сказала я.

Он нахмурился. След уже пропал.

— Уверена? Я коснулся судна?

— Нет, не ты. Пока ты был на берегу, я увидела у стекла руку на другой стороне, вот так, — я показала своей рукой. Когда я подняла ее, то тоже оставила след, но целый.

— Ты видела руку? — теперь уже удивлялся он.

— Да, — прошипела я. — Но не сказала, потому что ты не поверил бы мне, а потом ты сказал, что ничего не увидел, и я стала сомневаться. Но вот след.

— Был след, — исправил он. Он потер подбородок, мы смотрели, как исчезает мой отпечаток, это происходило намного быстрее, чем у того следа. Я молилась, чтобы он поверил мне. Я не сошла с ума и не выдумывала. Он видел доказательство.

— Не знаю, был ли это отпечаток руки, — сказал он и настороженно посмотрел на меня, словно боялся, что я его ударю. Он был прав, но я решила сдержать порыв гнева.

— Это был отпечаток ладони, — процедила я. — Там можно было по линиям читать. Что за призраки оставляют отпечатки?

— Тот же, что оставлял след... — он вытянул руку и провел пальцем по моей шее, — здесь.

Я поежилась. Отчасти из-за того, что вспомнила, что старик Родди оставил синяки на моей шее, отчасти из-за его нежного прикосновения. А еще у него был серьезный, почти соблазняющий взгляд, пока он смотрел на мою шею, как у голодного вампира.

— И что нам делать? — прошептала я, стараясь не разрушить момент.

Он встретился со мной взглядом. Я не знала, о чем думал ли он о призраках. Я думала о нем, проводящем языком по моей шее. Может, он тоже об этом думал. Странное напряжение появилось во мне и разливалось в воздухе.

— Продолжим начатое, — сказал он тихо и мрачно. — И постараемся все снять.

Он еще несколько ударов сердца смотрел мне в глаза, а потом выпрямился и принялся собирать вещи. Я посмотрела на стекло, чувствуя, как рассеивается напряжение.

— Ты же мне веришь? — спросила я, подходя к нему и закинув свой рюкзак на спину. Скажи, что веришь.

— Да, малыш. Если ты говоришь, что это отпечаток руки, то так и есть.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Конечно, было бы лучше, чтобы и я его видел, или чтобы ты его сняла, но мы только попали сюда, и я посчитаю это знаком того, что грядет. Уверен, это лишь начало.

Он забрал почти все свои вещи, махнул мне взять сумку-холодильник и сумку с оборудованием для призраков и пошел по лестнице. Его слова не радовали. Только начало. Мы еще даже на остров не попали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:

Думаю, когда ожидаешь худшего, всегда удивляет, что все прошло гладко. Я ожидала, что какая-то душа мертвого появится среди волн, перевернет лодку, на которой мы с Дексом плыли к берегу, или мы наткнемся на скрытые камни и песок (и нас утащит та... рука).

Но этого не было. Мы прибыли невредимыми, разгрузили вещи, втащили лодку на каменистый пляж, пока она не оказалась далеко от волн. Декс даже привязал ее к дереву.

То, что нам пришлось нести столько вещей полчаса по острову, тоже отвлекло меня от опасностей, что могли тут быть. Я несла рюкзак на спине, спальный мешок под одной рукой, сумку-холодильник под другой, чехол камеры и сумку с оборудованием от призраков, свисающие с плеч, и в руке была лампа для съемки. Вес был ужасным, было сложно идти по камням.

Дексу было не лучше, но ему удавалось нести все так, будто он был перегруженным сексуальным мулом. И он как-то смог вытащить камеру из старого чехла.

Он сунул ее в мою свободную руку.

— Снимай наш путь, — сказал он. Я посмотрела вниз. Я не видела таких годами, но это была винтажная камера Супер 8. Нести ее было не сложно (она по форме напоминала пистолет), но все же было тяжело. Если я упаду, а это было вероятно, камера точно сломается.

— Хорошо, — медленно сказала я.

Он включил камеру.

— Но не снимай все подряд. У тебя есть три минуты и двадцать секунд, а потом придется заряжать ее, а у нас нет времени. И вряд ли есть терпение.

Я хотела спросить, почему не снимет он, но у него были заняты руки. Он не давал выбора.

Декс шел по лесу, а я — за ним. Мы прошли кусты, не особо спеша, и вышли на узкую тропу, что вела дальше.

Мы шли по ней в тишине, слушали, как кричат вдали вороны, хрустят сухие листья и обломки веток под нашими ногами, как шумят волны, накатывая на берег, касаясь гальки. Среди деревьев я порой замечала, что «Мэри вопреки» еще ждет нас. Но я все равно переживала, хоть судно и было привязано. А если мы вернемся туда завтра, чтобы зарядить телефоны, а судна не будет? Мне было страшно даже думать об этом.

Мы шли несколько минут, и среди леса появилась едва заметная тропа, отмеченная красными и белыми пластиковыми дисками на дереве.

— Прямо или повернем? — спросила я у Декса на развилке. — Это хоть нужна тропа?

Он указал на юг, куда вела наша тропа.

— Если пойдем еще немного на юг, будет видно развалины дома смотрителя.

Звучало жутко.

— Ох, лучше мы вернемся туда потом. Давай уже донесем этот груз.

Он кивнул, и мы пошли вглубь острова. Тропа была не такой чистой, как та, что огибала остров, мы перешагивали корни и разросшийся папоротник, и мне становилось все неудобнее. Порой тропу не было видно, особенно, когда деревья расступались. Декс замечал диски на деревьях, чтобы мы шли в нужную сторону.

И когда мы добрались до небольшой поляны, я попросила Декса остановиться. Плечи болели, сумка-холодильник медленно сползала из-под руки.

Стоило выбрать место получше. Деревья вокруг были мертвыми, покрытыми старым мхом, и с веток ниспадали его нити, покрытые каплями. Они напоминали сторбленных людей, покрытых слизью, застывших позах, полных боли.

И когда Декс сказал:

— Уверена, что хочешь остановиться? Лагерь уже близко, — я услышала в его голосе больше страха, чем раздражения, что я замедляю нас.

Я постаралась осторожно опустить сумку-холодильник, а потом сняла рюкзак. Но даже без этого веса я чувствовала себя изломанной, как эти деревья.

Декс увидел боль на моем лице и сдался. Он снял свою сумку и опустил все остальное на землю. Он подошел ко мне и достал из сумки-холодильника бутылку воды для меня.

— Спасибо, — сказала я и сделала глоток.

— Плечи болят? — спросил он.

Я кивнула. Он встал за мной, положил сильные ладони на мои плечи и начал очень медленно массажировать их. Эта боль была приятной.

— Ты еще и на занятия по массажу ходил? — спросила я, стараясь не показывать ему, как мне это нравится.

Он отрицательно фыркнул. Я ждала, что он расскажет, что делал массажи Джен, но он не стал. Я была рада. Это было бы лишним. Мне нравилось жить в своем выдуманном мире, где упоминания о Джен были неуместными. Хотя чаще я сама о ней вспоминала.

Декс продолжал делать массаж, но внимание его было где-то еще. Если бы мы были в другом месте, я бы обиделась. Но я чувствовала, что он разглядывает темный сырой лес вокруг нас. Мне начало становиться не по себе, и это не было связано с массажем или Джен.

— Что такое? — спросила я.

— Не знаю. Здесь мне не нравится.

— Мне вообще здесь не нравится, — призналась я. Но такие слова Декса мног

значили. Он медленно остановил руки. Мы задержали дыхание. Здесь было что-то странное. Ощущение в воздухе, будто разросшийся мох давил на атмосферу.

Мы слышали сзади хруст.

Мы обернулись, тело заболело от резкого движения, и я увидела семейство енотов, выглядывающих из-за гнилого пня.

У нас было много енотов в наших краях, бывали они и возле дома родителей. Но проще мне не становилось.

Там было два малыша и четыре взрослых. Они остановились в пяти футах от нас, и хотя мы были крупнее, я чувствовала себя так, словно в бою мы их не победим.

Они были бы милыми, будь они за оградой с их лапками, похожими на руки, черными глазами и носиками. Но здесь они казались хищниками, желающими напасть. Я надеялась, что сталкиваться с животными после Рэд Фокса не придется.

Еноты издали смешные звуки, некоторые привстали, чтобы рассмотреть нас. Или унизить взглядом. Они постояли так немного, не двигаясь. Они не мешали нам идти, но собирать вещи при них не казалось умной идеей.

— Снимай, — тихо сказал Декс уголком губ. Я посмотрела на камеру, что была рядом с моим рюкзаком.

— Ох...

— Снимай, — прошипел он.

Я смотрела на енотов, пока двигалась к рюкзаку, осторожно переставляя ноги, не желая спугнуть их. И когда я подняла камеру и осмотрела рюкзак, я поняла, что у нас не было с собой оружия. Насколько я знала, у нас не было пистолетов, перцовых баллончиков, и ничего крупнее кухонного ножа. Даже бита была бы хорошим вариантом.

Я схватила камеру и нажала кнопку. Я не знала, что снимать, но направила ее на енотов и услышала, как внутри крутится пленка. Я знала, что она быстро кончится.

— Мы снимем их, а потом? — тихо спросила я. — Еще поснимаем природу?

— Возможно, — прошептал он, глядя на них.

Ближайший и крупнейший енот открыл пасть, оскалил губы, глаза его побелели, и он зашипел на нас. Звук был громким, странным, словно скрежет ногтей по доске смешали с рычанием. Он шагнул ближе, а я инстинктивно отпрянула.

— Или это будет часть, когда все пошло не так, — быстро прошептал он. Я снимала, но не знала, что делать дальше. Я посмотрела на Декса. Он был в куртке, под которой была толстовка, длинные штаны и ботинки добавляли защиты. Если енот прыгнет на него, ткань он сразу прокусить не сможет, а я была уверена, что начну отбиваться от зверя камерой.

Но тут все еноты, и малыши, начали шипеть. Мы смотрели на шесть открытых пастей с острыми белыми зубами и черными деснами. Шум ужасал.

Я уже хотела или намочить штаны, или бросить камеру в лес для отвлечения, но они, так же резко как появились, упали на четвереньки и ушли в лес. Они напоминали стаю собак, которых хозяин позвал домой.

Я нажала на кнопку и выдохнула с облегчением.

— Что это было?

Декс был растерян.

— Думаю, они не привыкли, что к ним заходят люди. Это могла быть их территория.

— Так пусть и остаются с ней, — сказала я и быстро собрала вещи. Я хотела убраться отсюда, плевать на боль.

Декс повторил за мной, и через несколько минут мы покинули то место, ноги двигались быстрее, чем раньше.

Десять минут спустя мы забыли о давлении, чаща сменилась зелеными кустами высотой до пояса, что не мешало смотреть на воду и пляж. Хотя я и тут не чувствовала себя уютно, это место было светлее, а следы лагеря успокаивали. Я даже обрадовалась табличке туалета.

Деревья вокруг этого места были голыми снизу, их ветки начинались на высоте, и потому на земле можно было устроить лагерь. Судя по ветерку, что доносился с воды, дело было в прибрежной погоде.

Мы шли по тропе, что провела нас мимо семи лагерей, каждый был отмечен участком гравия и столом для пикника, и остановились среди сухой травы по колено, что вела к широкому изгибу пляжа. За водой виднелся маленький островок Дарси, и южнее — камни. Все это могло стать красивой открыткой.

К моему облегчению, на маленьком острове виднелся большой дом среди деревьев. Такой дом мог быть только у богача.

— Думаешь, там кто-то живет? — с надеждой спросила я. Хотя я знала, что полоска океана между островами была бурной, ее не вышло бы переплыть, но было приятно знать, что помощь была близко.

Но Декс покачал головой и пошел к лагерям.

— Вряд ли. Не сейчас. Может, летом.

Расстроившись, я мысленно вздохнула и пошла за ним. Мы выбрали место ближе к пляжу. Отсюда открывался лучший вид, и я была рада быть подальше от леса. Проблемой было то, что если погода изменится, наша палатка пострадает сильнее всего. Но пока все было хорошо, и мы решили не думать об этом до поры.

Было приятно снять рюкзаки, но не было времени расслабляться. Быстрый взгляд на телефон показал, что уже было два часа дня, где-то через два часа начнет садиться солнце. Я быстро написала Аде и папе, чтобы они знали, что я в порядке и добралась (им не нужно было знать о сложностях). А потом мы быстро занялись палаткой.

Я не помнила, когда я последний раз была в лагере, но Декс не мешал. И это была его палатка. Я помогала, как могла, придерживала колышки, натягивала веревки. А он еще натянул над палаткой широкий брезент, привязав к ближайшим деревьям, чтобы укрыть нас от дождя.

— Хорошая работа, сэр, — сказала я, восхищаясь, когда он закончил.

Он отряхнул руки о штаны и напряженно улыбнулся.

Я склонилась и прошла в палатку. Она была рассчитана на четверых, так что места было много, я даже могла встать, хоть и с согнутой под странным углом шеей. Мы уложили на дно большие матрасы, поверх устроили спальные мешки и подушки. Я заняла правую сторону и опустила там свой рюкзак, вытащила книги и другие вещи, которые не хотелось бы искать позже.

Декс указал на книги.

— Лучше подготовь текст. У нас мало времени, если мы хотим поснимать до захода солнца.

— Что поснимать? — спросила я, замерев. Почему-то мне не хотелось ничего снимать сегодня, но, как я и говорила, выбора он не давал.

— Вступление, сама знаешь. Там есть зеленый холм с видом на пляж. Идеальное место. Ты подготовь текст, я — все остальное. А потом снимем, вернемся и подумаем, чем

поужинать.

Ужин радовал. Печенье меня едва насытило. Я схватила книги, блокнот и ручку и вышла из палатки. Ему нужно было время наедине, чтобы собраться. Может, он хотел бы поговорить по телефону с Джен. Я смотрела на пляж, на сухие красноватые бревна неподалеку. Это место пугало не так сильно, можно было работать.

Я прошла чуть дальше на пляж, чем планировала. Я выбирала для себя бревно, и это напоминало примерку нижнего белья. На одном бревне был птичий помет, другое оказалось неудобным и маленьким. Но я все же нашла для себя широкое бревно и устроилась на нем.

Я была в конце пляжа, отсюда открывался отличный вид на наш синий брезент среди деревьев и кустов, холм, о котором говорил Декс, и маленький Дарси тоже были близко. Чайки летали в небе, порой кричали, остальные птицы парили среди волн.

Я не знала, с чего начать чтение, что стоит внести во вступление, но я вскоре снова ощутила страх. Оказалось, что прокаженные жили там, где теперь был лагерь, и они хоронили умерших, где придется. Они могли не оставлять метки, кроме нескольких камней или грудки земли. Я уже видела несколько похожих точек вокруг палатки, и от этого спина стала ледяной.

Я ерзала на бревне, вдруг испугавшись, что сижу спиной к темным кустам, хотелось убежать. Я знала, читая, что их хоронили здесь, но понимала, что для этого могло больше подходить то место со мхом. Оно больше походило на кладбище. А не место, где была я, где мы собирались ночевать, где бывали другие люди. От мысли, что под очередным подозрительным камнем будет гниющее тело...

Я сильно задрожала.

Не нужно было читать больше. Мне не нужно было ничего писать. История этого места уже проникла в меня. Я хотела просто наслаждаться видом пляжа, блестящих волн, открытым местом, пока солнце удлиняло тени. Красота острова Дарси обманывала.

Я закрыла книги и смотрела на природу. Я провела так несколько минут, а потом ощутила укол в голове. Лучше полазить в Интернете, чем так отвлекаться. Я вытащила телефон и заметила, что половины батареи уже не было, и связи не было вообще. Ох.

Я открыла браузер, и загрузка кружилась, казалось, вечность, пока не появилась страница. Связь появилась на миг и снова исчезла. Остаться на связи здесь будет сложно. Но когда все было просто?

Я все же смогла проверить Твиттер и Фейсбук. Там не было ничего интересного. Я все еще не разобралась с Твиттером, так что у меня было мало подписчиков, но порой кто-то «твитил» мне, говорил кто-то хорошее о шоу. Сегодня кто-то сказал, что им нравится концепция шоу, спрашивали, где мы будем дальше. Я ответила, что нужно подождать, и они все увидят. Мы с Дексом решили не давать прямых ответов, чтобы держать людей в напряжении, это Декс умел.

Было приятно, что плохих комментариев в Твиттере не было (пока). Наверное, это приберегли для знаменитых людей, ведь аккаунты в Твиттере не всегда были анонимными. Можно было найти его владельца, как и можно было заблокировать людей в Твиттере. Один щелчок, и больше ты их не видишь.

Блог, конечно, был другим делом. Каждый плохой комментарий оставлял аноним, там не было имени или электронной почты. Я подозревала, что их можно было вычислить по IP-адресу, но это было сложно, пришлось бы привлечь Декса. Я знала, что если попрошу его, он откажется и отругает меня за то, что я думаю о чужом мнении.

Я ничего не могла поделать. Каждый раз, когда я думала, что нужно проверить блог, я нервничала так, что мне становилось плохо. Я хотела понять, когда это прекратится, ради чего они это пишет. Но комментарии приходили на почту, это не помогало. Даже если я не заглядывала в блог, мне приходилось проверять почту, а там они ждали меня.

Как и в этот раз. Не сказать, чтобы я получала много писем, но порой писал кузен Джонас из Швеции, порой приглашали на концерты, порой я связывалась с подругой Джеммой из Юджина. Честно, писем было не столько, чтобы постоянно проверять, но порой я проверяла. И комментариев было больше, чем писем.

Браузер медленно загружал мою почту, я увидела четыре сообщения из блога. Три были с именами, значит, они были добрыми или спамом. Я всегда проверяла их последними, чтобы поднять настроение. Последнее сообщение было анонимным.

Мне снова стало не по себе, сердце громко билось в груди. Этот страх отличался от того, что я ощущала на острове. Этот страх расстраивал, и это было смешно. Это лишь слова, глупые слова от людей, которых я не знала. Это не должно пугать так, как остров с призраками. Но все было именно так.

Я глубоко вдохнула и нажала. Я закрыла глаза, пока письмо грузилось, и ждала. Зато мой страх перед островом отступил.

Я медленно открыла глаза и посмотрела на экран. Комментарий был коротким: «По твоему лицу вижу, что ты ничего в жизни не достигла. Печально, это твой максимум. Хорошо, что ты слишком толстая, чтобы у тебя было эго».

Ай. Чертов ай.

Слезы обжигали глаза. Дело было не в «толстой», к этому я привыкла, и это не удивило бы ту, что знала о своей проблеме. Дело было в другом. Слова были близки к правде. Только этого я и достигла. Они были правы. Это было печально.

— Что ты творишь?

Я подняла голову и увидела Декса, несущегося ко мне, словно поезд, галька отлетала от него. Я погрузилась в себя настолько, что не услышала его шагов. Он остановился передо мной, увидел телефон и выхватил из моих рук.

— Эй! — завопила я.

Он смотрел на телефон, прочитал с отвращением письмо.

— Еще комментарий? Ладно. Только и могут, что писать про вес.

Он спрятал мой телефон в свой карман, качая головой.

— Я дал простое задание: прочитать чертовы книги и составить себе сценарий, но ты начала проверять блог. Тебе нравится терзать себя?

Если до этого я не заплакала, то теперь была близка к этому. Жар в глазах стал сильнее. Но я не могла плакать перед ним из-за этого. И я сменила слезы на гнев и с силой посмотрела на него.

— Я могу проверять все, что хочу, особенно, на своем телефоне.

— Но не на работе.

— О, Декс, это стало твоим делом? Какая тебе разница? Не верю, что тебя волнует мое состояние.

— Это мое дело. Я должен присматривать за тобой, а это сложно, когда ты так себя ведешь.

— Вот так ты обо мне думаешь, да?

Он громко вздохнул и закатил глаза. Он опустился рядом со мной на бревно, уткнулся

локтями в колени и сцепил пальцы.

— Я скажу лишь раз, малыш, — медленно сказал он, голос был уставшим и с отцовскими нотками. — Думаю, себя ты знаешь.

Это было чем-то новым. Он увидел скептицизм на моем лице.

— Да, все, что я говорил прошлой ночью о... тебе было правдой.

Ох. Зачем говорить об этом сейчас? Бабочки в груди зашевелились. Им не нужно было давать повод.

— Но важно не то, что думаю я. Важно, что думаешь ты. Что думаешь о себе. Тебя все это задевает, иначе ты бы не проверяла блог, не расстраивалась из-за этого.

— Я не расстраиваюсь, — сказала я и открыла глаза шире.

Он печально улыбнулся.

— Ты выглядела жалко, когда я подошел. Может, ты думаешь, что можешь спрятать такой взгляд. Но ты не умеешь.

— Уж прости, что я не так хорошо играю.

— Этому учатся. И тебе нужно научиться не поддаваться этим словам. Думают это незнакомцы в Интернете или твои одноклассники, или же родители, важно лишь твое мнение о себе.

— Хочешь сказать, что мне и тебя не стоит сейчас слушать?

— Так просто с этим не справиться. И я просто не отдам тебе телефон.

Я потрясенно уставилась на него. Он шутил, но взгляд говорил об обратном.

— Ты конфискуешь мой телефон?!

Он поднялся.

— Пока что. Все готово к съемке. Я установил камеру на треногу, свет идеален. Нужно снимать, и ты мне нужна. Ты нужна мне там, готовая рассказать историю острова.

Я едва его слушала. Я смотрела на воду, ритмичное движение волн было приятнее, чем вид Декса, нависшего надо мной с дурацким мрачным видом. Порой мне казалось, что мы равны, а порой было странно попадать в ситуацию «учитель-ученик». Или «доктор-пациент», как было сейчас.

— О, теперь ты злишься, — сказал он с насмешкой, вытащил сигарету и зажег.

Я не смотрела на его лицо, дышала сквозь зубы. Идиот. Хотелось взять камень и бросить в него. Гнев во мне был достаточно сильным, чтобы я испугалась, что сделаю это. Он дрогнул, словно ощущал энергию, бьющую об него невидимой волной.

Но я лишь поднялась на ноги, схватила книги и пошла к травянистому холму. Ноги неловко скользили на камнях по пути.

— Куда ты? — спросил он.

Я не ответила. Это было очевидно. Я видела готовую камеру на холме, нужна была только я. Нужно с этим закончить. Я была не в настроении для съемки, но я могла сыграть.

Я быстро остановилась в палатке. Я закрыла за собой дверь на молнию, чтобы он понял, что за мной лезть не нужно, и попыталась подготовить себя к съемке.

Я переоделась в блузку с длинными рукавами и нанесла вишневый яркий блеск. Не так я выглядела перед камерой, но, знаете, мне было плевать. Я хотела показать, что заслужила быть там. Я знала, что в этой блузке моя грудь выглядит отлично. Джен показывала свой верх в «Крохах с вином», но она бы проиграла мне, а яркий блеск подходил моему цвету кожи и волос. Мне было плевать, что я замерзну, я была профессионалом, так и нужно себя вести.

Я решила оставить черные джинсы и ботинки, нанесла тушь. Я была готова.

Я вышла из палатки и тут же ощутила удар холодного ветра.

Думать о деле. Я вдруг пожалела, что не надела лифчик плотнее. О, за меня будет работать освещение. Заставляя зубы стучать тише, я пошла к холму по тропе, где Декс возился с настройками камеры.

Холм был покрыт травой, местами были груды камней. Я не позволяла себе думать, были ли там могилы. Вид был прекрасным, особенно, в угасающем солнце. Пляж изгибался справа, а слева был каменистый берег и небольшой пляж. Напротив виднелся маленький Дарси и одинокий дом.

— О боже, — выдохнул Декс. Он оторвался от камеры и пялился на меня. Не восхищался, но был удивлен.

— Что-то не так? — спросила я, скрестив руки. Так вырез выглядел еще эффектнее. Но, клянусь, я делала так от злости.

— Ох, — он моргал и пытался сосредоточиться.

— Типичный парень, — отметила я, качая головой.

Он издал смешок, но смотрел на мою грудь.

— Да, есть такое. Прости. Я... ты просто меня удивила... обычно ты не... Тебе не холодно?

Я пожала плечами.

— Я в порядке. Так мы снимаем? А то темнеет, мы тратим время.

Он замешкался. Он не привык, что приказываю я.

— Ладно, — быстро сказал он. — Начнем. Отойди чуть вправо и назад, чтобы не, кхм, занимать камеру.

Я послушалась, расправила плечи и попыталась успокоить нервы. Я должна выглядеть уверенно, но я этого не чувствовала. Придется все играть. Я покажу всем, какой я профессионал.

Декс прислонил отражатель к камню (могиле?) и проверил камеру.

— И, — сказал он и указал на меня, — начали.

Я глубоко вдохнула, подготовила себя и начала описывать историю острова, драматически рассказывая о жизни прокаженных. Я не знала, откуда все шло. Я отмечала раньше ключевые точки, чтобы придерживаться их в рассказе, но описание прокаженных появилось из ниоткуда.

Когда я закончила, колени дрожали от нервов (и холода), и я задыхалась, ведь старалась звучать четко и уверенно.

— Все, — сказал Декс медленно и не очень уверенно. Он поднял голову, но не был впечатлен, как я хотела. Он был растерян. — И что это было? Точнее, кто это был?

Я была обижена. Я думала, что круто поработала, а я редко так думала о себе.

— Я пыталась выглядеть как профессионал.

— Ага, и ты была, малыш. Была. Но люди любят тебя не за это. Так может нынче любой. Прикрути важность. Это была не ты.

— Декс, это была я. Я была профессионалом, и люди хотят этого.

— Нет. Они хотят, чтобы ты была собой. Они хотят видеть тебя.

— Я дура. Я почти все время не знаю, что делаю.

Он отошел от камеры и шагнул ко мне.

— Знаю. Но это делает тебя... очаровательной. Потому ты делаешь это со мной.

Я вздохнула, уверенность покинула меня. Я попыталась измениться, и провалилась.

— Слушай, — сказал он и оказался передо мной. Он убрал прядь волос мне за ухо. Я вздрогнула от его прикосновения. Ничего не могла с собой поделаться. Нервы были не в порядке. — Потому я не хочу, чтобы ты читала эти комментарии. Я знаю, что там говорят. Но это мнение нескольких людей, а то и кого-то одного. Это лишь засранцы, что не знают, о чем говорят. А все остальные, включая Джимми, хотят видеть тебя. Тебя, Перри Паломино. И потому нам придется снять все еще раз.

— Издеваешься? — закричала я. Хотелось его побить.

Он склонил голову.

— Нужно переснять. Информация хороша, мне понравилось, как ты описала прокаженных и все. Это идеально. Но, детка.

Детка? Он взял меня за плечи и встряхнул, от чего подпрыгнула моя грудь. Он старался, но безуспешно, не замечать.

— Расслабься. Не думай о них. Веселись. Я знаю, что ты смешная. Пусть это видят все.

Хотя мне было приятно, что он был так близко, держал меня за плечи цепкой хваткой, мне пришлось сказать:

— Мы все еще снимаем о призраках, да? Это не «Одичавшие девчонки».

— Эй, ты сама надела эту блузку, — оскалился он и пошел к камере. — Здесь лишь мы с тобой. Расскажи мне об острове. В первый раз я едва слушал. Я, кхм, отвлекался. Расскажи что знаешь, и можешь идти.

И я притворилась, что Декс ничего не слышал, и описала все так, словно меня слушал только он. Он задавал вопросы, я отвечала, все было просто.

Когда я закончила, Декс широко и радостно улыбнулся, что было редкостью.

— Видишь, насколько лучше стало! Ты сама почувствовала?

Нет, но я была расслаблена. Я пару раз сбилась, хоть говорила с Дексом.

Он видел, что я не убеждена.

— Это было гораздо лучше. И все. Эта часть закончена, нам не нужно беспокоиться о ней, и мы успели вовремя. Смотри на этот закат.

Я обернулась и увидела, как золотое солнце спускается к горизонту, где грузовое судно вдали казалось силуэтом подводной лодки. Мои руки и грудь стали золотыми. И вдруг мне стало невероятно холодно. Адреналин от съемки прошел, и мурашки побежали по коже.

Я задрожала и побежала к палатке.

— Пришло время свитера, — сказала я со стучащими зубами.

— О, не нужно уже скромничать, — крикнул вдогонку Декс.

Я надела кофту с «Фу Манчу» и желтый плащ, а потом помогла Дексу убрать оборудование дотемна. Мы взяли фонари и лампы и начали устраиваться на ужин за столом для пикника, примыкающим к палатке. Я подогрела нам две банки равиоли (да, шикарный ужин), пока Декс закреплял кусок брезента над столом. Дождь пока идти не собирался, но будет хорошо, если потом у нас будет сухое место.

Когда брезент был закреплен, а мы приготовили все для ночи, было уже темно. Мы сидели напротив друг друга за столом и раскладывали ужин в бумажные миски. Фонарь стоял в конце стола, нам хватало света (он был даже романтичным). Камера Супер 8 и камера с ночным видением стояли рядом с Дексом на скамейке, книги и тяжелый фонарь были с моей стороны. Но мы не собирались идти смотреть остров ночью, и это меня радовало.

Но никто не знал, что придет посмотреть на нас.

— На острове же нет медведей? — спросила я. Не должно было, остров был маленьким для них, и я не читала про это, но я понимала, что это нужно уточнить, ведь у нас была еда. Хотя бы запах еды. Я быстро доела равиоли.

Декс покачал головой, мы опустили пустые миски в мешок с мусором.

— Нет, но стоит помнить о тех енотах. Я оставлю еду и мусор подальше от палатки, если они придут к нам ночью.

Мне не нравилось, что они могут быть где-то в лесу, ждать, пока мы уснем. Вокруг нас была только тьма. Мне было не по себе, ведь не было понятно, что ждало нас там.

Я поежилась и заметила, что Декс смотрит на меня.

— Что? — спросила я.

— Ты в порядке? — сказал он.

— Ага. Да, просто здесь ночью жутко, — это я еще преуменьшала. Плохое предчувствие, что было у меня, когда «Мэри вопреки» подплывала к острову, вернулось и покалывало меня в разных местах. Разум хотел думать о могилах, поверх которых мы могли сидеть. Хотел думать о гробах, что привозили. О руке, что появится сзади и...

Я резко обернулась, уверенная, что что-то приближается. Но были лишь кусты и озаренные светом деревья.

Я повернулась к Дексу с улыбкой.

— Я присмотрю, — сказал он, склонился и выудил что-то из сумки-холодильника, что стоял на земле за ним. — Я сообщу, если что-то придет за тобой.

Он вытащил бутылку «Jack Daniels», что он купил в дьюти-фри, и торжественно поставил на середину стола.

— Думаю, это поможет нам пережить ночь.

— Мне понадобится вся бутылка, — пошутила я.

— Посмотрим. Половину точно можешь выпить, — он открыл бутылку и сделал глоток, скривился и передал мне.

— Без стаканов? — спросила я, забрав бутылку и настороженно глядя на него. Янтарная жидкость красиво блестела, но я знала, что она не так безобидна.

— Мы же теперь дикари, — сказал он и кивнул на бутылку. — Давай. Ты должна быть пьяной.

Я прищурилась. Он вскинул брови, будто заигрывал. Черт, я никогда не знала, шутит он или нет.

Я вздохнула, закрыла глаза и глотнула. Загорелись потрескавшиеся губы, а потом горло, но жидкость все же не вышла обратно. Отдаленный вкус бурбона вызывал в памяти, как мы пили его с колой прошлой ночью. Блин.

Когда жидкость добралась до моего желудка и согрела меня, Декс сделал еще один глоток.

— А с твоими лекарствами можно смешивать алкоголь?

Он замер. Я едва осознавала, что мой вопрос мог быть слишком личным. Но он пожал плечами и сделал еще один глоток.

— Они все одинаковые. Я уже привык.

Наступила моя очередь пить. Я забрала у него бутылку, наши пальцы соприкоснулись. Это был один из тех случаев, когда я бы не заметила этого, будь на его месте другой человек. Но я уже начинала чувствовать это. И это было плохим знаком.

— Может, вся бутылка и не потребуется.

— Что хочешь, лишь бы тебе было хорошо.

— Хорошо мне будет очень скоро, — я сделала еще глоток, но в этот раз поменьше.

Жгло уже меньше. Я будто парила, тени вокруг меня танцевали, но не угрожали. Жар в животе растекался по нервам, пока не укутал мозг теплым одеялом. — Вот бы включить музыку, — лениво сказала я, передав ему бутылку.

— У меня есть телефоны, — сказал он.

Верно. Мой телефон все еще был у него.

— И мне можно получить его? — спросила я, злясь. Я положила ладонь на стол. Он обхватил мою руку. Заряд электричества, который точно чувствовала только я, от его пальцев полетел к моим. И я снова разрывалась между бабочками, летающими во мне, и желанием вернуть телефон. Хотя сейчас я была готова просто держать его за руку. Я все же девушка.

— Нет еще, — сказал он, не отпуская. Его ладонь была теплой, несмотря на холод.

— А если мне напишет сестра? — не сдавалась я. — Или родители? Они будут волноваться.

— О, твоя сестра уже писала, и сказал, что ты в порядке, — бодро ответил он. — Она согласилась с решением лишить тебя Интернета.

Мое сердце замерло.

— Ч-что? — пролепетала я. — Что... ты не мог читать мои сообщения, это личное! Боги, что там было? Нет, не говори, — я начала вспоминать все сообщения, что получила за сутки. Я была в ужасе от мысли, что он прочитал их. Моя гордость медленно умирала.

Он сжал мою ладонь и улыбнулся.

— Видела бы ты сейчас свое лицо.

— Что?

Он отпустил мою руку и спокойно потянулся за бутылкой.

— Ты такая доверчивая. И так легко доверяешь мне, — пропел он невероятным баритоном и сделал глоток.

— Шутишь?

Он вытер губы рукой.

— Ты подумала, что я стал бы читать твои сообщения? Ого, Перри. Должен сказать, что это... обидно. Очень.

Я видела, что ему не обидно, и он знал, почему меня не удивило бы то, что он прочитал бы сообщения.

— Ладно, забыли, — я забрала у него бутылку и сделала глоток. В этот раз сгорело все раздражение, из-за которого я хмурилась.

— Так-то лучше. Хотя мне было бы интересно посмотреть, что за сообщения ты получаешь. Обсуждаешь меня? Надеюсь, ничего плохого. Ты можешь быть жестокой.

— Заткнись, — отмахнулась я. — Просто включи на своем телефоне музыку.

— Сделано, — он вытащил телефон из кармана и положил на стол. Он быстро водил пальцем по экрану, пока не включил «Queens of the Stone Age». Песня была достаточно энергичной, чтобы пробиться через опьянение, но не пугала. Хотя сейчас я не боялась, я была приятно пьяной. Декс был прав, это меня излечило.

Мы говорили немного о музыке, нормальная тема для нас, ведь нас вкусы были схожими, пока я не стала покачиваться. Его красивое лицо наполовину заливал свет,

наполовину скрывала тень, и я все сильнее осознавала себя, кхм, в проигрыше. Тепло было всюду, и я склонилась к столу, ловя каждое его слово. Я чувствовала себя глупым восхищающимся фанатом, но ничего поделать не могла. Я чувствовала себя игривой. Резвой. И это было очень-очень плохо.

И не только я расслабилась. Его движения стали свободнее. И он строил мне глаза (так казалось) и заигрывал сильнее обычного.

Может, это было не лучшей идеей. А, может, было лучшей идеей. Но я хотела узнать, на что способна пьяная Перри.

— Поиграем? — сказала я, после того как мы обсудили, кто лучший ударник — Дейв Ломбардо или Нил Пирт.

Он вскинул брови, нижняя губа дрогнула. Он был заинтригован.

— Ладно... во что? Покер на раздевание?

Я не знала, шутит ли он, но повела себя так, будто он серьезно.

— У тебя есть карты?

— Нет...

— Как насчет «Я никогда»?

Это была старая добрая игра, в которой приходилось делать глоток, если «никогда» было ложью. В колледже я была чемпионкой. Игра быстро становилась сексуальной, а я редко напивалась при этом. И так можно было узнать людей получше.

— Теперь ты пытаешься сделать меня пьяным... — улыбнулся он.

— Ты уже пьяный.

— И ты.

— Тогда будет интересно.

Он поджал губы и подумал. А потом сказал:

— Посмотрим. Я начну. Я никогда... не воровал в магазине.

Он не выпил. Я сделала глоток. Жгло.

— Перри! Я возмущен! — сказал он, стукнув кулаком по столу, изображая ярость.

Я не гордилась, но рассказала, как много раз воровала в старшей школе. Косметику из местной аптеки. Не потому, что нуждалась или не могла позволить, а из-за трепета. Наверное. Юная Перри творила много глупостей.

Моя очередь. Я задумалась насчет того, что можно было узнать от Декса.

— Меня никогда... не арестовывали, — сказала я.

Он не пил. Это меня удивило. Но меня арестовывали, и мне пришлось. Я сделала осторожный глоток.

Он раскрыл рот.

— Да ладно?! За что?

— За кражу! Поймали один раз. Меня арестовали, вызвали родителей... не важно.

— Что? Нельзя так заканчивать. Это серьезно. Даже меня не арестовывали.

— Знаю! Потому я и удивлена, — отметила я.

— Ого, мне нужно думать шире в игре. Ты... меня перещеголяла пока что.

Признаю, мне нравилось потрясение в его глазах. Это было так приятно.

— Твоя очередь, — сказала я.

Он подумал немного. Я заметила опасный блеск в его глазах, и он сказал:

— Хорошо. Я никогда не занимался сексом втроем.

Ого. Он был близок к теме. Конечно, у меня такого не было. У меня и секса вдвоем

почти не было. У него могло быть. Он просто хотел покрасоваться.

Но он не выпил.

— Ха, — сказала я. — Думаешь, я настолько плохая?

— Не знаю. Я не думал, что ты воруеть.

— О, ладно тебе. Ладно, я никогда не целовала парня, — я не сдержала улыбку и выпила за это. И смотрела на Декса. Я видела, как за его пьяными глазами крутятся шестеренки. И он сделал глоток.

— Серьезно? — потрясенно спросила я.

Он пожал плечами.

— Поцелуй с участником группы на сцене считается? Это был парень. Но мне не понравилось. Совсем.

Я покачала головой.

— Нет. Не считается.

— Ах, жалко. Ладно, я никогда не занимался сексом на публике.

И он тут же выпил. Я — нет. Объяснения не требовались.

Но я все же спросила:

— Где?

— Где именно?

— Ладно, забыли, — быстро сказала я, не желая представлять их с Джен в порывах страсти в общественном туалете или где-то еще. — Я никогда... не врала кому-то, что люблю.

Этот раз был сложным. Я не знала, почему сказала так, но было уже поздно.

Пауза. Он потянулся к бутылке, сделал небольшой глоток, кривясь.

Он кашлянул и сказал:

— Это было, эм, смело. Может, я расскажу об этом позже. Я никогда не купался нагишом.

Мы не пили.

— Интересно. Жаль, что тут вода холодная, — он подмигнул.

— Ха. Ладненько. Надеюсь, следующий раунд будет интереснее. Посмотрим... Мне никогда не изменяли.

Я выпалила, а потом лишь подумала, что сказала. Вопрос был стандартным, ведь такое, к сожалению, случалось в наши дни часто.

Но в Рэд Фоксе старый друг Декса Максимус рассказывал, что бывшая девушка Декса Эбби изменяла ему. Он узнал это. Они поссорились. И она умерла в ту ночь, пьяной сев за руль. По словам Максимуса, Декс ужасно долго приходил в себя. Может, все еще не пришел в себя.

Декс не знал, что Максимус рассказывал мне об этом, но моя реакция на вопрос (это было выражение лица, говорящее «черт, не стоило этого говорить») достаточно ему раскрыла. На его лице проступила боль. Почти злость. Теперь он знал.

Я быстро скрыла смятение, потянувшись к бутылке и сделав огромный глоток. Я не врала.

Враждебность и сожаление пропали из его глаз, когда он это увидел, и любопытство взяло верх. Я заметила, что он не пил. Я не винила его, ему и без того было плохо.

— Кто тебе изменил? — спросил он.

— Парень в колледже. Мейсон. Он был придурком.

— Что случилось?

Я вздохнула, стоило выпить еще, чтобы ответить. Больно не было, ведь прошло уже несколько лет, но порой чувства оказывались свежими. Я не хотела поднимать тему сейчас, когда чувствовала себя уязвимой. Декс не зря соврал.

— Ох... не знаю. Думаю, я была недостаточно привлекательна для него.

— Нет, — сказал он тихо. — Была другая причина.

— Ладно, была. Плевать. Он не так сильно меня любил. Он не хотел меня, не знаю. Он зараза, это все, что я знаю.

— И ты не искала причину?

Я удивленно посмотрела на него.

— Думаешь, я спрашивала?

— Ладно. Ладно, не злись. Это был твой вопрос.

Я расправила плечи, чтобы сбросить напряжение, и посмотрела на трепещущий свет лампы.

— Он сказал, что так вышло. Это была его напарница по учебе. У него не хватило смелости сказать, что он меня больше не любит. Он разбил мне сердце, и я никогда его не прощу. Это меня тогда сильно вывело.

Я посмотрела на Декса. Он со странным видом смотрел на лес. Может, вспоминал.

— Поиграем во что-то другое? — спросила я. — А то мы пошли по больным темам.

Декс проверил время на телефоне.

— Конечно. Хотя было весело.

Я улыбнулась ему.

— Прости. Знаю, я сама все испортила.

— Эй, все хорошо. Я узнал о тебе немного нового. Это может объяснить, почему Перри Паломино так одинока.

Могло. Но было немного странно слышать это от него.

— Я задавался вопросом, — тихо сказа он. — Я был уверен, что тебе стоит лишь показаться на концерте в Портленде, и у тебя будет очередь из парней в куртках с шипами. Я ходил давно на шоу в «Мемориал Колизеум». И я видел там многих похожих на тебя.

Правда была в том, что я редко ходила на концерты, даже если это были мои любимые группы, потому что чаще всего приходилось бы идти одной. Но я ему не сказала.

Декс вытащил из кармана пачку сигарет. Он предложил мне одну.

— Зачем мне это? — спросила я, качая головой и отодвигая пачку к нему.

— Не знаю. Мы на природе, пьем виски из бутылки, и пора всем покурить.

Он зажег сигарету, выдохнул облачко дыма в сторону. Ветерок унес дым во тьму.

— Как насчет «Правда или вызов»?

Игра была не лучше предыдущей, но здесь был вызов, и это приносило волнение или веселье. Нам нужна была свобода. Я согласилась, и мы начали.

Мы начали с вызовов, чтобы забыть поскорее «Я никогда». Я вызвала его сделать большой глоток, он вызвал меня спеть следующую песню. Я вызвала его оббежать вокруг стола, а он — сделать большой глоток и кудахтать, как курица.

И снова наступила моя очередь.

— Правда или вызов? — спросила я, упершись локтями в стол, покачиваясь.

— Вызов, — сказал он, не думая.

— Вызываю поцеловать меня, — сказала я. Не знаю, почему я сказала это. Ладно, знаю,

но все равно была удивлена, что это вырвалось из моего рта, особенно после разговора об изменах. Да и не в моем стиле было действовать так смело.

Декс тоже опешил. Он едва показал это, но я видела, что он не ожидал такого.

Хорошо. Я уже видела его удивленным моими словами, история о краже в магазине и аресте сделала свое дело.

Я следила за ним, пьяно улыбаясь, чтобы он не боялся. Я дразнила и соблазняла. Это было только веселье, чувства не стояли на кону. Я была навеселе.

Он пытался понять меня. Его глаза блестели, пока он думал. Он не знал, улыбаться или нет, но уголок его рта все же приподнялся.

— Не могу, — дразня, сказал он.

— Должен, — бодро попросила я. — Ты не сделал этого во время хоккея. Это вызов.

— Не лучший.

Но к этому шло, если подумать.

— Не важно, — сказала я. — Тогда ты должен сказать правду.

Я старалась не показывать обиду из-за его отказа, которую ощущала, я удерживала на лице эту улыбку. Он склонился ближе. Мы смотрели друг другу в глаза, и я не хотела сдаваться. Я надеялась, что пьяное состояние мешает ему читать меня.

Наверное, это сработало, потому что он чуть отклонился и сказал:

— Хорошо, проси правду.

Я хотела, чтобы правдой было то, от чего он бы не смог увильнуть. На что пришлось бы отвечать, каким бы ни был ответ, и то, что я хотела бы знать. Такой вопрос у меня был.

— Что это был за звонок? Тот, во время хоккея, из-за которого ты убежал? Кто тебе звонил? И что сказали?

Его плечи опустились, словно я водрузила на них невидимую тяжесть, его глаза стали пустыми, и я поняла, что задала правильный вопрос. Он бы никогда не ответил мне, но теперь он должен был. Я надеялась. Я не могла заставлять Декса, но надеялась, что в этот раз не придется.

Я дала ему время, дала ему впиться в его нижнюю губу, спрятать взгляд в тени. Я дала ему ощутить жар алкоголя в венах, надеясь, что это ослабит его осторожность, как это случилось со мной. Я дала ему решить, что делать дальше.

Он ответил. Он старался звучать ровно, но сказал:

— Дженнифер беременна.

И эти слова сломали весь мой мир.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:

Я не могла поверить, что услышала это от Декса. Дженнифер беременна?

— Дженнифер что? — пропищала я. — Беременна? Твоя Дженнифер?

Он хмуро кивнул, стараясь не показывать эмоций.

А я не могла. Не могла скрыть эмоции, хотя и не понимала, что именно чувствовала. Новость ударила меня, как груда кирпичей, свалившаяся с крыши здания. Я была разрушена. Раздавлена. Дженнифер была беременна. Его девушка ждет его ребенка.

Может, не его? На миг эта мысль меня обрадовала.

— Ребенок твой? — спросила я, чтобы проверить.

— Ага. М-мой, — неловко сказал он.

Блин. Черт. Это было делом Декса, его проблемой (или не проблемой), но я не могла отвернуться от этого, меня это ранило. Он мог с таким же эффектом сказать, что у них будет свадьба. Мое сердце екнуло от этой мысли, это было еще ужаснее. Казалось, рыбацкий крюк разрывает мои внутренности.

Мне нужно было взять себя в руки. Нужно было перестать смотреть на него с болью. Он сказал мне то, чего не хотел сообщать. Это меняло жизнь (мне — точно), и я так увлеклась своими эмоциями, что не спросила, что это значило для него.

А что мне сказать? Мне жаль? Я посмотрела на его лицо, но ничего не прочитала. Он был серьезным, как всегда, но я не могла понять, рад ли он.

И я сказала:

— О. Ого.

— Ага, — сказал он с вздохом и потянулся за бутылкой.

— Когда ты узнал? — спросила я.

— Прошлой ночью. Во время хоккея. Она подозревала, что это так. На прошлой неделе у нее не начались месячные. Мы подумали, что причина в стрессе, ведь она много путешествует для шоу. Это может влиять на женщин. Она принимала противозачаточные, так что этого не могло быть. Не понимаю, как такое возможно?

— И... она думала, что беременна... и сказала тебе?

— Ага, пару дней назад.

— Но ты отправился на остров?

Это его не тревожило.

— Да. Это работа. Как я и сказал, мы думали, что причина в стрессе. Она использовала вчера тест. Он был положительным. И она мне позвонила.

Конечно, он был так подавлен. Погодите...

— Она сказала тебе, что беременна. И ты отпраздновал это, потащив меня в чертов стрип-клуб?!

Он не выглядел уязвленным. Он пытался отмахнуться, но груз на его плечах, похоже, был слишком тяжелым.

— Я не знал, что делать, — сказал он слабо.

— Я знаю, что не нужно было делать, — сказала я, указывая на него. — Не нужно было ходить в чертов стрип-клуб и заказывать напарнице танец на коленях, если ты узнал, что твоя девушка беременна!

Хоть я и ненавидела Джен, Декс вел себя как кретин. Я вспоминала прошлую ночь, пыталась отыскать признаки, что Декс пытался смириться с новостью о беременности девушки. Я помнила лишь его извращения.

— Это гадко, Декс. Гадко, — повторила я для усиления, селя прямее и смотрела на него, как недовольная мама.

Декс молчал. Он выглядел огорченно, но это пропало, когда он посмотрел на бутылку, словно хотел превратить ее в шар огня. Я не знала, слышал ли он меня. Это не имело значения. Он должен был понять, что плохо с этим справился.

Я тоже плохо перенесла бы новость на его месте. Но я бы не стала напиваться.

Он молчал, и я потянулась через стол и коснулась его ладони. Лишь на миг. Он вздрогнул и медленно перевел взгляд на меня.

— Так это хорошая новость или плохая? — спросила я, стараясь звучать как можно сострадательнее. Я хотела поддержать его, мои чувства не были важны. Мне нужно было

приложить усилия, но Декс, несмотря на его поведение прошлой ночью, заслуживал этого. Я должна постараться.

Он криво улыбнулся и покачал головой.

— А ты как думаешь?

— Я не знаю, Декс. Правда.

Он вздохнул и потянулся к бутылке. Он сделал такой большой глоток, что закашлялся. Придя в себя, он посмотрел на меня.

— Это плохая новость.

— Для тебя или для Джен?

— Думаю, для обоих. Для меня. И, думал, для нее тоже.

— Думал? Она изменила мнение?

Он пожал плечами и вытащил сигарету. Я надеялась, что он не будет долго тянуть. Он был пьяным и открытым, и только сейчас я могла его разговорить.

— Не знаю, — сказал он, зажигая сигарету, покачивающуюся между его губ. — Может, она еще думает.

— А ты? После того, как узнал?

— Ага. Я думал. Думал о многом.

— Например? — о, Декс, не заставляй выдавливать из тебя слова.

Он заговорил не сразу, успел пару раз затянуться сигаретой. Алкоголь делал меня терпеливее, чем обычно. Я ждала, скрестив руки на столе, стараясь выглядеть выжидающе.

Наконец, он сказал:

— Я думал о том, что не готов быть отцом. И никогда не буду готов. И... как старо звучит это слово. Как я могу быть отцом? Я буду худшим отцом в мире. Я все испорчу для этого ребенка... Никому такого не пожелаю. Вот так. Это без эгоизма. А есть и эгоистичная сторона. И она говорит, что я не хочу мучиться с этим. С ребенком... моя жизнь сильно изменится.

— Может, к лучшему? — сказала я, играя адвоката дьявола.

Он покачал головой.

— Нет. Не с нами.

— Но... твоя жизнь сильно изменится.

Мои слова били его, как кирпичи, такое я уже испытала. Он скривился на миг, впился в сигарету, словно только она берегла его от безумия. Может, так и было.

— Знаю. И я подумал... Может, не стоит все это затевать.

— Она сделает аборт?

Он с усилием кивнул, может, не знал, как я отреагирую. Было сложно говорить об этом.

— Мы решили, что если она беременна, она примет... таблетку аборта? Не знаю, как она называется. Или мы пойдем в клинику. Она не хотела, чтобы ребенок испортил ее карьеру, ее тело. И я не хотел, чтобы это испортило наши отношения.

Ха, он больше тревожился, что ребенок испортит их отношения. Это было интересно. Но я не понимала, почему.

— А потом...

— Не знаю, — он с трудом пожал плечами. — Что-то случилось. Она сказала прошлой ночью, что хочет оставить ребенка. И что если я не хочу в этом участвовать, то могу уйти. Я ей не нужен. Если я не на 100 % в этом, я не нужен.

Мы задумались над этим.

— А ты сказал, что все еще хочешь аборт?

— Ну, да. Я не давил на нее. Это ее дело, пусть делает с ним, что хочет. Я поддержу ее в любом случае. Но, знаешь... Я не понимаю, почему она передумала. Я думал, что подтверждение укрепит ее страхи. Но она... изменилась. Из одной крайности в другую.

— Аборт — сложная штука, — тихо сказала я. — Он может навредить.

— Угу, а ты откуда знаешь? — спросил он, поджав губы.

— Потому что я его делала.

Такая правда была тяжелой. И я никому этого не рассказывала. Ни Аде, ни друзьям, ни парню, ни родителям. Все это время правда была внутри меня, спрятанная глубоко.

Глаза Декса расширились, а потом смягчились из-за уязвимости, которую я все равно проявила. Но прятаться уже не было смысла.

— Прости, — сказал он. — Я не знал.

— И никто не знал.

Он сглотнул и опустил сигарету на стол. Он смотрел, как с нее сыплется пепел.

— Когда это было? Прости, если я слишком...

— Нет, все в порядке. Думаю... мне стоит выговориться. Это, как ни смешно, было с Мейсоном.

— Кретин, что тебе изменил? — спросил он, протягивая мне бутылку.

— Ага, — я взяла ее и сделала глоток. Я закашлялась. — Именно. Он.

— И только с ним ты спала, только его любила?

— Ага.

— Прости.

— Ну... я была беспечна. Я была на таблетках, но порой это влияло на желудок. Из-за этого я принимала их не всегда. И, как понимаешь, все совпало.

Было странно говорить об этом, ведь приходилось вспоминать это. Я рассказала ему о дне, когда обнаружила это. Об измене Мейсона я узнала позже, но это не меняло ничего. Был нарушен цикл, и это было странно, ведь я была на таблетках, и все появлялось вовремя. Вплоть до часа. Я перепугалась. Я не сказала Мейсону, а после купила три разных теста на беременность разных фирм. Я спрятала использованные тесты с положительным ответом в туалетную бумагу и выбросила в урну, чтобы никто не нашел их. Я не хотела рассказывать ему, чтобы он не решил, что я это спланировала, и не обвинил меня.

Это было уже слишком для меня. Я уже едва ходила на занятия, едва могла жить в общежитии вдали от дома, хоть соседкой и была Джемма. У меня были те же мечты, что и теперь. Ребенок все испортил бы. У меня были планы. И глубоко внутри я знала, что хотя я любила Мейсона, нам не быть вместе. Я словно уже знала, что он мне изменит. И я не хотела ребенком удерживать парня. Я видела таких девушек в старшей школе.

Потому я понимала решение Джен. Она хотела справиться с этим, несмотря на слова и чувства Декса.

Я рассказала Дексу, как сама записалась на прием и была в ужасе. Было очень страшно. Я ни на миг не сомневалась в решении, даже в таком. Я не думала, что совершаю ошибку. Я знала себя. Это не было проблемой. Но я не хотела проходить через эту страшную процедуру, полную боли, одна. То, что я была одна, говорило о многом. Хотя мне было кого позвать, я решила скрывать это. Я боялась мнения других.

Это было ужасно, если не сказать хуже. Я почти все забыла, может, так повлияло время. Это как с переломом руки. Ты знаешь, что было больно, помнишь это ощущение, но само

чувство прошло. И здесь было так же. Это было ужасно больно, и меня неделю тошнило в ванной. Джемма думала, что это из-за моего желудка, так что ничего не подозревала. Если бы она спросила, я бы точно все ей выдала, чтобы сбросить груз. Но она этого не сделала, и поступок остался в прошлом. Еще один запертый призрак, как и наркотики, случай и семейный психолог.

А потом пришли сны. Мне снился ребенок, каким он мог стать. Снилось, что я могла стать счастливой, могла любить его беззаветно, а он ценил бы меня. Мне было интересно, как бы он или она выглядел, какой была бы его жизнь.

Было много вины. Порой меня сковывало это чувство. Меня не судил бог, но я сама осуждала себя, не осознавая. Мое подсознание, моя душа затаила этот факт, чтобы потом мне отомстить. Может, мне изменили, и я осталась одна на остаток жизни, потому что думала в душе, что заслуживаю наказания.

Я лепетала это Дексу долго. Он молчал. Он не зажигал сигарету, не касался бутылки. Только смотрел на меня. Без осуждения, а... с сопереживанием. Когда я закончила, он спросил:

— Ты жалеешь об этом?

Я покачала головой.

— Нет. Не жалею. Я думаю, что все произошло не просто так, и порой нам приходится проходить через кошмары, чтобы стать сильнее для того, что будет дальше. Думаю, это сделало меня сильнее. И заставило многое понять.

— Например?

— Например... можно доверять людям. Тогда мне не пришлось бы проходить через все одной. И что держаться на расстоянии от людей, все скрывая, большее, чем впускать их в свой мир.

Слова повисли в воздухе, словно жучки, что летали в свете лампы. Декс словно скривился, его брови странно сдвинулись.

— Рада, что рассказала мне? — спросил он, его голос стал ниже. Он поглядывал на меня.

— Да, — честно сказала я. — А ты рад, что открылся?

Он задумался.

— Да. Рад.

Это согрело мою грудь сильнее, чем «Jack Daniels». Этот жар исходило мое сердце.

— И что ты будешь делать?

— А что я могу?

— Женишься на ней? — тихо спросила я. И была лишь секунда тишины, а потом он ответит. Готова ли я к правде?

Он посмотрел мне в глаза.

— Не знаю. Но женюсь, если придется.

Волна облегчение. Это лучше, чем да. Но все же...

— А ты хочешь?

Он потер щетину на подбородке, но от нервов, а не показывая, что он задумался.

— Наверное, нет.

Я чуть не рассмеялась от того, как легко он это сказал, словно отказывался от суши на ужин.

— Почему тогда ты с ней? Ты ее любишь?

Я бы задала этот вопрос в игре, если бы другая проблема не возникла за прошедшие сутки. Я думала, что дойду до этого в игре, но мы ее закончили. С момента, как я услышала, как Декс говорит о Джен, я всегда делала один вывод. Что-то не так было в их отношениях. Знаю, это было не мое дело. Откуда мне знать, что у них происходит? Это был их личный мир. Люди могли делать многое вдали от публики, что потом не могли бы объяснить людям.

Но я не понимала их отношения, сколько бы ни думала об этом. Он не тревожился за нее, и она не очень-то за него волновалась. Я не видела Джен лично, но горячая детка не казалась той, кто подходил сложному Дексу. И я должна была спросить. Это долго меня терзало.

Он растерялся, и я его не винила. Вопрос был грубым. Но я должна была узнать. Хотя он и мог сказать, что это не мое дело.

Он тянул. Заставлял меня ждать, пока тер медленно виски, смотрел в темный лес, словно думал, что там найдет ответ или отвлечется.

— Думаю, стоит на этом закончить, — сухим тоном сообщил он.

Я смотрела на него в ответ, просила взглядом. Но он не отвечал. Если бы можно было заглянуть в него, я бы узнала. Узнала, даже если бы он скрывал это. Я смотрела пристально.

— Не понимаю, — сказала я, сдавшись, несмотря на открытия. Это все удалось только из-за леса на острове и бутылки виски.

— И я. Но что-то в жизни должно быть безопасным, малыш. И порой, когда твоя жизнь словно под камнепадом, тебе хочется места, где безопасно.

Я вздохнула от понимания, а не раздражения (его я пыталась отогнать) и, кивнув, улыбнулась ему. Я встала, выпрямилась, держась за стол, и взяла книги и фонарь. Было поздно, и я по его глазам видела, что рассказы закончились, а книга медленно закрывалась.

Я пошла к палатке, радуясь, что она близко, и остановилась, чтобы расстегнуть проем. Я оглянулась на Декса, его плечи покачивались. Музыка уже не играла. Он покачивался под воображаемый ритм, как делал часто, его фигура была темной против света. Я видела, как он держится за бутылку, словно удерживает себя в сознании.

— Похоже, ты собрался искать что-то безопаснее, — сказала я. Он замер, но промолчал.

Я сунула книги внутрь и хотела залезть сама, но поняла, что половина бутылки виски с силой просится наружу.

Пристройка была у тропы и виднелась у холма. Это место было не самым страшным для туалета, и я уже там была, так что могла поклясться, что ничего ужасного там нет. Так было при дневном свете. Ночью идти туда было страшно, сердце колотилось.

Я схватила фонарь и выпрямилась.

— Я в туалет. Если не вернусь через пять минут, высылай помощь. То есть, приходи забрать меня.

Я прошла мимо стола и оглянулась, чтобы понять, услышал ли он меня. Он вскинул голову.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

За эти пять минут он стал пьянее, слова стали нечеткими. Может, разговор его добил.

Я хотела, чтобы он пошел, но не хотелось, чтобы он потом стоял под дверью. Это меня бы тревожило.

— Все хорошо. Просто... помни, куда я пошла.

Он улыбнулся.

— В туалет. Не упади в дыру!

Это было бы меньшей из проблем.

Я направила фонарь на землю и быстро пошла по тропе к каменистому склону, где стоял туалет. Я вышла из леса, и ветер начал пробираться под множество слоев моей одежды. Ревели волны, разбиваясь о камни, но я видела только тьму вне луча фонаря. Небо было закрыто тучами, что вдруг накатили, хотя местами виднелись просветы. Жаль, что небо не было ясным, потому что отсюда было бы прекрасно видно звезды. Ближайший свет доносился из Виктории, и хотя от этого тучи над ними были неприятного оранжевого цвета, сюда свет не доставал.

Мысль о звездах и бесконечном космосе была приятной. Я смогла на время забыть об ужасах на острове и о нашем с Дексом разговоре. Даже если Джен беременна, даже если я делала аборт, даже если они поженятся, даже если здесь умирали прокаженные, для космоса все это было пылинками. И наши проблемы в таком размахе были пустяками.

Но они были важными. Ох эти пьяные мысли.

Я постаралась использовать туалет быстро. Я едва села. Просто было страшно здесь ночью. Может, эта рука, что я видела в окошке...

Хватит! Я завопила в голове и поспешила закончить. Я вышла из туалета, сунула фонарь между ног и вытащила флакончик с дезинфицирующим средством для рук. Сойдет вместо мытья рук. Нам с Дексом предстояло чистить зубы с водой из бутылки, а макияж я смою влажными салфетками.

Я быстро растерла едко пахнувший гель на ладонях, глядя на свет в лесу. Декс не погасил лампу, пока я не вернулась. Света было мало, но так остров не казался безграничным лесом, полным неизвестных существ.

— Не слушай его.

Тихий робкий голос раздался позади меня. Я вскрикнула и обернулась, фонарь упал на землю, я задержала дыхание от страха. Я быстро подняла фонарь и выронила флакон со средством. Я быстро обвела вокруг себя лучом фонаря.

Кто-то что-то сказал? Мне не показалось. Было похоже на женский голос.

Это ведь невозможно, правда?

— Кто здесь? — тихо сказала я. Это не было смелым поведением, но я и не играла воина.

Я задержала дыхание и осмотрела в свете фонаря здание туалета и камни рядом с ним. Я выждала пару секунд, мои колени задрожали от холода и страха. Я склонилась и схватила флакончик, а потом снова слышала голос.

— Он соврал мне.

Женский голос. Я подумала о той жуткой даме, но в этом голосе не было акцента, и он казался молодым. Она словно не была уверена, что стоит что-то говорить. Я не сходила с ума, я слышала голос, но от этого становилось еще страшнее.

Я медленно поворачивалась с фонарем, боясь того, что он озарит. Но была лишь тьма ночи, волны, камни и трава, сосны вдоль берега.

— Кто соврал? — спросила я едва слышно, чтобы не привлечь внимания Декса.

Был лишь шум волн и мое быстрое дыхание. Ответа не было.

Я ждала минуту или две.

— Перри!

Я чуть не обделалась. Это было бы обидно рядом с туалетом.

А кричал из-за деревьев Декс.

— Иду! — завопила я в ответ, голос дрожал. Я замешкалась, думая, стоит ли подождать и узнать от голоса, кто соврал.

Но ничего не было. Только становилось холоднее, и это побеждало любопытство.

Я поспешила в лагерь, радуясь, что Декс все еще сидит за столом с двумя бутылками воды и баночкой с обезболивающим. Пока меня не окружил свет, я в последний раз оглянулась на тьму, что меня преследовала.

Там ничего не было, но я не сомневалась, что то, что там было, еще вернется.

Я старалась прогнать мысль из головы и быстро готовилась к ночи. Декс ушел в палатку, чтобы переодеться, а я стерла макияж салфетками, быстро почистила зубы, сплюнув на землю. Я замерла, думая, что услышала что-то в кустах. Но слышно было шуршание Декса в палатке, внутри светил фонарь.

Я схватила лампу со стола и поднесла к палатке, не гася ее пока что.

— Ты уже все? — крикнула я Дексу, постучав по палатке.

Он что-то пробормотал в ответ. Я решила попробовать.

Я расстегнула дверь и пробралась внутрь. Он уже был в спальном мешке, теплая кофта была поверх его пижамы, он направлял фонарь на потрепанную копию «Кэрри» Стивена Кинга. Я не понимала, как он мог читать в пьяном состоянии.

— Прости, но тебе нужно выйти, чтобы я переоделась, — сказала я ему.

Он взглянул на меня и продолжил чтение.

— Я так не думаю.

— Декс!

Он фыркнул и пожал плечами.

— Я все уже там видел.

— Что?

Он промолчал, и я ударила его по ноге.

— Что ты имел в виду?

Он вздохнул и опустил книгу на грудь.

— Я тебя раздевал после того, как на тебя напал когтистый парень в Рэд Фоксе.

— Ты сказал, что не смотрел!

Он рассмеялся.

— Конечно, смотрел. Мне нужно было снять с тебя одежду и помыть тебя. Пришлось смотреть.

— О боже, — простонала я, закрыв руками лицо. Меня охватило унижение. Но мне было о чем тревожиться тогда, и то, что меня чуть не разорвали и не изнасиловали, было страшнее того, что он видел меня голой. Но теперь прошло время, и это... фу.

— О, перестань. Мы взрослые. Мне понравилось то, что я увидел, если тебе от этого станет лучше.

Но не стало.

— Это ужасно, — пробормотала я, слова приглушались из-за ладоней.

— Было бы хуже, будь это Берд или Максимус, других вариантов не было.

Честно, лучше бы это был Максимус. Хотя я думала, что он был сексуален, я не любила Максимуса и не работала с ним по выходным.

— О, ладно тебе, и ты не будешь возмущаться?

Я посмотрела на него и пожала плечами.

Он покачал головой и сказал:

— Ты разбиваешь мне сердце.

— У тебя нет сердца, — сказала я. Это вырвалось в шутку, но долю правды я в этом чувствовала.

Его глаза вспыхнули, и я не была уверена, что он увидел в этом шутку. Я улыбнулась и сказала:

— Ладно. Читай и не смотри на меня.

— Слушаюсь, — сказал он и продолжил чтение.

Я не знала, стоит ли ему доверять, но вытащила пижаму из рюкзака, отвернулась от него и села. Я быстро стянула джинсы и надела штаны. В палатке было очень холодно, воздух ударил по голым ногам, словно рассыпал кубики льда. Потом я быстро сняла все, что было сверху, замешкавшись с лифчиком. Я надела кофту пижамы, толстовку и, дрожа, залезла в спальный мешок.

Я посмотрела на Декса. Он читал, но, чем больше я на него смотрела, тем сильнее его губы растягивались, пока она не улыбнулся. Он тихо рассмеялся.

Я не сдержала смех. Это было приятно.

— Все-таки посмотрел?

— Немного, — сказал он, закрыл книгу и подмигнул мне. А потом он выключил фонарик. Я надеялась, что после такого сны будут хорошими.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:

Я проснулась с ощущением, что что-то не так, с ужасным ощущением тревоги. Я лежала на спине и смотрела на потолок палатки. Было темно, но я видела, как мое дыхание облачком пара поднимается в воздух. Палатка подрагивала, словно ветер ее раскачивал. Я прислушалась, но были лишь звуки ветра.

Я слышала, как резко вдохнул Декс. Я медленно повернула голову и посмотрела на него. Его глаза были открытыми, и я перепугалась. Он смотрел вверх моей головы на стену палатки. Что-то в его глазах, в том, как они не мигали, говорило мне, что мне не стоит туда смотреть. Что мне безопаснее смотреть на него.

Так я и делала, пока он не посмотрел на меня. В его взгляде словно был вопрос: «Ты тоже это слышишь?». И я прислушалась. Признаков ветра не было, но палатка шуршала и покачивалась. Это был один звук. Другой исходил из места, куда смотрел Декс, где были наши сумки и оборудование. Шорох. Сначала я подумала, что в палатку пробрались грызуны и нашли наши сумки. Крысы, что ждали, пока мы уснем, чтобы сгрызть наши пальцы.

Я должна была посмотреть. Если это крысы, то я выбегу из палатки. Я слабо кивнула Дексу и повернула голову.

В темноте я не видела, что происходит с нашими сумками, они выглядели как темные валуны. Но дело было не в них. Край палатки был собран снаружи. Так было проще всего это описать. Что-то снаружи палатки давило на брезент во многих местах. Казалось, что это пальцы давят на палатку.

Тело похолодело, стало холоднее воздуха, что щипал мой нос и щеки. Я в страхе смотрела, не в силах пошевелиться, не в силах понять, что происходит, и что делать мне. Что-то было снаружи и вызывало пугающую мысль, что это люди (или пришельцы) водят пальцами по палатке. Были видны следы и слышен шорох.

Я ощутила, как Декс зашевелился, медленно приподнялся, стараясь не шуметь спальным

мешком. Он коснулся моего лица и осторожно повернул к себе. Он тоже был испуган, но решителен. Я знала, что он не будет сидеть в палатке и ждать, что будет дальше. Он сам сделает ход. Он убедился, чтобы я это поняла. Он говорил мне без слов, что прикроет меня. Я надеялась, что именно это он и пытался мне передать.

Он прижал палец к губам и указал на камеру, что была ближе всего к нам. На этой был режим ночного видения, так что было не удивительно, что она лежала ближе. Он был готов к такому. Может, он знал об острове что-то, чего не знала я.

Я двигалась как можно тише, склонилась, чтобы поднять ее. После этого я посмотрела на бок палатки. Я не понимала, что там, но это точно не были пальцы. Они были слишком острыми для этого. Казалось, что пара деревьев ожила ночью и тыкала в нас ветками, а кора шуршала, и звук становился с каждой минутой все громче.

Я была слишком близко, так что попятилась и отдала камеру Дексу. Он включил ее и начал снимать. Я села и отодвинулась, чтобы не попасть в кадр, мы минуту смотрели, как силуэты вертикально танцуют. И с каждой секундой съемки я все сильнее расслаблялась. В этот раз казалось, что если все это снять, то ничего плохого не произойдет. Если бы я вместо Декса смотрела на все через камеру, я бы была еще спокойнее. Конечно, он редко пугался так, как я.

И тут камера повернулась ко мне. Я сдалась и потрясенно посмотрела на камеру. Играть не нужно было. Я понятия не имела, что происходит.

Декс дал мне камеру и показал, что снимать нужно стену палатки. Он выскользнул из спального мешка и встал. Он был готов выйти наружу. Я протянула ему камеру и поняла, что он надеялся, что и я выйду. Наружу, где это... Перспектива была пугающей, но оставаться одной в палатке было не менее страшно.

Я встала рядом с ним, мы взглянули на силуэт, что продолжал скрестить по палатке. Я едва видела Декса в тени, но знала, что он планирует нападение. Он легонько сжал мое плечо. Его поддержка не очень помогла.

Уверенным движением он расстегнул молнию на входе в палатку и выскочил неловко наружу. Я последовала сразу за ним, и край брезентовой двери ударил меня по лицу.

Я едва заметила влажность холодного воздуха или камни под носками. Я схватила Декса за руку, и мы посмотрели на пять больших оленей, что тыкали нашу палатку рогами механически, словно в трансе. Их рога царапали палатку и не прекратили, когда мы вышли. Любой другой олень тут же бросился бы в лес, но эти... даже не дрогнули. Даже не посмотрели на нас.

— Что такое... — прошептала я, голос оказался выше, чем я надеялась. Олени не дрогнули. Я крепче впилась в руку Декса, а он направил на них камеру.

Он сглотнул и сказал:

— Пятеро против двоих.

Это не радовало. Пять оленей могли легко нам навредить. Откуда они взялись? Что делали?

Я посмотрела в сторону стола и во мгле из-за мрачного неба различила среди деревьев и кустов странные силуэты. Я вскрикнула. Там тоже что-то было.

Декс взглянул на меня, а потом проследил за моим ошалелым взглядом. Он направил камеру, и я заглянула через его плечо на экран, где все было видно зеленоватым и зернистым.

В кустах стояла еще дюжина оленей. Несколько было на дорожке. Некоторые были у

стола, в футе от нас. Они ждали, застыв на месте, и смотрели на нас, глаза были сияющими бело-зелеными сферами. Пятеро против двоих? Скорее, двадцать.

Казалось, мои ногти разорвут свитер Декса. Если он это и почувствовал, то не подал виду. Он поворачивал камеру то к одной группе, то к другой, то к жутким глазам, то к механическим движениям рогов. Мы не знали, куда смотреть.

— Мне включить лампу? — прошептала я хрипло. Я знала, что она была рядом. И лампа могла отвлечь их, вот только спасло бы это нас?

— Ага, — выдохнул он.

Я быстро подняла ее и повернула ручку, пока лампа не загорелась. Свет был ярким, пришлось заслонить глаза свободной рукой. Когда глаза привыкли, я огляделась и... ничего не увидела.

Были лишь деревья, кусты, стол и палатка. И Декс стоял передо мной с потрясенным видом, камера, дрожа, снимала пустоту. Оленей не было.

— Что случилось? — возмутилась я. Как они могли мгновенно пропасть?

— Понятия не имею, — сказал он и тревожно начал отматывать снятый материал назад. Он остановил после пары секунд, и мы вместе смотрели, как олени чешут рога о палатку. Они были там, а потом вспышка света залила экран. И олени пропали. Исчезли. Все они.

— Как такое возможно? — спросила я, не понимая.

Он покачал головой и подошел к стороне палатки, которую они бодали.

— Посвети сюда, — сказал он, указывая на брезент.

Я подняла лампу и встала рядом с ним. На боку палатки остались темные следы.

— Грязь? — спросила я.

Декс присел и провел пальцем по одному из них. Он понюхал и поднес на свет.

— Это кровь.

Это было уже слишком. Я испуганно огляделась, сердце колотилось с перебоями. Лес и тени кружились. Я могла все еще быть пьяной. Который час? У меня даже не было телефона, чтобы проверить.

— Прекрасно. Я спать не буду. Вдруг они вернуться?

— Вряд ли, — растерянно сказал он, разглядывая землю у палатки, напоминая гончую, ищущую след.

— А если все же вернуться?

— Тогда мы с этим и разберемся.

Он склонился и прижал пальцы к земле. Он посмотрел на меня.

— Следы копыт остались. Они нам не показались.

— И мы их сняли. Так что они не привиделись.

— Просто проверял. Думаю, неплохо порой задаваться вопросом о состоянии рассудка.

— Тебе легко говорить, — пробормотала я. Я слишком устала, замерзла, мне было плохо от всего этого. Я знала, что если начну думать об этом, то не буду спать ночь и буду дрожать еще и весь день. Я хотела лишь в теплый спальный мешок и блаженную пустоту в голове.

— Иди спать, — сказал Декс. — Я здесь закончу.

— Ладно. Не задерживайся, а то я буду волноваться, — ответила я и пошла к входу.

Он окликнул меня:

— Подумай о хорошем. Мы все это сняли.

Я высунула голову и палатки и мрачно посмотрела на него.

— Ура.

Я, дрожа, спряталась в уютный, чуть влажный спальный мешок и попыталась уснуть. Но получилось лишь, когда свет потух, а Декс вернулся в палатку.

* * *

Спала я не так крепко, как надеялась. Декс проснулся на рассвете, чтобы осмотреть все и обдумать события ночи, я тоже сразу проснулась. К счастью, свет уже пробирался в палатку. Рассвет всегда приносил облегчение, заканчивалась ночь с ее ужасами. Он вылезал из палатки, и я уловила луч солнца и удар холодного ветра, усилившегося за последние часы. Все снаружи было красным. Кроваво-красным.

— Вот так рассвет, — сказал он, его зубы стучали, и он скользнул обратно в спальный мешок.

— Конец света? — прохрипела я, отчасти шутя. Я склонилась и приоткрыла вход в палатку, чтобы посмотреть лучше. Деревья покачивались на ветру, небо было смесью быстро пролетающих густых облаков и мутного красного цвета.

— Красное небо по утрам — знак для моряков, — пробормотал он, отворачиваясь. Зато красный закат их радует.

— Как это нам понимать? — спросила я, но Декс уже спал, и мой вопрос остался без ответа.

* * *

Прошло всего пару часов, а погода изменилась. Когда я снова проснулась, палатка содрогалась от порывов ветра и дождя, что хлестал по брезенту, стуча. В этот раз я знала, что оленей снаружи нет. Приближалась буря. Поговорка не соврала.

Все внутри было сине-серым из-за стен палатки. Я хотела спать. В спальном мешке было уютно и тепло, и я не хотела выходить из него под ветер и дождь. В этом был минус жизни в лагере. Приходилось покидать палатку.

Я перекатилась и увидела, что мешок Декса пуст. Он был снаружи, боролся со стихией. Я надеялась, что он не заметит, если я все утро проведу в палатке. И голова плохо соображала после выпивки. Я не знала, как, но дополнительные часы сна сделали мое состояние только хуже. Лучше бы я не засыпала после того красного рассвета.

— Так, лежебока, — услышала я голос Декса снаружи.

Я простонала и скрылась в спальном мешке с головой. Я слышала, как он расстегнул вход. Он схватил меня за ногу и потряс.

— Хуже, чем мне, тебе быть не может.

Я выглянула и посмотрела на него. Он был неплох, немного бледен, заметная тень щетины появилась на его лице.

— Зачем тогда ты встал? — простонала я.

— Туалет, душ и бритье, — ответил он. — Но смог сделать лишь одно. Идем, я готовлю завтрак. Там кофе.

Обычно мне не хочется кофе после ночи выпивки, но мне нужно было проснуться и согреться. И интриговала мысль, что Декс готовил завтрак.

— Будет буря? — спросила я.

— Уже скоро. Идем.

Он сжал мою ногу и покинул палатку.

Я хотела собираться неспешно, но холодный воздух с каждым порывом ветра проникал в палатку, ускоряя меня. Сегодня буду в ботинках, джинсах и нескольких кофтах. Даже в

куртке с судна я знала, что буду мерзнуть и промокну.

Я вышла из палатки, и меня тут же окатил брызгами дождь. Небо было темно-серым, деревья и кусты раскачивались на ветру, который нагнал с воды туман и окутал им маленький Дарси, а наш остров будто оказался один во всем мире, парящим среди тумана.

Волны яростно бились о берег, гремели обломками дерева. Птиц не было видно, шумели лишь ветер и вода. Все было мокрым, холодным и мрачным.

Декс поставил на стол походную плиту, сюда порой залетали брызги дождя. Брезент над нами и палатка содрогались от порывов ветра, но держались, и мы могли оставаться относительно сухими.

Я быстро застегнула вход в палатку, пальцы уже немели и мерзли, и пошла к Дексу, заглянула за его плечо. Он жарил яйца, которые потом собирался положить к бекону на одноразовые тарелки. Ветер, наверное, уже доносил до палатки ароматы, потому что из постели меня легко можно было выманить запахом бекона.

Он взглянул на меня и поднял с лавочки чашку и дал мне. Я поблагодарила его и сделала глоток. Это был кофе из пакетика с хорошей долей сливок и сахара. Он знал, что мне нравится такое, и для такого кофе вкус был неплох.

Яйца были готовы, и мы сели и принялись за еду. Декс оказался на удивление хорошим поваром. Да, это были лишь яйца с беконом, и, может, меня было легко впечатлить, но я была уверена, что если бы завтрак делала я, то сожгла бы бекон. Я умела лишь испечь пирог.

Он отклонился, наевшись, и отодвинул от себя пустую тарелку.

— Надеюсь, ты не против бекона на эти пару дней. Я запасся. Только бы он не испортился в сумке-холодильнике.

Я покачала головой, а ветер налетел и поднял его тарелку, унес ее в лес. Мы провожали ее взглядом, летящую, как бумажное НЛО. Я вскинула брови.

— А если такая погода будет все время?

— Мы точно сойдем с ума, — ответил он.

Я посмотрела на трепещущий над нами брезент.

— А если он не удержится? Если палатка протечет?

— Тогда мы промокнем.

— А если промокнут камеры? Твой компьютер? — спросила я, не сдаваясь.

Он задумался на миг.

— Может, стоит отнести на борт вчерашний материал. И можно еще кое-что загрузить.

— Если судно еще там, — парировала я. Я надеялась, что судно все же на месте.

— Там, — сказал он, хотя выглядел не так уверенно, как звучал.

Через пять минут он был готов идти и убеждаться, что все в порядке. С ним были камеры в чехлах, он кивнул на палатку.

— Оставил тебе старую камеру... вдруг придется что-то снимать, пока меня не будет.

— Надеюсь, не придется! — сказала я. Хоть про судно напомнила ему я, не хотелось, чтобы он оставлял меня одну. Да, было светло, хоть туман и закрывал ближайшее место с людьми, но все выглядело безобидно. Но без него будет плохо. Я не хотела, чтобы он один шел по острову, мимо жуткого места с мертвыми деревьями и странными енотами.

Он поправил рюкзак на спине и строго посмотрел на меня.

— Эй, меня не будет час. Может, два. Я буду в порядке. И ты тоже.

Мне понравилось, что он подумал, что я больше волнуюсь за него, чем за себя. В этом была доля правды. Я вздохнула и пожала плечами.

— Если не вернешься через два часа, я пойду за тобой.

Он подмигнул мне.

— И снова Перри поспешит на помощь.

И он пошел в мокрый лес. Я провожала его взглядом, пока ярко-красная куртка с судна не пропала среди кустов. Я осталась одна.

Я не знала сначала, чем заняться. В такую погоду толком не погуляешь, хотя в лесу и могло быть укрытие от дождя, я ни за что туда не пошла бы. Я хотела проверить почту (не комментарии) и полазить в Интернете, но мой телефон все еще был у Декса. Я не могла даже время узнать.

Я решила вернуться в палатку. Там было теплее и намного суше. И если мне станет скучно, я могу всегда лечь спать. Никто мне мешать не будет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но хоть я и лежала удобно поверх спального мешка, я не могла не думать об острове. Я еще столько всего не знала об этом месте.

Я вытащила книги, что читала вчера, и начала листать одну из них, пытаюсь найти интересную на вид главу или фразу. И нашла заголовок «Женщина».

Оказалось, что когда священник Джон Барретт из Северной Калифорнии прибыл на остров Дарси, он был не один. Он привез девятнадцатилетнюю миссионерку по имени Мэри Стюарт. Мэри была одной из самых юных миссионерок из Сан-Франциско, но выразила большое желание помочь прокаженным. И хотя генпрокурор в Канаде отклонил их первую просьбу о работе на острове, их вторая просьба сработала. В книге говорилось, что причиной была взятка. Правительство не собиралось тратить деньги на забытых людей, но Барретт заплатил им, и они внесли поправки. Автор не знал, почему священник или Стюарт так сильно хотели попасть на остров, и не пытался объяснить это.

Это было странно, но я почти могла понять, почему, пока читала. Это странно звучало, что-то настораживало во всем этом, словно я настраивалась на энергию, что угасла очень давно. Был здесь подтекст. Мотивы были под вопросом.

И чем дальше я читала, тем сильнее беспокоилась из-за истории. Мэри умерла, пробыв на острове семь месяцев. Ранние записи с кораблей, поставляющих припасы, описывали ее как низкую и слабую женщину, что едва говорила, и они не удивились, когда священник сказал им, что она умерла от пневмонии. Остров был таким же, как сегодня, мокрым и неуютным. Мэри умерла в тот период трех месяцев, когда корабль не приходил. Ее погребли с остальными прокаженными, это сделали или они, или священник в одном из привезенных кораблей.

У меня было странное состояние, словно мне была близка проблема Мэри. Она хотела лишь помочь этим бедным брошенным душам, но умерла так же, как они. В девятнадцать лет. Она практически пожертвовала собой.

Я поежилась и накрыла краем спального мешка ноги, чтобы согреться.

— Хи-хи-хи.

Я застыла на середине страницы.

В палатке откуда-то звучал детский смех.

Я точно это слышала?

Или это ветер?

Я прислушалась, стараясь не дышать, не издавать других звуков, что могут обмануть уши.

Ничего.

Просто разыгралось воображение, и я сама себя пугала.

Я осторожно перевернула страницу и попыталась прочитать ее, чтобы понять, что произошло со священником, когда Мэри умерла.

И я снова это слышала:

— Хи-хи-хи.

Невинный, но жуткий смех, а еще шум разбрасываемых камней перед палаткой. Кто-то был снаружи.

Я резко села, тело напряглось, сердце колотилось с болью, наполняя голову кровью и давлением. Я быстро скользила взглядом по стенам палатки, пытаясь заметить что-то необычное. Стены трепетали от ветра, но ничего странного не было.

Снова послышался смех, в этот раз сзади. Я развернулась, думая, что ребенок уже в палатке. Но я была одна.

Я слышала смех снова. Я быстро повернулась на звук и заметила маленькую тень, убегающую от входа в палатку.

Я встала и расстегнула молнию на входе как можно быстрее. Я вырвалась из палатки. Смех прекратился, но я слышала в шуме ветра осторожные шаги. Я пробежала пару шагов и остановилась посреди тропы. Дождь притих временно, но земля была вязкой, будто коричневое пюре. Я посмотрела в сторону пляжа, а потом на тропу, что вела в лес и к туалету.

Ничего не было.

Ужасное ощущение пробежало по коже рук и ног, словно за мной наблюдал тот, кого я не видела. Я хотела уже увидеть Декса.

И снова смех, в этот раз позади, со стороны пляжа.

Я обернулась и увидела девочку, бегущую по скользким камешкам к волнам, уклоняющуюся от обломков в воде. Она была в длинной мужской рубашке, что закрывала все ее тело. Рубашка прилипала к ее маленькому телу, намокшая от дождя.

Я не знала, что делать. Откуда здесь ребенок, на острове среди бури? Почему она в одной мужской рубашке? Где ее родители?

Я огляделась и побежала за ней. У меня почти не было материнского инстинкта, но я не могла позволить девочке разгуливать в такой одежде в такую погоду. Я бежала к пляжу и не могла понять, есть ли на ней обувь.

Я остановилась и смотрела, как она радостно бежит по пляжу, пока она не остановилась спиной ко мне. Ей было три или четыре года. Я начала снимать куртку, чтобы надеть на нее, пока пыталась понять, что происходит. Она могла быть ребенком кого-то из посетителей. Может, на другой стороне острова были гости, прибывшие на байдарках. Может, на острове все время кто-то был. Мы были в одном лагере, но это не мешало кому-то быть в другой части острова. Мы с Дексом знали, что на юге могла быть группа людей. Может, и голос прошлой ночью донесся до меня оттуда.

Девочка медленно развернулась и посмотрела мне в глаза. Она была испугана. Я протянула ей куртку.

— Ты простудишься, — сказала я, повысив голос, пытаясь сделать так, чтобы он не дрожал. А вот руки дрожали. — Где твои родители?

Девочка молчала, но хмурилась все сильнее, словно хотела расплакаться. Я не хотела пугать бедняжку.

— Я тебя не обижу. Я не злая, — прокричала я. — Ты простудишься. Твои родители будут волноваться.

Девочка покачала головой.

— Она меня ненавидит.

Меня испугало то, как странно звучала девочка. Ее голос был вялым. Она будто шепелявила.

Я огляделась, думая, что в любой миг выбежит хиппи из леса к ней, страшно глядя на меня, ведь я напугала ребенка. Но был лишь ветер и холодные брызги волн.

Я не могла так отпустить девочку. Не важно, боялась она меня, разозлятся ли из-за этого ее родители. Она была маленькой, ей было холоднее, чем мне.

Я пошла к ней уверенно, но не напористо, чтобы не напугать.

— Вот, надень мою куртку. Она теплая, тебе понравится.

Я была в десяти футах от нее. Она выглядела хуже, чем я думала. Ее ноги были в царапинах, волосы были длинными и спутанными. Кожа была грязной, голубые глаза — тусклыми, будто их заволокло тем же туманом, что закрыл соседний островок.

Она смотрела, как я приближаюсь, но не реагировала. Она была испугана, но не из-за меня, хоть и сложно было это объяснить. Она боялась чего-то еще. Меня могло здесь и не быть.

Она посмотрела на волны.

И побежала в океан.

Я была потрясена. Я смотрела, как она несется по серой воде, пока волны не накрыли ее. И тут я вышла из ступора.

Я бросила куртку и побежала за ней, ботинки скользили по камням, и я пыталась не упасть. Через несколько шагов я оказалась в воде.

Я едва видела ее маленькую руку, замечала голову, а волны все накатывали. Но она была там, и этого хватало для того, чтобы я шла к ней.

Меня убивал холод, мои ноги погрузились в воду, и она залилась в ботинки и обрушилась на мои джинсы. За секунды мои ноги превратились в онемевшие глыбы льда, и я думала, что все внутри взорвется из-за этого, хоть вода и доставала только до колен.

Это меня не остановило. Я шла дальше, пока волны не начали биться о мой живот.

Первый удар выбил мое дыхание. Я не могла вдохнуть, хоть и пыталась, было очень холодно. Это чувство охватило все тело, проникло в конечности и мозг, стерло все мысли. Осталось лишь онемение и факт, что девочка тонет в волнах неподалеку.

Я двигалась, хотя воды было по пояс. Волны продолжали бить меня, поток обхватил мои бедра, словно аркан во льду. Серые волны и небо потемнели, все расплывалось перед глазами. Я ничего не чувствовала.

Там была девочка, но мои движения стали вялыми. Нужно было развернуться. Выйти из воды. Но мое желание вернуться и выжить не было сильнее желания найти девочку, что тонула где-то впереди меня.

Я подумала, что кто-то звал меня по имени издалека, но звук был призрачным в реве волн, шипении ветра и пены.

Из оставшихся сил я обернулась. Декс бежал по пляжу ко мне. Я могла лишь качаться на волнах.

Он ругался, лицо его было бледным, а глаза пылали. Он пошел за мной, ему вода доставала до середины бедра, и схватил меня за руку. Он грубо потащил меня к пляжу. Я

ничего этого не чувствовала. Я позволила ему забрать меня, а сама смотрела растерянно на воду. Там ведь что-то было?

Он дотащил меня до обломка дерева и усадил на него. Он кричал, поднимал руки, махал ими. Я не могла смотреть на него. Мой взгляд был прикован к волнам, искал признаки, что девочка там. Я знала, что она там. Иначе зачем я туда пошла?

Я ощутила боль в правой щеке. Он, наверное, отвесил мне пощечину.

Я посмотрела на него. На это требовались невероятные усилия.

— Перри. Перри Паломино. Смотри на меня. Сосредоточься. Прошу.

Я попыталась.

— Что это было? — спросил он высоким обрывающимся голосом. Его взгляд был диким, как волны.

Я чувствовала себя пьяной. Глупой. И не было сил говорить.

Я пыталась что-то произнести, но лишь стучала зубами и содрогалась. Я ужасно замерзла, промокла от груди и вниз, но тело вспомнило об инстинкте выживания.

Декс решил, что бить и кричать меня нет смысла. Он поднял меня на руки. Я смутно вспомнила, что это стало уже привычным делом, но я обвила руками его шею и крепко держалась, пока он нес меня по пляжу в лагерь.

Он уложил меня в палатке в мой спальный мешок, а сверху накрыл своим мешком. Моя голова отклонилась, и я смотрела на потолок палатки, что дрожал на постоянном ветру. Я слышала, как открывается и закрывается молния на входе, слышала злой шорох. На меня, похоже, положили еще и кучу одежды. Но долго она на мне не пролежала, крупная дрожь согнала их с меня.

Я какое-то время так дрожала, невыносимая боль появлялась там, где отступало онемение, жаркие уколы иголок и булавок проносились по телу, словно меня тащили через колючие кусты.

Казалось, так будет вечно. Голова была почти пустой, была лишь мысль о том, когда все это закончится.

И это закончилось. Спазмы прекратились, дрожь почти унялась, и зубы перестали стучать друг о друга. Дыхание вырывалось изо рта горячим и ровным. Сердце успокоило свой ритм биения. Голова уже могла обдумывать случившееся.

Я повернула голову и увидела Декса, сидящего в углу палатки, прижавшего мокрые ноги к груди. Он смотрел на меня. Его взгляд был напряженным, но это таяло с каждой секундой. Он заглянул в мои глаза, пытаясь хоть что-то понять. Я надеялась, что он мог. Надеялась, что мне не придется объяснять.

Но так просто быть не могло.

Он посмотрел на свои промокшие ботинки, полные воды внутри. Я не знала, почему он не пытался согреться. Его ноги точно промерзли.

— У тебя промокли ноги, — с трудом сказала я.

— Что это было, Перри? — он глубоко вдохнул и посмотрел на меня. — Что ты там делала? Поплывать решила?

— Там была девочка...

— Девочка? — повторил он с недоверием во взгляде.

— Я была в палатке. Здесь. Читала и слышала детский смех, — это требовало усилий. Я замолчала и попыталась восстановить дыхание. Он ждал и не прекращал хмуриться. — Девочка. Я слышала ее смех, — продолжила я. — Я встала и вышла наружу, увидела

девочку на пляже. Года три ей было? Она была в длинной белой рубашке. Я спросила, где ее родители, но она не ответила. Что-то... было не так с ней. Не знаю, но она уже была замерзшей и промокшей, а там никого не было. Я хотела подойти к ней и дать куртку, а она... убежала в океан. Волны набежали, и... и я ее видела, думала, что спасу. И тут пришел ты. А я не смогла.

Выражение лица Декса не менялось, хотя я знала, что он старается как можно быстрее проанализировать мой рассказ. Наконец, он сказал:

— Перри. Я не видел ребенка. Я смотрел на тебя. Ты убежала в воду. Я как раз собирался сунуть рюкзак в палатку. Но увидел тебя на пляже, глядящую в пустоту и протягивающую куртку. И через миг ты побежала в воду. Я не видел девочку.

Мне было плохо от его слов, я прижала ладонь ко рту. Конечно, девочка была.

— Может, ты не мог ее видеть, — сказала я, меня охватил холод. — Может, я прикрывала ее с... того угла. Кто знает? Я видела это. Хорошо ее видела. Голубые глаза. Пепельные волосы, спутанные и длинные, и странная рубашка, словно из викторианской эпохи. И обуви не было.

— На острове больше никого нет, Перри.

— Ты не можешь этого знать. Ты его обыскивал?

— Нет, но я был на борту. Судно там, и оно одно. Может, кто-то приплыл на байдарке, но большие лодки больше нигде не оставишь. Если на том или этом пляже их нет, то и на острове нет.

— Может, все же они приплыли на байдарке.

— Малыш. Слушай. Послушай меня. Здесь никого нет. Если кто-то приплыл в такую погоду на байдарке, им конец. Ты сама чуть не умерла, а воды было лишь по пояс. Никто в такую погоду не появится. Ты знаешь, что и в другую погоду вряд ли кто приплывет.

— Они могли быть тут раньше, и...

— Нет никого на острове, Перри, кроме нас с тобой, группы психованных енотов и странных оленей, — сказал он с силой и уверенностью, которые я слышала не впервые.

Я задумалась над этим.

— Тогда что я видела? Хочешь сказать, что я сумасшедшая?

Он вздохнул и опустил голову, качая ею.

— Что? — возмутилась я. — Это правильный вопрос. Я кого-то видела. И я это знаю. Ты говоришь, что этого не было. Что тогда я видела?

— Не знаю.

— Призрака, — сказала я ему.

— Какого призрака? — спросил он и посмотрел на меня. — На чертовом острове не было детей.

— Но была женщина.

— Да, и?

— Она умерла, — тихо сказала я, и мне стало очень жаль ее, будто я говорила о ком-то, кого знаю.

— Знаю, — сказал он. — Читал об этом. Она умерла от пневмонии, не прожив и года на острове. Ребенка не было. Только прокаженные, гробы, опиум и религиозный идиот, который решил, что может ослабить их страдания, а сделал все только хуже.

До этой части я не дочитала, так что не очень поняла Декса. Но спрашивать не хотелось. И говорили мы не о том. Я видела ее. Был это призрак или ребенок, но что-то

утопилось на пляже, и понимание этого проникало медленно в мое тело. Подступали слезы, я устала, была печальна и очень растеряна.

Декс тоже это увидел, его вздох прозвучал мягче, он подвинулся ко мне. Он положил холодную ладонь на мой лоб и держал ее там, глядя мне в глаза.

— Отдохни немного. Я согреюсь и высохну. И что-то поищу из еды. Выпьем кофе. Поспим и согреемся. Ты высохнешь, и мы поговорим об этом, ладно?

Я не могла согласиться. Он опустил голову ко мне. Я видела желтые и красные крапинки в его карих глазах.

— Здесь никого нет. Если ты что и видела, Перри, то это был призрак. Это не радует, знаю, но не думай, что там утонул настоящий ребенок. Этого не было. Думаю, ты это понимаешь.

Он нежно убрал прядь волос с моего лба и улыбнулся, не показывая зубы. А потом он взял свои вещи и вышел из палатки, оставив меня с мыслями, что были то тревожными, то абсолютно пустыми.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:

— Уверен, что не считаешь меня безумной? — спросила я у Декса. — Потому что смотришь ты на меня, будто я такая и есть.

Мы сидели за столом и ели лапшу из банок и пили кофе. Я поспала час или чуть больше. Усталость от эмоций и переохлаждение отключили меня сразу. Теперь мне было лучше, я была в теплых и сухих вещах, но обсуждение случившегося с Дексом не помогало. На его лице было недоверие, плохо скрытое, хоть я и пыталась подробно описать увиденное.

— Я не думаю, что ты безумна. Просто пытаюсь понять, что происходит.

— В книгах ничего не было о ребенке на острове, но кто знает? Ребенок мог быть прокаженным? Может, одного прогнали сюда, но никому не сказали.

— Ребенок был китайцем?

— Нет. Не был похож, — она была светлой и с большими голубыми глазами. Большими и испуганными. — Ну, — задумчиво сказала я, — а если она умерла не в то время?

— Возможно, — сказал он. — Все возможно.

— Я погуглю. Дай телефон, — я протянула руку.

Вспышка страха возникла на лице Декса. Он заволновался.

— Прости. Я, ох, оставил его на борту.

— Что?! — завопила я, чуть не усеяв все лапшой. — Что он там делает?!

— Ого, успокойся.

— Успокоиться?! Как это понимать, Декс?!

Казалось, я превращусь в Халка. Сердце колотилось, кости напряглись от гнева и раздражения.

— Я думал, так будет лучше для тебя... — начал он. Не нужно было, чтобы он заканчивал.

— Черт! — закричала я и встала, стол пошатнулся. Я бросила стакан с лапшой под ближайшее дерево. Он разбился о влажный ствол. Фейерверк кипятка и лапши разлетелся в стороны, упал на кусты.

Я смотрела на Декса. Он сидел неподвижно, как статуя. Его глаза были огромными, он прикусил нижнюю губу. Пальцы его правой руки подрагивали.

Я разрывалась между деланием успокоиться и желанием буйствовать из-за этого.

— С чего, черт возьми, ты начал принимать за меня такие решения?! У меня уже есть один отец! Мне не нужно опеки от такого лицемера, как ты!

— Лицемер? — тихо спросил он.

— Ты не имел права! — сказала я, не слушая его. — Ты отведешь меня туда, и я заберу свой телефон, понял? — я оперлась о стол и указала на него пальцем, пристально глядя на него. Сердце билось в горле.

Он сглотнул и быстро кивнул.

— Хорошо.

Он встал и пошел по дороге. Он не собирался мешкать.

— Хорошо, — сказала я, голос чуть подрагивал. Я заметила, что мои ладони сжаты в злые кулачки. Я не знала, что на меня нашло. Но это сработало. Может, Декс все понял. Я не хотела, чтобы меня опекал тот, кто не знал половину времени, что со мной. Это бесило в нем больше всего: его мнение, что из-за того, что он старше, или я глупее, он знал, как лучше. Порой так и было. Но не в том дело.

Я шла за ним почти весь путь по лесу. Я была слишком раздражена, чтобы бояться ощущения пустоты или теней, что отбрасывали на землю качающиеся трещащие деревья.

Декс все время курил, сигарету за сигаретой, бросая окурки в кусты. Я мысленно напомнила себе потом собрать их, но знала, что этого не будет. И в такую погоду лес вряд ли загорится.

Мы добрались до жуткой поляны, я поняла, что иду быстрее, когда оказалась у спины Декса.

— Ты видел тут енотов, когда проходил? — спросила я, мой голос заставил его вздрогнуть в странной тишине вокруг нас. Ветер не добирался сюда. Мы словно были в другом мире изо мха, скользкой коры и гниющих листьев.

Он покачал головой.

— Нет, но я быстро тут проходил.

Я его не винила. Я уже боялась, хоть была не одна.

Мы шли в тишине, оставив поляну позади. Чем ближе мы были к другой стороне острова, тем сильнее становились ветер и холод. Мои волосы все еще были влажными после воды, от этого было холоднее. Может, так мне грозит смерть от пневмонии. Я сунула руки глубже в карманы куртки и подняла плечи, чтобы согреть шею.

Мы повернули направо, когда пришли к протоптанной тропе, что вела к восточному берегу. Я смотрела сквозь колышущиеся ветви, за ними было видно проблески бушующих волн. Сначала я не увидела судно. И мне стало не по себе.

Но мы шли дальше, вокруг раскинулся пляж, и я увидела его. Судно содрогалось от ударов бесцветных волн, канаты натянулись.

— Выглядит так, словно она вот-вот оторвется, — сказала я Дексу, мы осторожно шли по извилистой тропе, а потом по скользкой гальке пляжа. Ветер здесь был режущим, бил беспрерывно. Он отбросил наши капюшоны и спутал мои волосы за секунды.

— Знаю. Я дважды проверил канат и якорь. Все должно быть в порядке.

Увидев порывы волн и брызги, я пожалела, что захотела вернуть телефон. Плыть к судну на лодке будет сложно. Декс остановился впереди меня, глядя туда. И думал он, наверное, о том же.

Я посмотрела на «Зодиак» высоко на пляже. И поняла, почему он туда глядел. Лодка

сползла ниже, понтоны сильно сдулись и напоминали раздавленные буханки хлеба.

— О, черт! Нет, нет, нет, нет, — закричал Декс и побежал туда. Я следовала за ним.

Он добрался до лодки и надавил на мокрые понтоны. Они просели еще ниже от его веса, отовсюду слышалось шипение.

— Лодку еще можно использовать? — с надеждой спросила я, стараясь подавить панику, что закипала внутри.

Он промолчал. Он забрался на борт и склонился, разглядывая дно, давил рукой. Ему не нужно было ничего говорить. Я видела, что все пропало. «Зодиак» потонет, как камень.

И теперь паника поднималась быстрее. Я прижала ладони к вискам и пыталась сохранять спокойствие. Все покачивалось, мир шатался, словно его толкали бесконечные волны, что разбивались неподалеку. Я закрыла глаза и дышала глубоко носом, зная, что паническая атака до добра не доведет.

Но причин для паники, когда застреваешь на острове с призраками и в бурю, хватало.

— Черт, нет.

Я открыла глаза, пошатнулась и взглянула на Декса. Он с недоверием смотрел на меня.

— Нас подставили, — мрачно сказал он.

— Что?!

Он указал на левый и правый понтоны в задней части лодки. Я шагнула на борт к нему и опустилась на колени. На каждом были одинаковые порезы с полфута длиной.

— А... могут быть другие варианты?

— Нет. Я недавно использовал лодку. Этого не было.

— Может, оборудование...?

— Перри, нет, — он уставился на меня так, словно я задала тупейший вопрос в мире. — Дело не в оборудовании. Когда я вытащил груз, загрузил материал, я вернулся сюда. Я доплыл до берега. Если бы лодка стала такой, пока я был в воде, я бы живым не доплыл.

Я провела пальцами по разрезу. Ткань была крепкой и толстой. Края дыры были зубчатыми, словно кто-то использовал нож. Я сказала об этом Дексу.

— Знаю. Но кто бы это сделал? Кто здесь?

Я повернула голову на него. Наши лица разделяли дюймы. Он был ближе к панике, чем я, на вид. Я хотела сказать о том, как он сам настаивал раньше, что на острове никого нет, но знала, что лучше не давить. Я легко выходила из себя сегодня, он тоже был на грани.

Я встала и посмотрела на «Мэри вопреки», покачивающуюся на волнах. На «Зодиаке» до нее плыть было быстро, но самим к ней попасть не вышло бы.

— Что делать? — вслух спросила я у себя.

— Придется прочесать остров, — сказал он с решительным видом.

— Прочесать остров? С ума сошел?

— Нужно найти тех, кто это сделал.

— Найти тех, кто это сделал? Ты себя Чарльзом Бронсоном возомнил? — спросила я.

Он пренебрежительно посмотрел на меня и сошел на пляж. Он пошел к лесу.

— Куда ты идешь, черт возьми?! — закричала я ему вслед.

Он не ответил и не остановился, и я побежала за ним. Я чуть не свалилась с камней, когда меня ударил порыв ледяного ветра. Я успела схватиться за его руку и изо всех сил потянула.

— Декс, прошу, остановись. Поговори со мной...

Он закатил глаза и попытался вырваться. Я держала его двумя руками.

— Нет смысла стоять тут и обдумывать, — сказал он.

— Нет смысла? Декс, мы не можем... Допустим, мы найдем людей, которые это сделали... А потом? Какой план? Обвинить их? Они порезали «Зодиак», у них точно есть нож.

— У нас есть нож. И сигнальный пистолет.

Я отпустила его руку и прижала ладони к голове, пытаюсь понять его слова.

— Ох, помедленнее. Это безумие. Слушай, мы не можем начать войну в стиле «Повелителя мух». Не помнишь, чем закончилась книга? Не стоит стрелять этим в людей!

— А что ты предлагаешь делать, когда у нас будут ответы? — оскалился он.

— Я не сказала, что у меня есть ответы! Я просто хотела, чтобы ты, мы подумали об этом. Минутку. Дай мне минутку.

— Говорить можно и на ходу.

— Нет. Мы поговорим здесь, потому что тут открыто и все видно.

Он промолчал. Я отвернулась от него и пошла к берегу.

Мы потеряли единственный способ добраться до судна. Нам нужно придумывать, как попасть туда, а не обыскивать остров. Плевать на шоу, мы были в опасности. Я не знала, что за люди могут оказаться на острове, но понимала, что к добру это не приведет.

Я оглянулась на Декса, он тоже выглядел задумчиво.

— Позвони Биллу. Береговой охране. Нам нужна помощь, — приказала я. — Твой телефон ведь у тебя?

Он кивнул и с вздохом вытащил его. Он покачал головой и обреченно вздохнул.

— Нет связи.

— Шутишь?!

Я подошла к нему и посмотрела на телефон. Сверху было написано «Нет сигнала». Ну, спасибо.

— Будем пробовать. Где-то связь быть должна. У лагеря она работала неплохо.

Он покачал головой.

— Все это время у меня не было сигнала.

— И ты не пытался звонить Джен или еще кому-то?

Да, из-за ребенка она пришла мне в голову сразу.

— Я пытался. Сигнала не было.

— О, как же хорошо, что ты оставил единственный работающий телефон на борту там! — сказала я, махнув в сторону судна.

— Эй, не я виноват! — заорал он в ответ. — Я бы не забрал туда телефон, если бы ты вытащила голову из облаков и начала думать о том, что важно.

Я раскрыла рот.

— Что?! Думаешь, я не знаю, что важно? Я думала, что связь через телефон с внешним миром важна! Похоже, я была права!

Он отмахнулся.

— Я не буду спорить об этом. Я найду козлов, что порезали понтоны, а потом мы поймем, что делать.

Он пошел в лес. Мне хотелось схватить ближайший камень и бросить в него, как я швырнула банку с лапшой.

Я оглянулась на судно и мысленно помолилась, чтобы канаты и якорь выдержали. Звон цепей было слышно в шуме погоды, от этого казалось, что жуткое морское чудище

скрывается под водой, лениво обхватывает судно. Судно было единственным способом уплыть. Если погода наладится, если на нас не нападут из засады ребята с ножом, то, может, хоть кто-то из нас доплывет туда. Но, учитывая холодную воду, вариант был не лучшим.

Декс уже шел и собирался поворачивать по тропе, что огибала остров, когда я догнала его. Эта скотина даже не замедлилась и не подождала меня. Прекрасно, если учесть, что на острове могли быть безумцы.

Я шла за ним, ничего не говоря. Мертвую часть (мертвое сердце) мы миновали без происшествий, хотя мы оба были особо напряжены, зная, что беспокоиться нужно не только о животных.

В лагере Декс быстро нашел сигнальный пистолет и охотничий нож. Я думала, что нож для готовки, но Декс был подготовлен лучше меня. Он захватил пистолет из ящика на борту, когда мы впервые покидали судно.

— Ты подумал, что он нам потребуется? — спросила я, когда он осмотрел его и спрятал в карман.

— Всякое бывает, — сказал он сухо и вложил нож мне в руку. — Это тебе. Предлагаю разделиться.

Я потеряла дар речи. Я посмотрела на нож в руке, сталь блестела, напоминая океан, бушующий вокруг нас. С Дексом точно что-то было не так. На острове точно нельзя было разделяться. Ему было плевать на меня? Он не видел, что случилось, стоило ему уйти? Я чуть не утонула.

— Ты сошел с ума, — тихо сказала я. — Даже не знаю, с чего начать объяснение.

— Я бы дал тебе пистолет, если бы знал, что ты умеешь его использовать.

— Вообще-то, умею, — процедила я. — Я ходила на уроки. И настоящим пистолетом тоже стреляла. Хорошо стреляла. Но не важно. Мы не разделимся. Даже если ты попытаешься ускользнуть, я буду за тобой. Не нравится, можешь выстрелить в меня!

Последние слова я выдавила так, словно они были раздавленным аспирином.

Его взгляд на миг смягчился. Может, до него дошло.

— Не надо так.

— Как? — прорычала я. — Я в шоке от того, что ты подумал, что я пойду одна с ножом против неизвестно чего. Это больно и обидно. Прекрасно узнать, что ты ни во что не ставишь мою жизнь. Seriously!

Что-то странное происходило между нами. Я не понимала, что это. Это появилось за последние пару дней, странная враждебность вкупе с напряжением. Пребывание на острове все ухудшало. Я злилась сильнее и управляла собой хуже обычного последние дни, и он вел себя бессердечнее прежнего.

Я хотела смотреть на него с напряжением, но пришлось расслабиться. Стоило мне сделать это, как и он расслабился. Может, это было по-девичьи, но я знала, что когда чувствовала себя уязвимой, он часто вставал на защиту. Порой это не работало, но в этот раз, похоже, получилось.

Он шагнул ко мне и притянул меня к себе. Он обвил меня руками, куртки шуршали друг о друга. Я обвила его пояс, помня о ноже в руке, и прижалась щекой к его груди. Он уткнулся подбородком в мою голову и вздохнул, управляя собой.

— Прости, — прошептал он хрипло, но искренне.

— Все хорошо.

Он обнимал меня. Я слушала его сердце, а оно замедляло безумный танец.

— Я не хотел так себя вести. Не знаю, что нашло. Просто... это место. Все это. Джен Погода. Остров. Вся эта фигня. Ты...

— Я? — спросила я, прижимаясь головой к нему, наслаждаясь теплом.

— Ага, — сказал он после паузы. — Что-то в тебе... не знаю. Ты словно играешь. Может, нет. Сложно объяснить.

Я взглянула на него. Его губы были близко. Я боялась того, что сделаю, если мы продолжим так стоять.

Он обхватил мое лицо своими успокаивающими руками и взгляделся в меня. Мое сердце трепыхалось, нервы пылали. Мне это нравилось и не нравилось. Не нравилось, что он так со мной делал, но я любила его. Ненавидела свои чувства, но... любила его. Ненавидела, что он мог просто посмотреть на меня, и я не могла думать ни о чем другом.

— Я все еще я, — выдавила я.

— Знаю. Но ты ведешь себя... страннее обычного.

— Ты меня обвиняешь? — прошептала я, понимая, как близко наши губы.

— Нет. Не могу, — сказал он. Я ощущала давление его пальцев на щеках. — Боюсь, дело в этом месте. Что-то здесь есть. Как и везде, куда мы приходим. Ты чуть не утонула. Мы не знаем, что там было, что ты видела, но ты чуть не погибла, и я не хочу... чтобы это... повторилось.

— И ты хотел разделиться... — я прижалась к нему.

— Прости. Я не подумал. Нет. Конечно, я не хочу, чтобы мы разделились. Иначе я прибежал бы к тебе через пару секунд. Я не такой. Я не смог бы. Я оберегаю тебя, да? Не забывай. Я тебя не подведу.

Я кивнула. Почему-то я не была убеждена.

Он большими пальцами вытер тушь под моими глазами и слабо улыбнулся.

— Я не буду делать ничего безумного, не бойся. Просто хочу, чтобы мы были вооружены, на всякий случай. Мы не пойдем сами к этим людям, даже если обнаружим их. Просто хочу знать, с чем мы столкнулись.

Я кивнула. Щеки согрелись от его рук. От этого я поняла, как моя открытая кожа постоянно мерзла последние сутки.

Он смотрел на меня. Его глаза были бездонными, смесью всего, что я так хотела прочитать. Это было невыносимо. Расстояние между нами не изменилось. Я не знала, чего он хотел. Если он хотел поцеловать, так, черт возьми, целуй уже. Сделай это раньше меня. Я была слишком вспыльчивой.

Может, он это понял, потому что его лицо оказалось еще ближе. Между нами не было пространства, оно быстро исчезло. Жар исходил от его губ и шеи. Мои глаза невольно закрывались, все внутри дрожало.

А потом его взгляд дрогнул. Сомнения. Он отстранился и убрал от меня руки.

Чары пропали.

— Идем? — спросил он, как ни в чем ни бывало.

Но что-то могло произойти, и это было важно, но он старался не замечать. Может, я все придумала.

Я послала ему смелую улыбку, которую хотела сделать беспечной, под стать ему, и мы снова пошли в лес. Я старалась отогнать неловкость.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

Декс решил, что для обыска острова лучше всего обойти его по берегу, хоть таких троп тут и не было, только та, что вела на северо-западную сторону. Это значило, что мы будем много пробиваться сквозь кусты, а в такую погоду и без снаряжения это будет сложно.

Мы начали с оставшихся лагерей, что были чуть поодаль от нашего. В нормальный солнечный день полянка была бы отличным местом для небольшой группы. Там было три участка из гравия, два стола и трава, смешанная со мхом.

Но сегодня это выглядело жутко, хоть и рядом с лагерем. Столы словно прогнили, они были покрыты черной слизью и мхом. Трава под ногами тонула в грязи, вокруг нас виднелись груды камней. Мы знали, что это были могилы. Я не понимала, как люди могли проживать рядом с самодельными могилами. Может, им было все равно.

После лагеря мы пробрались глубже в лес. Там было небольшое болото с ключом подземных вод, что служил единственным источником воды для прокаженных. Нам с Дексом повезло набрать дождевой воды, что падала каждый час, иначе нам пришлось бы пить воду из болота. Коричневые сорняки росли из грязи, сломанные висящие серые ветки окружали болото, как клетка, и в этом месте вероятнее было обнаружить яд, а не воду.

Мы были рады уйти оттуда. Мы вернулись на пляж, хоть ориентироваться становилось все сложнее, чем дальше мы уходили от лагеря. У меня был глупый нож, пока я пыталась пробиться сквозь густые кусты. Сначала я пыталась резать им, как мачете, словно я шла по джунглям, но после пары тщетных попыток и порезанного пальца я сдалась.

Если мы не боролись с кустами, мы взбирались по большим камням, что обрамляли берег. С моим равновесием и ловкостью, а еще с ножом в мече, я замедляла нас.

Декс остановился на вершине булыжника, покрытого красным мхом и птичьим пометом, и нетерпеливо взглянул на меня.

— Ты идешь? — спросил он. По его тону казалось, что ему все равно.

Я прищурилась и помахала ножом.

— Попробуй сам с ножом в руке.

Он сел на камень и протянул руку за ножом. Я отдала его ему, и он схватил меня за руку и помог подняться, из-под моих ботинок падали мокрые от дождя камешки.

На вершине камня я легла на минуту, и дождь падал мне на лицо, а я глубоко дышала. Я промокла, замерзла и чувствовала себя жалко. Мы шли полчаса, густой туман был в нескольких ярдах от берега, и было сложно понять, в какую сторону мы идем. Не было видно острова Сидней, как и маленький Дарси. Это сбивало.

Больше всего злило, что я не могла сдаться и вернуться в лагерь. Нужно было идти.

Декс взглянул на меня, его голова мешала дождю попасть мне на глаза. Капли приятно стучали по его капюшону.

— Переводи дыхание. Нам пора. Не хочу, чтобы стемнело, пока мы здесь.

Я кивнула и глубоко вдохнула. У нас были фонари, но он был прав. Я не хотела остаться ночью в лесу в поисках людей, которые ждали нас или не ждали.

Он поднялся на ноги и взял меня за руку. Он потянул меня, мои ботинки разъезжались. Стоило мне подняться на ноги в неловкой манере, его левая нога выскользнула из-под него, и он полетел спиной вперед с камня.

Я закричала, потянувшись за ним, но тоже упала, вот только на живот и на камень.

— Декс! — закричала я, придвинулась и посмотрела вниз. Он упал с восьми футов и лежал внизу, согнувшись. Он был потрепан. Черт, только бы не сломал ничего. Иначе у нас

еще большие проблемы.

Он застонал и посмотрел на меня.

— Я в порядке.

— Как? Уверен?

Он кивнул и сел. Он обхватил руками голову.

— Ай.

— Черт, ты не в порядке.

Я осторожно развернулась, чтобы смотреть в другую сторону и попыталась спуститься к нему как можно осторожнее.

— Стой! — закричал он.

Я замерла, свисая с булыжника, ноги раскачивались, руки едва держались за скользкую поверхность.

— Подвинься влево.

Я съехала левее, и тут мои руки соскользнули.

Я приземлилась на ноги, но тут же упала, и острые камни вонзились в мою задницу, локти и спину.

Теперь уже ругалась и стонала я. Почему я все время такая неуклюжая?

Я посмотрела на Декса, а он — на место рядом со мной. Охотничий нож вонзился в землю и торчал лезвием вверх. Если бы он не приказал мне подвинуться влево, я бы упала на него.

Я поежилась, подступала тошнота.

— Ты в порядке? — прокряхтел он, пытаюсь сесть.

— Я спустилась, чтобы задать тебе этот вопрос, — я посмотрела на ладони, они были немного оцарапаны, испачканы кровью и грязью, но ничего страшного видно не было.

— Бывало и хуже у нас, — сказал он и попытался встать. Он замер, опустил голову, темные глаза уставились на что-то у основания булыжника.

— Что там? — спросила я, пытаюсь увидеть.

Он медленно поднялся на ноги, пытаюсь не кривиться, и сделал несколько шагов к камню, где впадина образовала небольшую темную пещеру. Он протянул туда руки, и они исчезли у меня из виду.

Когда он вытащил их, в руках был старый и мокрый башмак. Мужской, небольшой, коричневый и изношенный. Мы с любопытством переглянулись. Думаю, найти башмак не так и странно, но...

Он покрутил башмак в руках.

Его глаза расширились, он в ужасе вскрикнул, отбросил с отвращением башмак и отшатнулся от него в панике.

Я инстинктивно вскочила, с трудом совладав с ногами и, шатаясь, подошла к нему. Я вцепилась в его куртку.

Его руки закрывали рот, его словно мутило.

— Что?! Что там? — закричала я, не желая приближаться.

Он закрыл глаза и попытался совладать с собой. Я обвила его рукой, чтобы он знал, что я здесь. Через пару вдохов он открыл глаза, медленно покачал головой, глядя с недоверием на башмак. Кожа его побелела. Щетина на его щеках торчала, как темные колючки на белом песке пляжа.

— В том башмаке была нога, — выдавил он.

— Что? — я зажала руками рот. Он шутил.

— Человеческая нога была в том башмаке.

— О боже, — сказала я, отвернувшись и попыталась сохранить спокойствие. — Но как?

Откуда там нога? Кто-то ее отрезал?

— Не знаю. Может, отвалилась.

— Декс, — возмутилась я и с отвращением посмотрела на него. Он едва заметно тряхнул плечами, он все еще был бледным.

— Прокаженные, — сухо сказал он.

— У них не отпадали ноги. Они теряли ощущения в ногах и руках, но это совсем другое. И той ноге не может быть сотня лет!

— Ты ее видела? — спросил он, краем глаза взглянув на меня.

Я не хотела видеть ногу. Да, часть меня хотела посмотреть, та же часть, что замедлялась при виде аварий, чтобы увидеть мертвого, но я знала, что если от вида Дексу чуть не стало плохо, то со мной будет еще хуже. Я от одной мысли могла довести себя до тошноты.

— Не нравится это говорить, но нам стоит идти дальше, — сказала я, глядя на движущийся туман, что оказался ближе. Я хотела оказаться как можно дальше от ноги, даже если для этого пришлось бы бесцельно идти по острову.

Декс согласился, забрал нож, застрявший в опасном положении, и мы вернулись на тропу, оставшиеся камни перелезли в тишине, думая о чертовой ноге в башмаке. Я не знала, о чем думал Декс, но в этот раз он ее увидел, он хоть раз что-то увидел. Башмаку могло быть сто лет, а могло быть и несколько, ведь море и погода изнашивали вещи быстро. Это могла быть нога прокаженного, а могла быть нога убитого, а то и оказаться останками утопленника, которого вынесло на берег. Может, на берегу часто появлялись ноги. Я не хотела об этом думать.

У нас были другие проблемы, например, путь через лес, где нас окружали темные сосны и выющая земляника. Чешуйчатая красная кора напоминала мне обожженную кожу мертвых. Мы прошли выступающую часть острова и направились к другому побережью, волны теперь разбивались о сушу справа от нас. После утомительного похода среди зарослей мои пальцы замерзли, были в царапинах после отталкивания колючих кустов. Мы вернулись на знакомый участок, откуда тропа вела к открытой местности, было видно покачивающееся судно.

Оно было на месте, хорошо. Я хотела все бросить и поплыть туда. Мы остановились у пляжа и смотрели, как она качается на волнах. Декс понял, о чем я думаю.

— Завтра, — сказал он, — если погода наладится, я попробую доплыть.

Мне это не нравилось, но выбора могло не быть. Если у нас вообще был выбор. Хорошо еще, что если бы нас хотели запереть здесь, они забрали бы судно, а не лодку. Но парусное судно было здесь, и этот вариант казался маловероятным.

Мы шли по тропе, пока не добрались до поворота к мертвому сердцу и лагерю. Но мы не повернули налево, а пошли дальше. Тут я еще не была. Тропа стала шире и порой напоминала протоптанную дорогу в городском парке.

— Ты уже тут был? — спросила я Декса. Он сказал, что нет.

Деревьев вокруг нас становилось все меньше. Если бы не туман, отсюда открывался бы хороший вид. Справа выступали в море утесы, и разглядеть пейзаж удалось бы хорошо.

Первым сюрпризом оказалось то, что должно было быть домиком зрителя. От него ничего не осталось, кроме бетонных блоков, что могли быть фундаментом, и бетонной

лестницы, что вела в никуда. Теперь здесь жили выющиеся растения, покачивающиеся от ветра.

Вокруг дома была странная местность, воздух казался тяжелым, словно туман с берега давил на нас невидимой рукой. Я думала о том, что за история могла быть связана с развалинами, о холоде, что постоянно проникал под якобы водонепроницаемую куртку, и боли в костях и суставах, но для бедных людей, которых бросили здесь, таким был каждый день.

Декс окинул местность взглядом. Или ему было все равно, или он испугался не меньше меня. Мы прошли еще дальше, пока не оказались у развалин.

Половина дома еще стояла. Этажей или комнат не было, лишь две бетонные стены, образующие угол среди спутанных лоз и разросшихся сорняков, что заняли руины.

Посреди здания стояло земляничное дерево, природа одолела человечество. Остальная часть развалин была камнями и их обломками, покрытыми темно-зеленым мхом. И все же след людей тут остался в виде многочисленных граффити на стенах. Инициалы возлюбленных, ругательства и надписи фанатов.

Я стояла с Дексом и смотрела на зловещие руины, и, наверное, мы оба были рады увидеть нечто такое привычное и современное, как глупое граффити. В другой ситуации я бы возмутилась, что дети испортили исторический памятник, но сейчас это успокаивало. Снаружи был другой мир, мир современных людей, живущих своими жизнями. Мир, откуда порой сбегали подростки на этот заброшенный остров, чтобы заняться сексом вдали от родителей, выпить и разрисовать развалины, до которых никому не было дела.

— О чем думаешь? — спросил Декс. Мы стояли перед домом и долго смотрели на него в тишине.

— Это жутко, но успокаивает. Одновременно.

Он взглянул туда, где меж деревьями хорошо виднелись волны и туман, похожий на ванильную сахарную вату.

— Неплохой вид отсюда открывался для зрителя. Дома за такое попросили бы много денег.

Да. Но это место продать не удалось бы. Вид был хорошим, но придется жить на острове с призраками прокаженных.

— Жаль я не взял «Супер 8», — возмутился он и пошел вдоль развалин. Я приближаться не хотела. Все же здесь было жутко. Но в этот день я чуть не утонула, наша лодка оказалась дырявой, мы нашли на пляже ногу, и теперь уже было не удивительно, что все казалось жутким.

Он завернул за угол стены и исчез из виду. Я знала, что он там, в паре ярдов, но ощутила холодок, словно ледяной ветер пробрался в меня.

— Хи-хи-хи.

Смех девочки.

Я развернулась и оглянулась на лес.

Шелестели листья, хрустели от легких шагов ветки. Но там ничего не было. Я ничего не видела.

Я прислушалась. Других звуков не было. Даже шума от Декса. Я хотела позвать его, но слышала треск.

Я оглянулась и увидела край белой рубашки, исчезающей за стеной, куда ушел Декс.

— Декс! — завопила я и побежала. Я завернула за угол, но ничего не увидела. Где он?

Я бежала и была готова повернуть снова, туда, где сухие лозы закрыли стены в трещинах, когда появился Декс. Я затормозила, чуть не врезалась в него. Он остановил меня рукой.

— Что такое? — спросил он.

— Ты это слышал? — спросила я, едва дыша.

— Что?

— Смех. Девочка смеялась, и я увидела ее, а она побежала к тебе.

Я видела сомнение на его лице, а потом тревогу, когда он нахмурился. Он крепче сжал мое плечо.

— Я ничего не видел и не слышал, Перри.

Конечно. Я криво улыбнулась.

— Значит, я схожу с ума! — я чувствовала себя крохотной. Может, так и было. Но если я не сходила с ума, то хотелось бы знать, что та девочка еще жива, а не мертва.

Я знала, что Декс разглядывает меня, как ученый, так что отмахнулась.

— Ладно, может, ты не заметил. Может, уже хватит тут задерживаться? Я замерзаю.

Мы пошли по тропе и оставили развалины позади. Вот только тропа привела нас к кустам, и нам пришлось перешагивать корни и тонуть в грязи остаток пути. Порой мы видели красивые пляжи или пейзажи, но из-за тумана ничто уже не казалось приятным. Вчерашний день для похода подходил больше. Но вчера все было совсем по-другому. Казалось, что и на хоккей, и, черт, в стрип-клуб мы ходили несколько лет назад, и вообще это было с другими людьми. Прошло около 30 часов, а вся моя жизнь превратилась в дождь, холод и туман, да еще и эта нога...

Мы добрались до южного края острова и вскоре направились на восток. Кроме той девочки, мы ни с кем не пересекались. Декс отметил, что это лишь периметр, люди могли скрываться в центре.

Я сомневалась в этом. Не было никаких признаков людей на острове. Судно оставалось на месте, мы пробрались через заросли и увидели свою палатку, сияющую синим брезентом, словно маяк. Если бы кто-то хотел навредить нам, они бы уже что-то сделали, да? Украли бы судно или разрушили палатку. А то и хуже.

К сожалению, на этом поход не закончился. Декс решительно настроился найти вредителей, и он заставил нас пойти в место, что мы упустили. В мертвое сердце острова.

Темнело. Тучи чернели на вершинах, значит, было около четырех часов вечера. Где-то через час начнет садиться незримое солнце.

Но Декс не сдавался, а у меня болели ноги от ходьбы, а кости и руки — после падения, но я не была настолько храброй, чтобы ждать в одиночестве в лагере. И мы шли вглубь, где росли старинные папоротники, где царил полумрак из-за сплетенных ветвей.

Хотя это была его идея, я видела, что Декс опасается идти в центр. Он остановился на тропе и быстро вручил мне нож «на хранение».

Мы добрались до конца тропы и развернулись. Там ничего не было. Ни енотов, ни вредителей, ни девочки. Только висячий мох, гнилые пни, ковер из серых влажных листьев и запах гнили.

Мы шли, ускорив шаг, спеша уйти. Декс посмотрел на меня и улыбнулся:

— Зато ты отвлеклась от комментариев в блоге.

Он был прав. Улыбнуться я не смогла, но стало проще, ведь я боялась из-за реальной опасности.

Он посмотрел на указатель на дереве, что мы миновали, и нахмурился.

— Не помню это дерево.

Мы остановились, я оглянулась. Дерево выглядело так же, как и остальные здесь. Слизкая чешуйчатая кора с бороатым мхом и каплями дождя. Зарубка сбоку открывала, что внутри ствол был белым. Казалось, что кто-то ударил пару раз топором и сдался. Он был прав. Я не видела этого дерева раньше. Но не знала, как это понимать.

Я посмотрела на него, думая, что сказать.

— Не знаю.

Он прикусил губу и полез в карман. Он вытащил пачку сигарет. Она была пустой. Он смял упаковку и бросил на землю.

— Серьезно, Декс? Мусоришь? — я склонилась, но он не дал мне ее поднять.

— Пусть пока полежит.

Он вытащил пачку жвачки «Никоретте» и бросил в рот две подушечки. И пожал плечами.

— Почти пришли.

Я взглянула на него, но мы продолжили путь. Он указал в сторону и пошел туда. Там не было тропы, но я последовала за ним. Я не знала, оставил ли он мусор намеренно, или просто хотел показать упрямство. И все же...

— Черт! — закричал Декс. Я повернула голову и успела увидеть, как он срывается с места и мчится к тропе, словно скаковая лошадь.

Я опомнилась через две секунды и быстро побежала за ним, стараясь не потерять его из виду среди толстых стволов деревьев.

— Куда ты?! — завопила я вслед, уже задыхаясь.

— Там кто-то есть. Они бежали! — крикнул он через плечо, часть слов заглушили деревья. Он бежал дальше.

Я сжала рукоять ножа крепче и пыталась догнать его, но не могла сравниться с его длинными и ловкими ногами. Вскоре я потеряла его из виду, не было слышно и его дыхания и топота.

Я перестала бежать и растерялась.

— Декс! — закричала я. И подождала.

Закричала снова. Без толку.

Я осталась одна в лесу, в худшей части острова. В фильме я бы дальше искала Декса и заблудилась бы сильнее. У меня с собой хотя бы был нож. Я была вооружена. Но частичка разума в голове, несмотря на холод и голод, оставалась.

Я вспомнила фильм, что видела в средней школе. Он был из цикла поучительных, типа, почему не стоит играть с фейерверком, и в таком ключе. И там было видел из лес у Портленда о потерявшемся парне. Советовали оставаться на месте и сжаться, чтобы сохранять тепло. У мальчика были с собой батончики из мюсли, что подпитывали его, я помнила розовую упаковку до сих пор.

А еще помнила, как он сжался внутри пустого бревна, пока его не нашли спасатели на следующий день. У меня не было припасов, зато вокруг было полно бревен для укрытия, но я бы в них не полезла. Если Декс пойдет обратно, то может выбрать другой путь. И тут спасателей не было.

И я решила пойти обратно, отыскать тропу как можно быстрее. Я знала, что она приведет меня к лагерю, а там мы точно нашли бы друг друга. Если я смогу вернуться, то и

он объявится.

Я поспешила по тропе, понимая, что Декс сейчас что-то преследует, а что-то другое может следить за мной из мертвых деревьев. Я быстро миновала брошенную упаковку от сигарет и подняла ее. Лучше сунуть ее в трещину в дереве, чем бросать на землю.

Я посмотрела на дерево и снова увидела на нем зарубки.

Но указателя там не было.

Я застыла. Вернулась к дереву. Пару минут назад красно-белый круг, отмечающий путь, был на дереве. Теперь его не было. Как и не было на земле или на другой части дерева. Он просто исчез, словно кто-то снял указатель с дерева и унес.

Мое дыхание стало быстрым. Голова потяжелела, все закружилось. После случившегося сегодня я не была удивлена панической атаке. Но, черт, я не хотела испытывать это в одиночестве в этом гиблом месте.

— Думай, Перри, думай, — сказала я себе. Голос было слышно. И я смутилась, такая перемена эмоций даже радовала.

На дереве был указатель раньше, указывающий на тропу. Но где следующий указатель? Куда вела тропа? Земля была мокрой, всюду ее покрывали обломки, в какую сторону ни иди. Деревья стояли так, что можно было легко представить миллион троп, проходящих через них в миллион разных направлений. Без указателей можно было заблудиться, и я впервые не видела ни одного знака.

— Черт, — тихо выругалась я. Если идти вперед нельзя, стоит вернуться. Берег и судно были в десяти минутах ходьбы. Это не лагерь, но и не худший вариант, а там «Зодиак» мог стать мне укрытием.

Часть меня хотела сесть на ближайший пенек и реветь. Я заблудилась, Декс куда-то убежал, преследуя что-то, и мы застряли здесь. А мои родители и сестра не знали, что тут происходит, и уже извелись от тревоги. В моей груди постоянно присутствовал необъяснимый страх, что я могу не увидеть их снова.

Может, Декс выстрелит из сигнального пистолета, чтобы дать понять мне, где он. Это меня приободрило, и я была готова идти к западному берегу и судну.

Я глубоко вдохнула и направилась в ту сторону.

И замерла. Затрещали обломки веток, медленно передвигались ноги, словно кто-то не хотел, чтобы его слышали в тихом лесу.

Кто-то был за мной.

И это точно был не Декс.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:

Мои руки и ноги похолодели от страха. Кто-то был за мной. Не Декс. Кто-то живой или мертвый.

Я медленно повернула голову, ожидая увидеть прокаженных или маньяка с топором и головой Декса в руке.

Ничего не было. Только лес.

Может, звук донесся эхом...

ТРЕСК.

Опять.

Я развернулась и насторожилась, готовая биться или бежать, нож дрожал в крепкой

хватке.

Вспышка движения появилась между деревьев впереди.

Я шагнула вперед, глядя на стволы, словно за ними кто-то прятался. Если кто-то убегал от меня, а не ко мне, то мне лучше идти.

— Кто здесь? — крикнула я, голос дрожал.

Вспышка силуэта. Кто-то отошел от дерева и пробежал справа от меня. Меж деревьев я рассмотрела длинные волосы и какое-то платье. Она была выше меня, это была девушка, а не ребенок.

Я не знала, что делать, но побежала за силуэтом.

Сначала я была быстрее и приблизилась к силуэту, перепрыгивая все время бревна и лужи, ныряя под склонившиеся ветки и хрустя по уже опавшим. Я смотрела на силуэт, пытаюсь разглядеть подробности. Волосы девушки были очень длинными, темными не то от грязи, не то от природы и спутанными. Платье было черным и старинным, в заплатах местами и в дырах. Платье было скромным, с длинными рукавами, высоким воротником и длиной до лодыжек. Я смотрела, как она бежит, и догоняла ее. Я заметила, что длина платья не мешает ей перепрыгивать пни и ручейки. Она словно знала местность.

Я уже могла до нее достать, но она бросилась за большое упавшее дерево, толстая ветка отлетела в мое лицо. Я заслонила лицо руками, но выронила нож и чуть не отлетела назад.

Я подняла нож и прошла дальше, но ее уже не было. Не было никого, а единственным звуком было мое хриплое дыхание.

Пар медленно улетал от моего лица, пока я пыталась перевести дыхание. Тут было светлее, и пар означал, что я недалеко от берега. Я пошла за улетающим паром и увидела небольшую бухту, что мы с Дексом проходили раньше.

Я знала, что осталось лишь пройти дальше, и я вернусь в лагерь. И, может, тогда все будет в порядке.

Я уже собиралась идти туда, но что-то внутри заставило меня заглянуть в бухту.

На маленьком пляже кто-то сидел на бревне. Девушка сидела как статуя, смотрела на бушующие волны, ветер трепал ее волосы. Я пару раз моргнула, чтобы убедиться, что она там. Она посмотрела на меня или в мою сторону, но не двигалась и не выглядела так, словно будет убегать от меня.

Я не хотела кричать на нее. Лишь хотелось понять, что происходит. Я подняла нож повыше, привела в порядок пылающие нервы и пошла по обсыпающемуся краю утеса, пока не оказалась на этом пляже.

Она не двигалась. Она смотрела на океан.

Я медленно приближалась, стараясь постоянно оказываться в поле ее зрения, словно приближалась к лошади. Я шла, понимая, как громко хрустят камешки под моими ногами.

Я остановилась в пяти футах от нее и замерла. Нож был наготове, но я старалась выглядеть не угрожающе. Что-то в ней было робкое, я не хотела ее спугнуть. Осталось лишь любопытство. Кто она? Откуда?

Я стояла там долго, а потом она повернула ко мне голову.

У нее были очки в тонкой оправе, этого я не заметила раньше. На одной из линз была большая трещина. Очки были старыми, такие нынче носили шутки ради. Ее глаза были тусклыми, голубыми и подрагивали. Ее кожа была сухой, бледной и с румянцем, губы потрескались, а волосы были черными. Платье выглядело просто, как и она, и точно не принадлежало этому веку. И от этого в груди появилось беспокойство. Она не была опасной,

если была живой. Мертвые — всегда другое дело.

— Кто ты? — спросила я. Я пыталась звучать властно и уверенно, но мы были почти одного возраста, она была выше, и я не знала, получилось ли у меня.

— Мэри, — просто сказала она. — Он поменял указатели для тебя.

— Кто?

— Как тебя зовут? — спросила она. Ее голос был сдержанным, так говорило высшее общество в классических фильмах.

— Перри, — сказала я.

— Я знала это, — сказала она. — Забавное имя. Мне больше нравится Мадлен.

— Что ты здесь делаешь? Отдыхаешь?

— Я живу здесь, — сказала она, глядя на океан. Я посмотрела на ее ладони. На них словно были следы засохшей крови. На нас постоянно капал дождь, но не размывал эти следы на ее руках.

Я отступила на шаг. Она не заметила. Нужно сосредоточиться и сохранять спокойствие. Действовать так, словно все это пустяк.

— Кто поменял указатели? — спросила я.

— Джон.

— Кто это?

— Мой... друг. Был моим другом.

— Вы оба живете на острове?

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Ее зубы были желтыми, нескольких нижних не хватало.

— Мы живем здесь. И помогаем людям. Ради господ.

И тут я поняла. Может, это Мэри Стюарт, миссионерка?

— Джон — это священник Джон Барретт?

— Ты слышала о нем?

Как ответить? Да, я о вас читала. В книге. Которую написали через сто лет после вашей смерти.

Я сглотнула. Страх покалывал кожу на голове. Может, я сходила с ума. Сколько бы раз я ни видела невозможное, его все равно было сложно принять.

И хоть это было излишним, я выдавила:

— Ты мертва.

Мэри посмотрела мне в глаза через целую линзу. Ее взгляд был таким настоящим, что я ощутила себя глупой и сумасшедшей.

Но она просто сказала:

— Я умерла на 23-й день рождения.

Мои руки задрожали, нож чуть не выпал. Она настороженно посмотрела на него.

— Ты тут охотишься? На оленя?

— Ох, — голос получился сдавленным. — Это для защиты.

— Мудро, — сказала она и похлопала по бревну рядом с собой. — Сядь. Ты явно устала.

Я замешкалась. Приглашение было странным.

— Я тебя не обижу, если ты думаешь об этом, — сказала она.

Я улыбнулась ей и села на бревно, стараясь быть не рядом с ней. Теперь я могла лучше ее рассмотреть. Она была на пару дюймов выше меня, выглядела хрупкой в своем длинном грязном платье. От нее пахло, и это удивляло. Пахло телом и плесенью, от этого мои глаза

слезились.

— Прости мой внешний вид. Я давно не мылась. Порой болото кажется скорее грязным, чем чистым.

Я была рядом с ней, видела грязь на ее лице, ржавчину на оправе ее очков и широкий белый лоб с веснушками, и было сложно подумать, что я говорю с мертвой. Это не укладывалось в голове. Я помню, что видела в маяке, что случилось со старым Родди, но все равно не верилось. Может, это было воображение. Как мог призрак, кто-то мертвый быть плотным, как она?

Я не успела осознать, что делаю, и потянулась пальцем к ее плечу.

— Что ты делаешь? — спросила она, с подозрением глядя на мой палец.

Я замерла. Как объяснить ей, что я хотела убедиться, что она настоящая, а не мое воображение?

— Просто хотела убедиться, что ты настоящая, — сказала я смущенно. Я медленно прижала палец к ее плечу. Ткань платья была мокрой и шершавой. Плечо под ним — костлявым. Я надеялась, что она не была гниющим скелетом. Но она была плотной, как бревно, на котором мы сидели.

Я убрала руку. Она проследила за ней взглядом.

— Странно. Почему я не должна быть настоящей? — спросила она с тревогой.

— Ты сказала, что умерла. А я порой вижу всякое.

У нее стало странным выражение лица.

— Например?

Я не знала, с чего начать. Может, я вообще сейчас говорила сама с собой.

— Я вижу... призраков.

— Как я?

— Наверное, — я не думала, что буду так говорить об этом.

— Джон говорил, что я тоже видела. Он говорил, что я неуравновешенна. Твой друг тоже так говорит?

— Мой друг?

— Мужчина с тобой. Потому Джон поменял указатели. Он завидует. Он завидовал Сану и завидует твоему другу.

Ого. Голова закружилась. Я уперлась локтями в колени и уткнулась лицом в ладони, пытаюсь успокоиться. Я смотрела на землю. Смотрела на ноги Мэри рядом со мной. Она была босой. Ее ноги были в царапинах, истекали кровью и белой жидкостью. Я быстро закрыла глаза.

Она коснулась моего плеча, и я вздрогнула.

— Тебе плохо? Это пневмония. Она убила в конце почти всех. Уверена, она и Сана забрала.

Я медленно выпрямилась и посмотрела на туман, что касался моего лица. Стало темнее, снова поднялся ветер, гоня части тумана с берега. Я видела такие обрывки на камнях вдали. Сидеть здесь и думать о погоде было проще.

А потом я все же сказала ей:

— Ты умерла от пневмонии через восемь месяцев после прибытия сюда.

Она рассмеялась, пронзительный смех не был похож на то, что я слышала раньше.

— Нет. Так всем рассказал Джон. Я была жива. Может, мне было не хорошо, но я была жива. Он годами меня прятал. Он привязывал меня к дереву, когда прибывали корабли.

Привязывал и оставлял на часы, а рядом был ребенок.

— Ребенок?

— Он не хотел, чтобы кто-то узнал о Мадлен. Представляешь скандал, если бы церковь узнала, что их дорогой священник, чистая душа, вступал в интимную связь с миссионеркой? Вне брака?

— Этого... не было в книге, — глупо сказала я.

— Какой книге?

Я помахала руками.

— Ребенок? Один здесь?

— Джон был здесь, но от него проку мало. Из нее больший отец, чем из Джона. Они оба любили Мадлен. Больше, чем меня.

— А кто такой Сан?

— Сан был моей любовью. Он был из прокаженных. Он был самым здоровым, юным и умным китайцем. Если бы не Сан, я бы умерла. Я заботилась о нем, а потом он обо мне. А потом он заботился о Мадлен.

Все не укладывалось в голове, я встала и глубоко вдохнула.

— Ты ее уже видела, — сказала ровно Мэри. — Мадлен. Она играла с тобой. Она рассказывала о тебе. Я почти позавидовала. Я думала, Мэдди нашла себе новую маму.

— Она побежала в океан. Я думала, что она тонет. И попыталась спасти.

— Я тоже пыталась ее спасти.

— Твоя дочь утонула?

— Они нас убили.

— Кто? — спросила я, ужас растекался по венам.

Она посмотрела на меня, как на глупую.

— Джон. Сан. И остальные прокаженные.

Она встала с бревна, сделала пару шагов к волнам. Я невольно смотрела на ее окровавленные ноги, идущие по камням.

— Вернись лучше к своему другу, — сказала она, глядя на океан. Она подняла руки над головой и потянулась. — Он идет. Он тебя ищет.

— Декс?

Она пронзила меня взглядом.

— Берегись его. И берегись Джона и Сана. Они знают, что вы здесь, и они сделают все лишь бы удержать вас здесь.

— Почему я должна бояться Декса? — в панике спросила я.

Она мрачно рассмеялась.

— Он мужчина. Он уже думает, что ты больна. Больна на голову. Это не твоя вина. Это остров. Он слишком изолирован. Здесь слишком много смертей. Это заставляет думать. Слишком много думать. Ты не захочешь закончить, как я.

Она подняла камешек и бросила в волны.

— Мне пора. Он здесь.

— Кто? — я шагнула к ней, желая схватить ее и не дать уйти. Мне нужно знать больше.

Она кивнула за мое плечо.

— Твой друг.

Я развернулась и увидела Декса в лесу. Его темный силуэт отчасти скрывали деревья, он смотрел на меня. И смотрел какое-то время, мне от этого стало жутко.

Я оглянулась на Мэри, но она пропала. Я осталась одна.

Я посмотрела на Декса и пошла к нему, размышляя о случившемся и увиденном. Он видел Мэри? Или видел, как я говорю сама с собой? Этого я боялась. Конечно, он подумает, что я сошла с ума.

Я остановилась в нескольких ярдах от него, чтобы не спугнуть. Я должна была обижаться, что он бросил меня в лесу, так что эту эмоцию я и сыграла.

— Как это понимать? Зачем было бросать меня в лесу? — спросила я, скрестив руки.

Он нахмурился и подозрительно молчал.

— Чего замер, как призрак? В чем дело? — спросила я.

Он вырвался из оцепенения и виновато посмотрел на меня.

— Прости. Показалось, что я что-то увидел.

— Увидел? Декс, ты убежал, даже не оглянувшись на меня. Ты знаешь, что я не смогла бы тебя догнать! — недавнее возмущение сделало мой голос пронзительным. — Куда дели обещания позаботиться обо мне?

Он выдохнул и вскинул руки.

— Я извинился, ладно? Я думал, ты догонишь. Я не убежал далеко, а когда вернулся, тебя уже не было. Прости.

Мне это не нравилось. Я начинала терять доверие к нему. Слова Мэри не покидали голову, это только мешало, но он обещал не бросать меня, а час спустя убежал в лес.

Он вышел из-за деревьев и подошел ко мне. Я не двигалась.

— И что ты преследовал? — прорычала я.

— Оленя, — уязвлено сказал он. Он потер подбородок и отвел взгляд. — Знаю, я идиот. Если тебе так будет лучше, то я заблудился, пытаюсь попасть в лагерь.

— Потому что кто-то поменял указатели, — сказала я. — Как ты меня нашел?

— Услышал твой голос. В смысле — поменял указатели?

— В прямом. Кто-то поменял указатели. Если бы не брошенная тобой пачка сигарет, я бы не заметила.

— Вот как, — сказал он. — Я почти сделал дорожку, как Гензель и Гретель.

Я посмотрела на небо и раскачивающиеся верхушки деревьев. Ночь быстро приближалась.

— Нужно идти, — сказал он и взял меня за руку. Я вздрогнула. — Что? Ненавидишь меня теперь?

Нет. Я просто злилась. Он помешал разговору с Мэри, даже если это глупо звучало. Я хотела поговорить об этом с ним, но знала, что он все равно не поверит.

Я вырвалась и пошла по берегу в сторону лагеря. Мы почти не говорили, только под конец пути.

— С кем ты говорила на пляже? — нерешительно спросил он. Об этом он явно хотел спросить меня всю дорогу, я это чувствовала. Я взглянула на него. Любопытства было больше, чем тревоги. Но я не хотела давать ему повод для тревоги.

— Я с кем-то говорила? — повторила я.

— Ага. Но я никого не видел. Я пару минут следил за тобой.

— Следил? Это жутко.

— Нет, ты жуткая.

Я застыла и вскинула брови.

— Что, прости?

Он замер и перестал искать пачку жвачки. Он не смотрел мне в глаза.

— Прости.

Я прищурилась, ожидая, что он посмотрит мне в глаза. Он этого не сделал. Он бросил в рот три подушечки «Никоретте» и медленно разжевал, глядя выше моей головы.

Я недовольно вздохнула, не желая разбираться с тем, что он думал обо мне. Мы продолжили путь и попали в лагерь, когда тучи почернели, а дневной свет угас.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:

Ужин тоже был ленивым. Декс бросил немного бекона в пасту из банки и назвал это ужином. Я была не против. Я проголодалась после событий дня, еще и постоянно боролась с погодой, но когда ужин оказался передо мной, я едва заставила себя есть его.

Он сделал кофе, чтобы согреть нас. Мы смешали кофе и виски, добавили сливки порошком. Звучало отвратительно, но это успокаивало и приводило разум в порядок.

Мы сидели в относительной тишине, это было даже приятно. Декс листал книги об острове, хотя я видела по его взгляду, что он не читал их. Его мысли были в другом месте.

Как и мои. Я думала о Мэри. А почему нет? Видел ее Декс или нет, но она была там. Я ее ощутила. Я слышала ее голос в голове. Помнила ее кожу. Трещину на линзе.

Если у Мэри и Джона был ребенок, зачем Джон привязывал ее к дереву? Я понимала возможность скандала. Но и Мэри понимала. Зачем Джон так поступал с матерью своего ребенка? И Мэри назвала его своим «другом». Не парнем или мужем, не напарником. Мне нужно было так много узнать.

Особенно, если Джон и этот Сан были на острове. Если Джон мог поменять указатели он мог навредить нам с Дексом? Если он был плотным, как Мэри, и хотел задержать нас здесь, как нам его остановить? Он мог следить за нами сейчас, скрытый в тенях деревьев вдали от света нашей лампы.

От этой мысли я содрогнулась.

— Что такое? — тихо спросил Декс. Он убрал книгу и пристально смотрел на меня.

— Никак не согреюсь, — пробормотала я, плотнее кутаясь в куртку. Я уже дважды переоделась, но одежда все равно была сырой.

— Нет. Что случилось? — серьезно спросил он. — Ты выглядишь ужасно испуганной.

Да? Я не поддаюсь.

— Ничего нового.

— Почему ты не рассказываешь мне?

— А что ты не рассказываешь мне? — парировала я.

Он склонился к столу и сцепил ладони, огонь пылал в его глазах.

— Что ты хочешь знать?

Я поджала губы и подумала. Что я хотела знать? Как это объяснить?

— Я хочу знать, что ты думаешь обо мне. Мне кажется, что ты делаешь выводы обо мне в голове. И боишься озвучить их.

— Я тоже так чувствую.

Я взглянула на него.

— Вперед.

Он отклонился и глотнул виски из бутылки.

— Может, стоит снова сыграть в правду или вызов.

— Может, стоит рассказать правду. Ты видел, как я говорила с собой на пляже, и решил, что я чокнутая?

— Отчасти это. А еще утром ты побежала в океан спасать девочку, которой там не было.

— Ладно. Я чокнутая. Это должно тебя тревожить меньше всего.

Он смотрел на меня, размышляя.

— Но я забочусь о тебе. И волнуюсь.

Его голос был тихим и искренним. От его слов заколотилось сердце, иголки побежали по кончикам пальцев.

Он схватил меня за руку. Я смотрела на него огромными глазами.

— И потому, что я волнуюсь за тебя, я не могу перестать тревожиться. Я не... как я и сказал раньше, мне не нравится, что этот остров делает с тобой.

— Не только со мной. Но и с тобой. Значит, здесь есть люди, вредящие нам?

— Меняющие указатели и режущие лодку?

— Да.

— Ты не веришь. Ты знаешь что-то, чего не знаю я, и это сводит с ума, — он сжал мою руку так, что она онемела.

— Ай, — пропищала я и попыталась убрать руку. Но он удержал ее и склонился ближе, заслонив головой свет лампы.

— Что ты скрываешь? — прошептал он, темные глаза разглядывали мое лицо, пытаюсь найти ответы. — С кем ты говорила? Что видела?

Я хотела рассказать ему. Хотела рассказать про Мэри и ее слова, но боялась. Я не могла этого сделать. Это был мой секрет, а он не поймет, даже если заставит себя поверить. Я не знала, почему все это видела, и он не знал, но он не видел Мэри и Мадлен, и я не могла доверять его реакции на эту информацию.

— Прошу, скажи, о чем ты думаешь, Перри. Что в твоей голове? — он протянул руку и погладил меня по голове. Это было приятно. Но не настолько. Забавно, как все изменилось. Всего пару месяцев назад, когда я встретила Декса, я задавала ему такие же вопросы.

Глаза устали. Я недовольно посмотрела на него.

— Мне холодно. Я замерзаю, о том и думаю, — я вырвала руку из его хватки и встала.

Он выглядел уязвленным. И испуганным. Это длилось лишь миг, но я успела увидеть. Укол вины вспыхнул во мне, но я отогнала его. Он был большим. Пора ему подумать о многом.

— Перри, — окликнул он меня, когда я обогнула стол. — Утром мы уходим.

Удачи. Я залезла в палатку.

Я не чистила зубы и не снимала макияж. Я хотела лечь и забыть об этом дне. Я быстро переоделась в пижаму, что была почти сухой, и попыталась залезть в спальный мешок.

— Фу, — завопила я. Я развернула его, надеясь, что он сухой, но спальный мешок оставался мокрым.

Декс заглянул в палатку, принеся с собой лампу.

— Что такое?

— Спящий мешок мокрый, — я сдалась. Что теперь? Спать на столе?

— Залезай в мой спящий мешок, — сказал он, залез и застегнул за собой проем палатки.

— А где ты будешь спать?

— В своем спящем мешке? — спросил он, ставя лампу и снимая куртку. — Двое там

влезут.

Но мысль, что мы с Дексом будем делить спящий мешок, показалась ужасной. Между нами была пропасть, и я хотела сохранить ее. Я не хотела сближаться с ним. Я не хотела уступать.

Он начал снимать штаны. Я не знала, что делать, и отвернулась.

— О, ладно тебе. Давно ты стала такой ханжой? — пошутил он. Я посмотрела на него. Он уже был в штанах пижамы, натягивал кофту через голову. — Так будет теплее. Думаю, ночью будет холодно, у тебя был тяжелый день.

Я растеряннo кивнула и залезла в его мешок. Я устроилась, он склонился и улыбнулся.

— Что смешного? — спросила я, уже дрожа от холода. С последним он не ошибся.

— Ты смешная, — сказал он и залез ко мне. Спящий мешок с трудом вместил двоих. Мы не могли лежать на спинах рядом друг с другом. И он оказался надо мной, уперся локтями по сторонам от моих плеч.

Я думала, что умру от смущения. Он оказался на мне, обхватил мое лицо руками, широко улыбался мне и был лишь в дюймах от моего лица. От него пахло мятной жвачкой и дымом.

— Расслабься, — прошептал он. — Ты твердая, как доска.

Нет, это ты такой. Я чувствовала это ногами. Я чуть не рассмеялась от мысли. Этого хватило, чтобы улыбка появилась на моих губах.

— Вот так-то, — медленно сказал он. Его лицо стало еще ближе. — Согрелась?

— Тебе не кажется, что это немного слишком? — спросила я, слова падали, как бетон.

Он вскинул брови и понизил голос.

— А ты предпочла бы мокрый спальный мешок? Можешь еще передумать.

— Зараза, — прошептала я, желая, чтобы он перестал так на меня смотреть, напоминая при этом ящерицу на солнце или игривого кота.

— Кто бы говорил, — парировал он.

— Перестань.

Его улыбка таяла. Вряд ли из-за моих слов. Он посерьезнел. Он убрал волосы с моего лба своей рукой, медленно гладил мою кожу. Я не знала, чувствует ли он биение моего сердца. Оно стучало, как марширующий отряд.

Я должна быть сильной. Я не знала, что за игру он ведет, но не могла поддаваться ей.

— Спокойной ночи, Декс, — сказала я, голос прозвучал хрипло, чего я не хотела.

Он продолжал странно смотреть на меня. Решительно, но соблазнительно. Растеряннo, но с тревогой. А потом сказал:

— Спокойной ночи, Перри, — и слез с меня. Пришлось обоим спать на боку, я отвернулась от него, его рука обвила мою талию, а дыхание щекотало мою шею, и этого мне хватало.

* * *

Я проснулась оттого, что мое тело трясло, а потом от ужасного воя, наполнившего палатку, словно тут была чокнутая банши.

— Что? Что происходит? — закричала я, пытаюсь понять в темноте, где я.

Декс тряс меня, пытаюсь разбудить. Я повернулась на спину и посмотрела в страхе на него. Белки его глаз были заметны в темноте.

Вой был не внутри палатки, а доносился снаружи. Такого я еще не слышала. Это явно был человек, но кричал не от боли, а от безумных мучений.

— Что это такое? — в панике спросила я.

— Не знаю. Только началось. Думаю, это псих, — тихо сказал он.

— Псих?

— На острове был такой прокаженный. Сошел с ума. Он ходил по лесу, крича, смеясь и рыдая.

— Ого, — выдохнула я. Только этого не хватало.

— Нужно снять это, — сказал он, спешно расстегнул спальный мешок и вылез, а потом принялся искать в палатке «Супер 8».

— Что? Нет! — завопила я, но не успела его схватить. — Туда нельзя выходить.

— Можно. Я должен, — он схватил ботинки и собирался обуть их.

— Нет! — завопила я, мой голос испугал меня. И Декса тоже, потому что он опустил ботинки и потрясенно посмотрел на меня. — Туда нельзя. Там то, что хочет тебе навредить!

— О чем ты?

— Декс, просто поверь мне.

Он покачал головой.

— Нет, я такое не пропущу. Оставайся здесь.

Он начал расстегивать проход, вой снаружи продолжался, эхом разносясь по лесу. Все во мне похолодело от страха. Края зрения чернели. Если он меня оставит, я умру. В этом я была уверена.

Я вытянула дрожащую руку, вылезла из мешка, впилась изо всех сил в его руку. Я хотела кричать. Хотела плакать. Чувства во мне были невероятно сильными. Сердце замедлилось, легкие напряглись, воздух покинул меня, его заменил ужас.

Я не могла отпустить его.

— Не бросай меня! — жалобно проскулила я.

Он замер и немного поддался. Я притянула его ближе.

— Ты мне нужен, — сказала я, голос подрагивал.

Он опустил камеру. Его взгляд смягчился. Воздух в палатке переменился, стал напряженным, как перед ударом молнии. Во мне бушевали эмоции и чувства, от этого волосы вставали дыбом, и я поняла, что мы вот-вот перейдем точку невозврата. Что-то случится.

— Нужен? — хрипло спросил он с сомнением, губы дрогнули.

Я крепче сжала его руку, проглотила комок страха. Я медленно кивнула, не сводя с него глаз.

— Ты мне нужен.

На его лице появилась страсть и тревога, он нахмурился. Я уже видела у него такое выражение, но не с таким напряжением вокруг.

Я притянула его ближе, чувствуя жар и ток его груди и шеи. Я крепко держалась за него, тело начало подрагивать от нервов, дыхание стало тяжелым.

— Ты мне нужен, — повторила я эти слова так, словно они были самыми важными в жизни.

Показалось, что уголки губ Декса приподнялись в улыбке.

А потом его губы оказались на моих, целуя меня. Декс обхватил мое лицо руками, удерживая, прижался безумно теплыми влажными губами к моим, и наши языки танцевали вместе.

Я не ожидала этого, но не шанс не упускала. Я впилась в него, мы упали на спальный

мешок. Дни, когда я хотела его, нуждалась в нем, закончились, он был в моих руках. Он был нежной кожей под его кофтой, когда обхватила его за пояс, притягивая ближе. Он был горячим языком на моей шее, скользящим по моей челюсти. Он был жаром между моих ног, в моих конечностях, опьяняющей похотью, что вскружила мне голову и прогнала все страхи. Я ощущала лишь радость. И не слышала никакой вой.

Я сняла его кофту через голову и отбросила в сторону. Я скользила ногтями по его груди и татуировке, прижалась губами к его губам. Наши поцелуи не были нежными или сладкими, они были жадными, полными похоти и скрытых эмоций. Его руки отыскивали полоску кожи между кофтой и штанами моей пижамы, и мои нервы вспыхнули от прикосновения его пальцев. Одной рукой он сдвинул мои штаны. Я быстро подумала о том, что за нижнее белье сегодня было на мне, но я отвлеклась, когда его вторая рука скользнула под мою кофту.

Он был то нежным, то грубым с моей грудью. От этого мое тело дрожало, голова откинулась на спальный мешок. Я давно не была с мужчиной, и я словно испытывала все впервые. Я решила помочь ему снять с себя кофту.

Возникла неловкая пауза, когда я сняла с себя верх, а он отклонился. Скрывать не вышло бы. Я была обнажена под ним, и он разглядывал меня. Часть меня хотела сжаться от смущения, а часть хотела наслаждаться им. Я могла лишь краснеть.

Он не краснел. Он выглядел как безумец, одержимый желанием. Его вид возбуждал. Его веки были тяжелыми, дыхание — хриплым, и он улыбался. И он смотрел на меня. На всю меня.

Он опустил и начал ласкать мою шею от мочки уха к ключицам, щекоча, кусая и выпуская горячий пар с губ. Я невольно застонала, волоски на моей шее встали дыбом, когда его влажные губы нашли мою грудь.

Он закончил со мной, мои руки потянулись к его штанам, сдвинули их, дальше я сняла их ногами. Если я должна быть в нижнем белье, то и он пусть будет. Я не видела, в чем он был, в темноте, среди вспышек кожи, но ощущалось как мягкие боксеры, и, судя по ощущениям, вид был бы очень приятным. Я обхватила его рукой, мы застонали. Я хотела его, каждый его дюйм.

У него были другие планы. Он отодвинулся, оставив верх моего тела открытым холодному воздуху, ласкающему разгоряченную кожу. Он опустил голову к моим ногам, раздвинув их шире руками. Одной рукой он гладил под моим коленом, он опустил голову и проделал это и языком. Этого хватило, чтобы мои глаза закатились. Он омывал языком внутреннюю поверхность моих бедер, пока не добрался до моих трусиков. Он подразнил меня немного, а потом решил отодвинуть их.

И он спустился туда, его язык атаковал меня, нежный и твердым, быстрый и медленный. Он стонал и дышал, от этого я выгибала спину, хватала его за волосы на затылке, теряя ощущение реальности. Я едва понимала, что мои стоны и крики могли соперничать с воем вне палатки, нам было все равно. Были только мы, и только это было важно.

Я уже была готова дойти до грани, он замедлился, его влажная грудь оказалась на моей, вес его тела был приятным. Он опустил руки и ввел несколько пальцев, другой рукой придерживая меня за волосы, грубо впиваясь в них. Он целовал меня, мы тяжело дышали и пытались выразить как можно больше.

Он смотрел на меня так пристально, что это возбуждало. Он снова потянул меня за волосы, работая другой рукой, решив увидеть, как я отдамся ему. Его глаза были

похотливыми, как и его пальцы.

Я хотела отдаться. Кончить. Я была так близко. Но еще больше я хотела, чтобы он оказался во мне, заполнил меня. Я хотела, чтобы и он себя так ощущал. Я потянулась к нему, но он прижался к моей ноге, словно играл.

Он вернулся к моей шее, поняв, где слабое место. За секунды меня обвили его руки, покусывали его зубы. Я закрыла глаза, уже не в силах держаться.

Мой мир взорвался. Жар, пот, крики, стоны, содрогания, жажда и головокружение вихрились во мне. Я парила над нашими телами, палаткой, над островом. Я была выше облаков, выше земли и луны. Я была в безопасности. Я была целой. Я ощущала миллионы новых вещей.

И когда я кончила, я оказалась в палатке, разгоряченный Декс лежал отчасти поверх меня, его пальцы скользнули по моему животу и остались там. Я повернула голову и попыталась рассмотреть его, пыталась прогнать опьянение. Он пристально смотрел на меня почти с испугом на лице. Я хотела прижать его к себе, целовать и обнимать. Но он держался на расстоянии.

Он отодвинулся, и я понемногу возвращалась в реальность. Что это было? Как это понимать?

Я уставилась на него, переводя дыхание, но не могла выдать ни слова. Я протянула руку и погладила пальцем его щеку. Я была так близко, благодаря ему, хоть это и глупо звучало.

Он закрыл глаза от моего прикосновения. Я хотела, чтобы он закончил. Я пыталась притянуть его лицо к себе, но он отодвинулся и медленно покачал головой.

— Прости, — сказал он. — Не могу.

— Чего не можешь? — прошептала я.

Он открыл глаза. Они сияли чем-то, и я надеялась, что это не сожаление.

— Я не хочу тебя ранить. А я ранил бы, — сказал он.

— Может, я этого хочу, — тихо дразнила я.

— Нет. Не так. Я... слишком за тебя переживаю, чтобы так с тобой обойтись. И все это с Джен. Я не могу. Не стоило этого делать.

Черт. Он действительно жалел. Я думала, что это было лучшим, что могло со мной случиться, а он сожалел об этом.

Он увидел выражение моего лица и быстро коснулся моей щеки, придвинулся ближе.

— Это не связано с тобой, — сказал он, прожигая взглядом, как лазером. — Я не так выразился. Я не жалею. Так было нужно. Но я хотел бы, чтобы все было иначе.

— Можно все сделать иначе, — сказала я, обвила его шею и притянула к себе, поцеловала его. Он медленно ответил. Его поцелуи были сдержанным огнем, его язык был нежным и теплым.

— Ты все еще мне нужен, — прошептала я. Он прижался лбом к моему и закрыл глаза, его дыхание было неровным. Его губы снова нашли мои. Мое сердце болело, как и душа. Я слишком сильно любила его. Он должен был знать.

Но он отстранился и провел пальцем по моему рту. Я видела, что он хмурится, так он мог скрывать борьбу в себе.

— Если бы все было иначе, — медленно сказал я. — Если бы я был другим человеком.

— Если бы ты был другим человеком, я бы... не хотела тебя, — сказала я, пытаюсь показать ему.

— И не нужно хотеть меня, — вздохнул он. — Я не должен был так на тебя бросаться. Не когда мы напарники. Не когда у меня есть Джен. И ребенок.

Он был прав. Чертова Джен. И этот ребенок, и их глупые отношения без любви. От этого я разрывалась внутри, это стирало всю радость. Я хотела плакать. Эмоции было сложно сдерживать. Нужно было просто отпустить его наружу.

— Эй, — хрипло прошептал он, убирая волосы с моего лица. — Все хорошо. Ты знаешь, что я все для тебя сделаю. Ты... важна для меня.

— Но этого мало, — выдавила я, не глядя на него, ведь могли пролиться слезы.

— Малыш... Перри. Все будет хорошо. Во всем другом я у тебя есть. Ты... ты со мной дольше, чем она. Я здесь, и я буду с тобой. Мы пройдем это. И завтра покинем это безумное место. И все.

В его глазах было столько искренности, что мне пришлось поверить, точнее. Сдаться. Я кивнула, хотя не понимала, что все это означало. Он мило улыбнулся и поцеловал меня в лоб, его теплые губы задержались на миг.

А потом он встал, быстро натянул штаны и бросил мне пижаму. Я застенчиво улыбнулась и прикрыла себя.

Он забрался в спальный мешок и похлопал по месту рядом с собой.

— Иди сюда, пожалуйста.

Я послушалась, но отвернулась от него. Он крепко прижал меня к себе, мы лежали на одной подушке, его губы были у моего уха.

— Завтра будет лучше. Вот увидишь.

Я кивнула.

— Спокойной ночи, малыш, — сказал он. Он поцеловал меня в макушку. И тогда я заметила, что вой прекратился, и я слышала только медленное биение своего сердца. Было немного больно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:

Следующее утро повторилось. Такой же свист ветра, хлопанье брезента, стук дождя по палатке, полумрак и влажность в воздухе. Если бы я еще и проснулась под «I Got You Babe» по радио, то совпало бы все.

Я была одна в спальном мешке. Так даже было лучше. Я смогла дышать и обдумывать произошедшее ночью. Все всплывало в голове в туманном свете дня. Его стоны. Его губы на мне, будто он хотел меня съесть. Его голова между моих ног. Неужели так было? И он скользил губами по всему моему телу? Декс? Мой Декс? Казалось, что все это были проделки воображения. Я же видела призраков, то что мешало представить такое с человеком, которые мне нравились?

Но потом вернулись чувства. Неохота Декса продолжать. Его якобы верность Джен и ее ребенку. Их ребенку. Фу, это было противно. Странно, но я не чувствовала вины за это, хотя я бывала на месте Джен раньше. Мне было жаль Декса.

Хотя не стоило его жалеть. Я его не заставляла. Он первым меня поцеловал.

Я прижала ладонь ко лбу и скривилась. Кошмар. Это было отчасти круто, отчасти... да уж. Я это сделала? Он видел меня обнаженной, довел до оргазма... Уязвимее я еще не была.

А потом он сказал, что не может продолжить. Как это? Я не жаловалась, но... разве это честно? Он словно хотел управлять всем, даже сексом. Он знал о моих чувствах. Я дошла до

конца, и он хотел, чтобы это произошло. Он победил. А я не смогла.

И вдруг я уже была не смущена, а недовольна. Эта эмоция спасала. Он словно использовал меня. Он довел мои эмоции до кипения, а потом ушел, словно не сделал ничего неправильного. И вернется к своей дурацкой горячей девушке и ребенку.

Да. Теперь я злилась. Я переделалась во влажную одежду, потому что чистое у меня закончилось, и пошла наружу в бурю.

Декса у палатки и за столом видно не было. Я быстро взглянула на пляж, но его не было и там. Но он не говорил, что куда-то уйдет, значит, он мог быть только в туалете.

Погода была такой же, как вчера. Туман казался гуще, волны стали злее. Они звали меня, отражали мое настроение, которое стремительно ухудшалось. Влажная одежда, мрачное состояние не помогали. Я решила, что стоит заварить кофе, раз он этого не сделал, но тут ощутила на себе взгляд.

По рукам побежали мурашки.

Я подняла голову и увидела причину. Мэри стояла среди деревьев и безмолвно смотрела на меня в своем темном платье и со странным бледным лицом. Как долго она здесь?

Я хотела позвать ее, но она прижала палец к губам, прося меня молчать. А потом повернулась и ушла, исчезла за деревьями.

Я встала и пошла за ней. Не стоило покидать лагерь, не сказал Дексу, но мне было все равно, что он подумает. У Мэри были ответы.

Я шла за ней в лес мимо остальной части лагеря, мимо болота туда, где я еще не была. Там была поляна, как для лагеря, но с рядами чахлых фруктовых деревьев и незнакомых кустов. Напоминало давно забытый сад.

Мэри шла по траве, потом по узкой тропе, которую обрамляли неухоженные розовые кусты. Я шла за ней, стараясь не задевать шипы и ветки.

За кустами были сорняки и низкая каменная лавочка, окруженная стопочками хвороста. Она села на лавочку и сцепила руки на коленях. Я замерла, отцепила рукав от жадного куста и посмотрела на нее. Я не знала, можно ли говорить сейчас.

Она посмотрела на меня удивленно и воскликнула:

— О, ты здесь. Приятно, что ты решила составить мне компанию.

Она не издевалась. Она словно не понимала, что я шла за ней. Я улыбнулась.

— Где мы?

— Это мой сад роз. Я привезла сюда семена из Калифорнии. Думала, цветы обрадуют бедняг.

— И как?

Она покачала головой.

— Это было тратой денег. Тратой жизни.

— Денег? — повторила я. И вспомнила отрывок в книге, говоривший о слухах, что священник заплатил правительству Канады, чтобы их с Мэри сюда отпустили. — Вы заплатили им, чтобы вас впустили. Зачем?

— Джон заплатил. Чтобы мог остаться один со мной. Мой наставник, священник был верен мне больше, чем госпoду. Он привел меня сюда, чтобы быть со мной вдали от церкви. Он знал, что у меня больше никого нет, что я буду его слушаться.

Я знала, что хотела спросить, но не была уверена в том, как это выразить.

— Ты любила Джона? Хотела ребенка?

Мэри смотрела на ладони, отрывала полоски мертвой кожи и бросала на траву. Я

старалась не кривиться.

— Я любила Джона. Да. Но не... так. Это было грешно. Может, я бы полюбила, будь такой шанс. Но нет. Он привез меня сюда. Он... обращался со мной по-своему. И у меня появился ребенок. Может, он и хотел ребенка. Но я не хотела.

Ох, Мэри изнасиловал человек, которому она доверяла. Мне было очень жаль хрупкую девушку с растерянным взглядом и печальным видом.

— Мне жаль, — сказала я.

— Ты очень добрая, — сказала она. — Но это ничего не меняет. Я была глупой и наивной. Он держал меня под контролем, мы это знали. И потом я нашла Сана. Это было ошибкой, я это знала. Но это было не важно. У меня уже был ребенок без брака. Я уже пала.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я. Вырвалось случайно.

Она взглянула на меня и перевела взгляд на ладони.

— Мне не с кем говорить.

— А твоя дочь?

— Ей три года. И она мертва.

— Как и ты.

— Мертва для меня. В этом разница. Как я могла любить Мэдди, если она принесла мне лишь боль и смерть?

Я глубоко вдохнула. Мне не нравилось, куда шел разговор.

— Вчера ты сказала, что нам с Дексом хотят навредить...

— Когда было вчера? Кто такой Декс?

— Декс... мужчина, с которым я здесь.

— Твой муж?

— Нет, — я не хотела распространяться.

Она пожала плечами.

— Прости, забыла подробности. Ты ему доверяешь?

Я кивнула. Она покачала головой.

— Нет. Он тоже тебя использует.

Я ее не слушала. Она точно не знала, о чем говорила. Я шагнула к ней. Она окинула меня взглядом и напряглась.

— Мэри, — сказала я. — Мэри, мы с Дексом в затруднительном положении, мы надеялись на твою помощь.

— Мы? Он не знает обо мне. Ты ему не рассказала.

— Нет. Не рассказала.

— Потому что ты ему не доверяешь.

Да кто она такая?

— Если бы ты ему рассказала обо мне, он бы разозлился, — продолжила она. — А если он разозлится, у тебя будут проблемы. И проблемы страшнее, чем сейчас. Поверь.

— Почему? Почему он разозлится?

— Он не любит секреты. И он завидует тебе.

Вторая часть была бессмысленной. Чему завидовать? Я пока что пропустила это, скрестила руки и сказала:

— Расскажи о проблемах.

Она пожала плечами и начала напевать под нос песню.

— Мэри? — позвала я.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— О, опять ты. Рада, что ты пришла.

Ох, она была психом. Может, это она была прошлой ночью в лесу.

— Я рада, что ты говоришь со мной, — певуче сказала она. — Никто не останавливается и не говорит со мной. Не помню, когда меня в последний раз замечали. Ты, наверное, особенная, Перри.

— Это я уже слышала, — проворчала я.

— Потому он тебе и завидует. Сейчас он идет по пляжу, ищет тебя и проклиняет.

— Декс?

— У тебя есть то, что он хочет. И то, чего хочет Джон, чего захочет Сан. Я видела, что они следили за тобой. И ты увидишь, если приглядишься.

Шею неприятно покалывало.

— Чего хочет Декс?

— Сама у него спроси.

Я вздохнула и попыталась взять себя в руки. Разум работал медленно. Я не понимала, что происходит.

— Чего хотят Джон и Сан? Это они порезали лодку? Или на острове есть еще люди?

Мэри снова начала напевать.

— Мэри! — закричала я и потянулась к ней. Я встряхнула ее за костлявое плечо, и оно затрещало под моей рукой. Я вскрикнула и в ужасе отпрянула.

Она посмотрела на сломанное плечо с легкостью.

— Их не просто сломать. Но море делает с костями такое.

Я хотела извиниться, но не могла выдавить ни слова. Меня мутило.

— Слушай, — сказала я, подавив это ощущение. — Ситуация странная, и все такое. Для меня, по крайней мере. Может, у меня глюки. Может, тебя нет. И всего этого места нет. Но если ты сможешь как-то мне уйти отсюда, с этого острова, я была бы благодарна.

Она рассмеялась.

— Я не могу покинуть этот остров. Почему ты думаешь, что ты сможешь?

— Потому что я не мертва.

— Скоро будешь, — сказала она без певучести девочки в голосе. Честность пронзила меня.

— Ты сможешь мне, Мэри? — спросила я. — Ты можешь.... Сказать Джону и Сану, чтобы они оставили нас в покое? Дали нам уйти. Мы не хотим ввязываться в это. Как только погода станет лучше, мы покинем это место. И никогда не вернемся.

— Не могу. Я надеюсь больше никогда их не увидеть. Я двигалась по острову бог знает сколько времени, чтобы быть на шаг впереди них. Может, тебе стоит научиться этому у меня. Тебя поймать проще, чем меня.

Я едва дышала.

— Где мы?

— Это Остров мертвых. Чистилище. У этого места темная душа. И она затянет тебя в свои глубины.

И тут Мэри встала на свои окровавленные ноги.

— Мне нужно идти. И тебе советую так делать. Никому не верь. Никому. Он не думает о твоих интересах. Никто не думает. Даже я. Но я советую тебе прислушаться к моим словам, чтобы выжить.

И она побежала. Я оглянулась, ожидая увидеть Декса или, не дай боже, священника, но никого не было. А она уже пропала.

Я попыталась привести мысли в порядок, пока осторожно обходила кусты роз, чтобы не зацепиться за шипы, и мертвые, посеревшие от холода и сотни лет без ухода фруктовые деревья. Я уже ничего не понимала. Реальность ослабила хватку, ускользала от меня. Все это было невозможным, но я должна была верить в это. Иначе это значило бы, что я схожу с ума. Какой вариант лучше? Я или окажусь в больнице, или меня будет ждать здесь судьба гораздо хуже.

Я вспомнила жуткую даму, что говорила, что меня заберут. Заберут в смирительной рубашке? Запрут в палате? Я враждебно относилась к Дексу, но, может, он был прав насчет меня. Он не видел то, что видела я. Не видел всего.

Если бы здесь оказалась жуткая дама-клоунесса, я бы попыталась выбить из нее ответы. Хоть она и пугала меня, если бы я сейчас увидела ее среди деревьев, в ее смешном одеянии, я бы почти обрадовалась. И это вело к выводу насчет этого места. Оно выигрывало день за днем, час за часом. Даже Декс стал для меня кем-то другим. Чужим.

Я долго об этом думала, пока шла через кусты к палатке, надеясь, что она появится, если много о ней думать. Не получилось.

А Декс появился. Стоило мне ступить на тропу, он помчался из лагеря ко мне.

— И где тебя носило?! — завопил он. Выглядел он ужасно. Щетина уже напоминала бороду, глаза налились кровью, а под глазами залегли тени.

— Гуляла, — сказала я и попыталась пройти мимо него.

Он резко схватил меня за руку и притянул к себе. У него был безумный взгляд.

— Врешь!

Я посмотрела на впившуюся в меня руку, попыталась подавить свой гнев.

— Не твое дело, — заявила я, зная, что это его выведет. Может, стоило сказать что-то другое.

Он на миг потерял дар речь.

— Где ты был, когда я проснулась? — спросила я.

— В туалете, — процедил он.

— Что с тобой? — спросила я.

Он склонил голову и ослабил хватку. Он с сарказмом улыбнулся.

— Что со мной? Черт, Перри, кто бы говорил? Это ты пропадаешь, стоит оставить тебя одну. Зачем тогда было говорить, что я тебе нужен? Ведешь ты себя иначе.

Я фыркнула.

— Нет! И, может, я и врала. Но ты должен сам знать, ты ведь в этом эксперт.

— Теперь ты ведешь себя как сука.

Я смирila его взглядом.

— Все мы в чем-то эксперты.

Он закатил глаза и глубоко вдохнул. Он пытался взять себя в руки. Я видела, как он сдерживался.

Другой рукой он обхватил мое плечо и сжал. А я вспомнила, как от моей хватки сломалось плечо Мэри. Отвращение проступило на моем лице.

Декс это заметил и растерялся.

— Что с нами происходит?

— Что происходит? Начну с того, что мы застряли на чертовом острове. Ты знаешь, что

это? Это чистилище.

— Ладно тебе...

— Я серьезно. Это место смерти!

— Потому нам нужно проверить «Зодиак». У меня есть пара идей.

— А если это не сработает? Почему за нами никто не прибыл? Мы должны были вернуться вчера. А тут буря. Почему не показалась береговая охрана? Заку не нужно судно? Почему он не связался с нами? — лепетала я, словно женщина на грани нервного срыва.

Декс резко отпрянул, вдруг проявив страх.

— Что? — спросила я.

— Я... — он глубоко вдохнул. И я знала, что мне не понравится то, что я услышу. — Я сказал Заку, что мы останемся еще на пару дней. Они ждут нас завтра.

Я застыла. Была потрясена. Не могла думать. Все остановилось.

— Завтра? — выдавила я. — Но... завтра мой день рождения.

— Знаю. Раз у тебя нет работы, я решил, что мы можем задержаться. Сама знаешь, чтобы хорошо все снять и...

— Завтра мой день рождения! — завизжала я, вскинув руки. — С чего ты взял, что я хочу провести его на острове с тобой?!

— Я не думал, что это важно для тебя. И что твоя семья заметит.

Не было никакого предупреждения о том, что будет дальше. Я ощутила, как сжала крепко кулак, рука взметнулась, враждебность придала сил.

Я ударила Декса в нос. Я ощутила, как он поддается под моими костяшками, а в них вспыхивает боль.

Декс закричал и отшатнулся, с болью схватился за нос, дикими глазами глядя на меня, отчасти боясь, отчасти злясь. Я обхватила пострадавшую руку и прижала к себе, стараясь не обращать внимания на боль. Я и не думала, что мне так понравится его бить. Даже если я сломала костяшки о его нос, это того стоило.

— Сука! — закричал он, убрал руку от носа и посмотрел на нее. Крови было мало, тонкая струйка показалась из его ноздри, кровь собиралась на его усах. — Черт возьми, ты мне, похоже, нос сломала!

— Хорошо, — парировала я, желая ударить его снова. В голове пронеслась мысль, что остров все же меня меняет, но она угасла и промчалась по венам к колотящемуся сердцу.

Декс покачал головой. Он боли и потрясения, а не эмоций у него слезились глаза, его нос все сильнее распухал. Укол вины потянул струны моего сердца. Да, я была рада, что ударила его, но, может, ломать нос не стоило.

Мы не знали, что сказать друг другу. И близость прошлой ночи сгорела, пропала. Это было в новинку для нас: удар и сломанный нос.

Пока я не начала раскаиваться, я развернулась и пошла в сторону туалета. Нужно было очистить голову и побыть одной. А Дексу требовалось время, чтобы придумать месть.

* * *

Я села на камни севернее туалета и пробыла там не меньше часа. Я пыталась обдумать все, пытаюсь что-то понять. Это было тщетно. Декс меня не трогал. Я знала, что он подумывал, как успокоить меня, «справиться» со мной. Искал способ сделать меня послушной девочкой, покорной ему. Он всегда управлял мной, а я делала все, что он просил. Он использовал меня, как и прошлой ночью. Это было его больной игрой. Потому он и подобрал меня. Знал, что мной легко вертеть.

Я надеялась, что вдали от Декса и лагеря снова покажется Мэри. Я хотела поговорить с ней. Казалось, она меня понимала. Она была союзницей, женщиной, что была на моей стороне против мужчин. Но она не пришла.

И я решила, что нужно куда-то уйти. Может, если я пойду в мертвое сердце острова, она там появится. Она говорила, что ей нужно всегда двигаться.

Я поднялась и пошла к центру. Проблемой было то, что нужно было идти по тропе мимо туалета. Я надеялась, что Декса рядом нет. А если он и был, я надеялась, что он не злился. Мэри говорила, что будут какие-то проблемы, если он разозлится.

Я почти прошла незамеченной, но в последний миг Декс вышел из палатки и увидел меня. Он завопил:

— Куда ты собралась?!

Я смирив его взглядом и заявила:

— Не смей за мной идти, — и пошла дальше. Он, казалось, остался у палатки. Я не слышала его позади.

Первые десять минут я шла хорошо. Деревья прикрывали от ветра и холода, крупные капли дождя порой прорывались сквозь их ветви. Но чем ближе я пробиралась к центру, тем темнее становилось. Еще даже не был вечер (так я думала, время здесь ощущалось странно), а выглядело так, словно близился закат.

Я не знала, сколько так ходила, пока не ощутила боль в затылке, треск заполнил воздух, вспыхнули перед глазами звезды.

Я рухнула. И мир стал чернильно-черным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:

Пришла в себя я с болью в голове и в ужасно неудобном положении. Ноги были растянуты передо мной, спина — прислонена под неестественным углом к шершавому стволу сосны. Руки были заведены за ствол и связаны. Веревка обвивала мои плечи и талию несколько раз. Я не могла двигаться, даже если бы захотела.

Я не знала, где была. Вокруг не было ничего выдающегося, только высокие деревья с кривыми ветками, качавшимися на ветру ближе к вершинам. Ветер свистел вокруг, не замолкая, выступая таким саундтреком безумия.

Я не знала, где север, в какой я части острова, и который час. Было намного темнее, чем раньше. Не сумерки, но в лесу понять было сложно, он закрывал жалкий свет, что пробивался сквозь густые тучи.

Что случилось? Голова болела. Меня кто-то ударил сзади. Или что-то. А потом привязал к дереву в лесу.

Так делал с Мэри священник, когда прибывал корабль с припасами. Мог ли священник Джон притащить меня сюда и бросить? Или это был Декс?

Нет. Это не мог быть Декс. Он мог задумывать месть мне, но эта месть была бы ироничной. Даже смешной. Он бы не бил меня по голове и не привязывал бы к дереву. Зачем?

Или так он мог пытаться утихомирить меня. Я же ударила его в нос. И Мэри говорила, что он будет для меня проблемой. Может, он думал, что так можно управлять мной, что так я не сбегу, не найду проблемы для нас обоих.

Я не знала. Зато у меня было очень много времени на раздумья. Часть меня хотела

позвать его, чтобы он прибежал и спас меня. Но я не знала, на чьей он стороне.

Я решила позвать Мэри. Может, она найдет меня и развяжет.

Я звала ее по имени. Это звучало странно в лесу. Звуки казались безнадежными, тусклыми, эха не было вообще. Я чувствовала себя глупо, ведь звала по имени мертвую женщину, надеялась, что она поможет мне. Как до такого дошло?

Я звала снова и снова. Я пыталась не показывать панику в голосе, но чем дальше, тем сложнее было скрывать. Горло болело, я начала терять голос. А если это был Джон Барретт? Что он собирался со мной сделать? И как мне тогда выпутаться?

Станный звук раздался из высоких папоротников в нескольких ярдах от меня. Они подрагивали. Что-то было в них. А я ничего не могла с этим поделать.

Звук раздался снова. Он был знакомым. Но это не радовало.

Это напоминало... воркование ребенка. Бессмысленные звуки, которые издавали младенцы.

В полумраке леса и тенях папоротников и деревьев было жутко слышать голос ребенка. Я надеялась, что папоротники дрожат от птицы или любопытной белки. Белки были умными, да? Может, они, подобно дельфинам, спасут меня.

Я смотрела на папоротники. Тело было напряжено, было готово бежать. Если бы я только могла.

Папоротники задрожали снова. Урчание.

Ребенок появился среди зеленых стеблей, покачивая головой, словно тигренок, и глядя на меня. Я была права, и это мне не нравилось. Передо мной был настоящий ребенок. Я несколько раз моргнула, чтобы убедиться, что глаза не врут мне.

Он выполз из папоротников, медленно, но странно уверенно. Я не знала, сколько ребенку можно дать, но ему точно было рано ходить, зато ползал он ловко. Даже слишком.

Он остановился в нескольких футах и склонил голову. Я не дышала. И не из-за нехватки материнского инстинкта. Это существо было самым пугающим в моей жизни.

Девочка была голой. Ее низ не прикрывала даже пеленка. У нее было немного пепельных волос и большие голубые глаза. И глаза смотрели на меня со странным любопытством. Я напряглась. Я не могла отвести взгляда.

В других обстоятельствах я бы отнеслась к ребенку, как мать. Где ее мама? Бедняжка одна. Беспомощное и незащищенное дитя. Но я знала, что это не так. В этом месте не было ничего незащищенного, а беспомощной была лишь я.

Ребенок сел на попу с почти смешным шлепком и прижал ручки ко рту. Она словно улыбалась земле, которую ела. И продолжала смотреть на меня пугающими глазами, которые были старше, в них было больше понимания, чем должно быть у ребенка, и я не осмеливалась думать об этом.

Девочка рассмеялась и похлопала по земле, словно это был барабан. Она радовалась. Почти играла. Счастливый ребенок. Это же хотела любая мама? Может, лучше ей остаться здесь. Может, скоро придет ее мама. Может, это Мадлен в младшей версии, и Мэри придет за ней.

— Ты Мэдди? — выдавила я, голос звучал глухо.

Малышка рассмеялась и ударила ручкой по коленке. Может, это и была Мэдди. Это меня немного успокоило, прогнало неприятное ощущение горечи.

Девочка улыбнулась мне широко, у нее не было зубов. Она подняла ручку к лицу и вытерла щеку под глазом.

Прямоугольник кожи отлепился с ее рукой, он упал на землю, покрытую хвоей, оставив красную рану на ее лице.

Я была потрясена. В ужасе.

Меня мутило.

Малышка подняла кусок кожи, не обратив внимания на рану на щеке, и бросила в лес. А потом другой рукой коснулась лба.

Она почти не шевелила пальчиками, а половина лба отцепилась, как сухая шелуха и с громким шлепком упала ей на колено. Я видела белую кость под кровавым месивом на ее голове.

Меня стошнило. Я кашляла и кашляла. Рвота стекала по груди, от нее шел пар. Я ничего не могла поделать. Ужас и невероятное отвращение были неуправляемыми.

Малышка рассмеялась при виде куска лба и начала играть им, словно машинкой. Без ее действий оставшаяся часть ее лица начала слезать, как слои луковицы. Сначала другая половина лба. Потом участок под носом. Эта часть повисла над ее губой, будто красные пульсирующие усы. Последними слезли губы и кожа подбородка, оставив маленькую челюсть, что двигалась, когда она издавала лепет.

Я зажмурилась, стараясь прогнать болезненные ощущения, стараясь не терять головы. Мне не нужно было видеть. Пока мои глаза были закрыты, тело напряглось, я все время молилась, чтобы это закончилось, а малышка все смеялась. Я не могла закрыть уши.

С закрытыми глазами было даже страшнее. Я приоткрыла их и увидела, что малышка встала на четвереньки и поползла ко мне. Половина ее лица осталась, половина лежала на земле под ней. Кожа на ее руках и ногах отслаивалась с каждым ее дерганным движением тонкими полосками с мясом.

Этого не могло быть. Это понарошку. Этого не могло быть. Это понарошку.

Я снова закрыла глаза и понадеялась, что все это сон. Пусть это будет сон. Может, я сходила с ума. Если я снова открою глаза, может, все это пропадет. Лепет утих.

Я досчитала до десяти.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

Девять.

Десять.

Я открыла глаза. Малышка была здесь, остановилась у моей ноги. Улыбалась мне. Она коснулась моей ноги, а потом полезла по мне, словно я была горкой на детской площадке. Гниющее вонючее тельце лезло по моей ноге, искаженное лицо улыбалось, огромные впавшие глаза вглядывались в мои со странной пристальностью.

Я закричала. Я кричала, вопила и визжала, отдавая на это все силы, и звук вырывался из моего горла и несся к деревьям. Было больно моим ушам, пылали легкие, тело содрогалось от потустороннего ужаса, горло истекало кровью внутри. Я кричала, издавала нечеловеческие звуки, а странный ребенок прижал окровавленные мертвые ладони к моей руке, стараясь подняться по мне.

Этого было слишком. Мои глаза закатились, все начало угасать. Я была так рада этому. Я еще чувствовала хватку ребенка на своей руке, ножки, что топтались по моему животу, как по ступенькам. Скоро за мной придет смерть.

— Перри!

Мое имя. Слышалось снаружи. Откуда-то.

Ручки отпустили меня, вес ребенка пропал.

Я успела поднять голову и увидеть, как ребенок на четвереньках спешит в кусты со скоростью газели. Газели, которой успел поиграть лев.

— Перри!

Снова этот голос. Я подняла голову и увидела высокого мужчину перед собой. Он был в длинном черном пиджаке, белой рубашке и черном жилете. Его лицо было в тени, но я заметила светлую бороду.

— Кто вы? — спросила я. Голова опустилась. Я не хотела больше поддерживать ее. Глаза закрывались.

— Что за фигня?

Руки трясли меня за плечи. Не ручки ребенка. Они касались моего лица, вертели мою голову в стороны.

— Перри! — голос раздался у лица. Я открыла глаза и увидела Декса на коленях передо мной. Куда делся другой мужчина?

Декс посмотрел на меня, на дерево, на рвоту на моей груди. Мне было плевать. Я хотела спать. Хотела уйти далеко от мыслей, картинок, чувств и звуков. Я очень устала. Мозг перегрелся.

Голова снова опустилась, подбородок коснулся ключиц. Декс что-то бормотал, но я не разбирала, он начал развязывать мои руки. Когда он закончил, то поднял меня со стоном и забросил на плечо. Он о чем-то восхищенно говорил. Может, это была тревога, а не восхищение. Или паника. Все равно. Я не слышала. Я с радостью потеряла сознание.

Наверное, прошло какое-то время, потому что, когда я пришла в себя, я смотрела на темный пол и попу Декса. На мою спину капал дождь, плечо Декса впивалось мне в ребра, его руки обвивали мои ноги.

— Что случилось? — слова выходили из меня медленно, словно сквозь густой суп.

Декс замедлился и остановился.

— Ты можешь идти? Я еще могу тебя понести.

— Ох, думаю, да, — простонала я. Он осторожно опустил меня на землю и схватил за руки, чтобы я не упала.

Голова была словно после бутылки красного вина. Слишком тяжелой.

— Поговорить можем позже. Я хочу, чтобы мы попали в лагерь, — сказал он. Тон его не был хорошим. Я подняла голову и посмотрела на него. Уже почти наступила ночь, но я еще различала силуэты и тени в оттенках серого. Он выглядел плохо. Его нос был лилово-синим и вдвое шире обычного.

И тут я все вспомнила. Утро. Мэри. Удар. Удар по голове. Я была привязана к дереву. Ребенок. Ох, ребенок.

— Ты ударил меня по голове? — напряженно спросила я.

Он был потрясен.

— Ч-что? Кто ударил тебя по голове?

— Не знаю. Кто-то. Ты?

Он не знал, как это понимать. Он огляделся. Я тоже. Мы были на поляне, в мертвом сердце с мертвыми деревьями и удушающим мхом.

— Как ты меня нашел? — спросила я, пытаюсь скрыть подозрение в тоне.

— Я искал тебя и слышал твой крик.

Я прищурилась. Он не обратил внимания.

— Нужно вернуться, Перри, — решительно сказал он. — Не стоит говорить тут.

Я не видела преимуществ лагеря, да и могло оказаться так, что мне стоит бояться его. Но жуткое потрескивание мертвых веток и спутанные растения, что могли скрывать много гниющих детей, сделали свое дело.

Я кивнула. Он крепко взял меня за локоть и повел через поляну быстрым шагом. Мы почти покинули ее, были уже там, где мох оставил в покое стволы, а папоротники переходили в кусты, когда услышали шипение.

Вдруг появилось семейство енотов. Они пошли по тропе к нам, их силуэты были темными и зловещими в сгущающемся мраке.

Мы застыли. Еноты шипели и приближались. Хотя у нас не было фонаря, их глаза сияли в темноте, как люминесцентные мячики для пинг-понга.

Я начала считать, какое между нами расстояние, сможем ли мы обойти их, но два самых больших енота быстро бросились на Декса — один на его бедро, а другой на грудь и лицо.

Мы хором завопили. Декс упал от их веса и потрясения. Я едва видела все, но он кричал, они зло рычали, было слышно, как рвется ткань, льется жидкость. Они точно хотели съесть его.

Я посмотрела на других енотов. Они глядели на меня, сияя глазами. У меня была секунда на реакцию. Я повернулась вправо и схватилась за ближайшее дерево. Я впилась в самую большую ветку из достигаемых, пока Декс кричал и корчился на земле, пытаюсь согнать их.

Я тянула, кора впивалась в ладони, но ветка отломалась с приятным треском.

Я вскинула ее перед собой, и два енота бросились на меня. Я ударила их по головам, они отлетели и упали со стуком, как меховые мячи для гольфа.

Я издала нечто, похожее на боевой клич, и побежала к Дексу, вскинув ветку над головой, словно безумный воин. Я опустила ветку на ошалелых зверей, они закричали от боли, как и Декс, ведь по нему я тоже попала. Но они не отпускали его. И звуки, с которыми их зубы рвали его одежду и его самого, пробудили ужасную панику в моем сердце.

Я отступила на шаг и размахнулась, словно в гольфе, и в этот раз я стояла лучше. Ветка попала по челюсти енота на ноге Декса, за секунды я отбила так и енота на его груди. Я все время вопила, наверное. Я действовала инстинктивно.

Еноты еще были живы. Я не убила их. Может, потом мне и было бы до этого дело, но не сейчас. Пусть бы они и умерли. Но они убежали в лес, исчезли так же быстро, как и появились.

Я бросила ветку на землю и победоносно встала рядом с Дексом, тяжело дыша. Он вздрогнул и посмотрел на меня.

— Встать сможешь? — спросила я, протянув руку.

Он кивнул и закричал, когда взял меня за руку, и я потянула его наверх. Я все еще была странно отстранена от него, но была рада, что он еще жив. Иначе я бы уже била его веткой.

Мы побрели в лагерь, пострадавшие духовно и физически.

* * *

В лагере было не лучше. Ветер дул сильнее прежнего, он сбил наши чашки для кофе, от ветра неприятно скрипел стол. Шум волн был чудовищно громким, а когда мы пришли, брезент над столом развязался, улетел в лес и врезался в деревья.

Мы побежали к палатке. Я загнала Декса внутрь, схватила лампу, упавшую у входа, и быстро проверила колышки, загнала их глубже в землю ботинком. Я надеялась, что палатка выстоит, я видела, как она содрогается над землей, пытается высвободиться. Я подняла

самые тяжелые камни, какие только нашла, и начала придавливать ими кольшки для безопасности. Ветер с силой бил меня по спине.

Я сделала, что могла. Я сняла испорченную рвотой куртку и бросила на стол, надеясь, что грядущий дождь отмоее ее. Через пять секунд ее подхватил и унес ветер. Я залезла в палатку раньше, чем он проделал это со мной, и застегнула за собой вход.

Я поставила лампу на землю и посмотрела на Декса. Он сидел на спальном мешке без кофты, штанина была закатана, открывала свежие раны. Аптечка была рядом, и он неловко в ней копался.

— Дай-ка мне, — сказала я, опустившись, ветер яростно молотил по стенам палатки. Шум оглушал.

Я сказала ему лечь и попытаться расслабиться. Я осмотрела рану на груди. Слева был сильно кровоточащий порез. Я отвела взгляд на содрогающуюся стену палатки. Я глубоко вдохнула, прогоняя тошноту, что все еще не успокоилась во мне. Я пережила атаку ребенка-прокаженного, так что справлюсь и с этим.

Декс дрожал то ли от потрясения, то ли от холодного ветра, проникающего в палатку. Он ведь был без верха. Нужно действовать быстро. Я вылила много антисептика на чистую ткань и прижала к его груди. Он скривился от боли.

— Полегче, малыш, — процедил он, закрыл глаза и вжался головой в мешок.

— Роли поменялись, да? — спросила я. Нечто похожее он делал со мной в Рэд Фоксе. Теперь я была медсестрой. — Может, нам стоит теперь избегать животных.

— Точно, — проскулил он, пока я промывала рану. Я быстро нанесла йод, прижала вату и перевязала все бинтом.

— Чистая одежда еще есть? — спросила я.

Он кивнул, кривясь.

— Одна кофта. В сумке. Красная.

Я нашла ее и натянула через его голову, стараясь не задевать рану. Он сел и посмотрел на ногу.

— Какие симптомы у бешенства? — вяло спросил он.

— Сложно будет определить с тобой, — тихо пошутила я и принялась за его ногу. Здесь ситуация была лучше, это радовало, но все же грязь в раны попала. — Бойся лучше столбняка. Тебе стоит провериться, когда мы вернемся.

Наши взгляды пересеклись. Возвращение домой казалось невозможным.

— Как мы это сделаем? — спросил он.

Я беспомощно пожала плечами и закончила.

— Что еще я могу сделать?

— Виски и сигарета.

Я нашла почти пустую бутылку у стены палатки и дала ему, пока он вытаскивал сигареты и пытался зажечь одну золотой зажигалкой. Его пальцы дрожали слишком сильно для этого, и я забрала у него зажигалку. Я высекла искру и поднесла огонек к сигарете, что торчала меж его дрожащих губ.

Он смотрел на меня, пока затягивался и выдувал дым в сторону.

Раньше я бы возмутилась тому, что он курит в палатке, но он был в таком состоянии, что мне было все равно. Мне на многое сейчас было плевать.

Я сделала глоток виски, наслаждаясь жаром в горле, и легла на спальник, уставившись в потолок.

После пары его затяжек надо мной появилось облако дыма. Он кашлянул и начал нервно постукивать пальцами.

— Что такое? — сонно спросила я.

— Даже не знаю, с чего начать, — ответил он.

Все равно все всплыло бы. Я это знала. У меня не было больше сил все скрывать от него. Я не знала, могу ли доверять ему, но было все равно. Я знала, что он уже считал меня психом. Нечего терять.

— Нужно убираться отсюда, — сказал он.

— Это ты еще мягко сказал.

— Я пытался позвонить, пока тебя не было. Думаю, сообщение до Зака дошло.

Я повернула к нему голову.

— И?

— Я не успел получить ответ. Телефон разрядился. Зарядка на борту.

Конечно.

— Вернемся к плану, — пробормотала я. — Которого нет.

— Я мог поплыть туда. Но ты пропала.

— О, так это моя вина.

— Блин, Перри, — с горечью возмутился он, стряхивая пепел. Он взглянул на меня. — Что с тобой такое?

— Сам скажи. Почему я была привязана к дереву?

— Не знаю. Расскажи.

— Понятия не имею! Я уже говорила! Меня ударили по голове. Я не знаю, кто. Меня ударили и привязали к дереву. Я думала, что это ты.

Его плечи чуть опустились, он склонил голову и смотрел на трепещущий свет лампы.

— Почему ты так подумала? Как ты могла так подумать? Знаешь ведь, что я бы тебя никогда не ранил, — его голос дрогнул.

— Только словами, — проворчала я.

— Что?

— Не бери в голову. Значит, ты меня не бил.

— Нет, черт возьми, — он покачал головой с болью и растерянностью на лице. Его руки снова дрожали, тусклое сияние сигареты двигалось из-за этого. Он закрыл глаза.

После паузы он открыл их и посмотрел на меня.

— Знаю, ты ненавидишь меня за прошлую ночь. Может, и по другим причинам. Это нормально. Можешь ненавидеть, сколько влезет. Но я тебя не ненавижу. Я переживаю за тебя. Я на твоей стороне. Мы вместе во всем этом. И я прошу тебя быть честной со мной. Прошу, расскажи, что с тобой происходит. Ты видела призраков. Я знаю это. Но скрываешь это от меня. Прошу, Перри, просто расскажи.

И хотя я чувствовала себя далекой от него, и отвращение не покидало меня, и хотя я боялась, что он подумает обо мне, в сердце оставалась боль, я хотела и дальше любить его. Было сложно притворяться, что в груди не болело при виде его, дрожащего и курящего, раненого.

И я рассказала ему все. Начала с того, как увидела Мэри, бегущую среди деревьев, и до момента, когда он нашел меня привязанной к дереву. Он все это время молчал и смотрел на меня так пристально, что его руки снова стали дрожать.

— Это правда, — закончила я и перевела дыхание. Было приятно открыть все это, хоть я

и не знала, что он думал, и что будет с этим делать. — Теперь ты думаешь, что я сошла с ума.

— Нет, — быстро сказал он. — Ты не привязывала себя к дереву. Я этого не делал. Это был кто-то еще.

— Кто-то из людей на острове?

— Может. Это важно?

— Почему ты не хочешь верить, что это призраки? Ты столько видел, Декс, так почему для тебя это так сложно? Ты же охотник на призраков!

Он с горечью рассмеялся.

— Возможно. Но я их еще не видел. Только ты.

— Так поверь мне на слово!

— Я верю! Но все же ищу логичное объяснение.

— Таких объяснений нет! Ты не найдешь их здесь. Ничего из случившегося с нами не было логичным.

— Потому что ты не логична.

Что? Выбор его слов в очередной раз потряс меня, как и его нападки на мой характер.

— Ладно, Декс, расскажи мне, что тут происходит. Озвучь свое важное мнение.

— Это только тебя разозлит, — сказал он, прижал сигарету к пачке и прожег дыру. Он вытащил еще одну сигарету, поднял к губам. Я пыталась сформулировать слова так, чтобы не ухудшить все.

Бам.

Тяжелый стук раздался снаружи. Мы с подозрением переглянулись.

— Что за... — начала я.

БАМ. БАМ. БАМ.

Я схватила лампу. Декс подобрал «Супер 8» и фонарь. Я посмотрела с недовольством на камеру, расстегивая вход.

— Ты все еще думаешь о съемке?

Он посмотрел на меня так, словно у меня было две головы.

— Да. Прошлой ночью я упустил шанс.

Ай. Я притворилась, что не слышала этого, выбралась из палатки и увидела небольшой ураган.

Несмотря на вой, свист ветра и шум леса, звук еще было слышно. Стук звучал со стороны пляжа. Снаружи звук был громче, казалось, кто-то медленно стучит в тяжелую деревянную дверь.

Я подняла лампу, повернувшись к пляжу. Ветер давил на мою грудь, трепал волосы. Было слишком темно, свет так далеко не доставал. Декс прошел мимо меня, он вертел камерой и светил фонарем под ноги. Мне пришлось следовать за ним.

Мы проследовали по тропе на пляж. Его фонарь скользил светом по волнам, зловещий маяк во тьме. Волны были такими большими и яростными, что стали бы мечтой безумного серфингиста, если бы не сталкивались друг с другом и не обрушивались на берег.

— Что это? — услышала я крик Декса поверх шума.

Я подошла к нему и посмотрела в сторону света его фонаря. Он был направлен на скалу. Что-то темное висело на камнях, билось о них с каждой волной, и раздавался этот стук. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть силуэт, но ничего не вышло.

Справа раздался скрежет.

Декс направил фонарь туда вовремя, волны выбросили на берег большой кусок дерева, и

он проехал по камням, скрежеща.

Мы пошли туда с тревогой, медленно.

Кусок дерева был в семь футов длиной, и, может, в несколько футов высотой.

Это был гроб. И его выбросило на берег.

Еще один скрежет впереди. Декс посветил туда, луч дрожал от его рук. Еще один гроб выплыл на пляж, раскидывая камешки, приближаясь к нам.

Он провел светом фонаря по волнам. Я подняла лампу.

Гробы были всюду. Их было не меньше восьми, может, десять, и они направлялись к нам по волнам, словно доски для серфинга жнецов.

Декс крутился с камерой, не зная, что снимать, но тут послышалось щелканье. Он опустил камеру. Пленка закончилась. Но гробы все приплывали.

Он оглянулся на меня. Не было слов, чтобы описать то, что мы видели. Но хоть я и боялась, что гробы начнут разваливаться, и из них восстанут мокрые тела, было приятно знать, что Декс тоже это видит.

Он подошел ко мне и взял за руку.

Я еще злилась, но сейчас это не имело значения. Не когда гробы вылетают на берег.

— Что делать? — прошептала я. Он посветил на ближайший гроб, влажное дерево поблескивало.

— Откроем их, — сказал он с диким взглядом. Он отпустил мою руку и прошел к гробу. Я боялась шевелиться. Я не знала, зачем спросила. Конечно, Декс подумал, что открыть чертовы гробы — лучший вариант действия.

Он попытался сдвинуть крышку с первого гроба. Напрягаясь всем телом, он давил на нее в тусклом свете лампы, и это выглядело почти забавно, словно в преувеличенном мультике.

Он пытался сбить крышку парой метких ударов в край. Крышка треснула пополам и рухнула со стуком на камни.

Он замер, заметил, что сделал. Мы переглянулись. А потом он заглянул в гроб. Я не дышала, ожидая реакцию.

— Пусто, — вздохнул он, с облегчением прижав ладонь к груди, а потом скривился из-за раны там.

Я шагнула вперед и протянула руку. Я не хотела весь вечер сбивать крышки на всех гробах, что выносило на берег.

Он посмотрел на руку, потом на бушующие волны с гробами, что плыли к нам. Он хотел сходить в палатку за пленкой и записать все это. Оператор в Дексе был всегда.

Но я бы этого не выдержала. Мы уже закончили. Пора отдыхать.

Он снова взглянул на мою руку, заметил выражение моего лица и сдался. Он протянул руку, и я обхватила его холодную влажную ладонь и потянула за собой, пока мы не отвернулись от гробов. Мы вернулись в палатку холодными, промокшими и растерянными, а отдаленные стук и скрежет гробов с силой доносились до нас всю ночь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:

— С днем рождения, малыш.

Мои глаза открылись. После ночи, полной шума гробов, ночи, когда я все время ворочалась из-за усталости и кошмаров, я уснула под утро. Теперь в палатке было светлее,

Декс осторожно тряс меня, а я хотела спать дальше.

Но он поздравил меня. Теперь мне 23. Я и забыла о своем дне рождения прошлой ночью.

Я застонала и перевернулась. Декс был на коленях передо мной, улыбка сияла на его побитом лице. Он протягивал бумажную тарелку с пирожным «Твинки» на ней. Из него торчала зажженная сигарета.

Я рассмеялась.

— Это самый жалкий торт, что я когда-либо видела.

— Ну, торта и свечи у меня не было, пришлось заменить. Но не задувай сигарету, а то везде будет пепел.

Он вытащил сигарету из пирожного и сунул ее себе в рот.

— Ммм. Вкуснятина, — сказал он с улыбкой. Я села, посмеиваясь, и он вручил мне тарелку. Я и не помнила, когда последний раз смеялась.

Я взяла «Твинки» и откусила кусочек. Декс дунул мне в лицо дымом.

— Ну как?

— Это же «Твинки», — сказала я. — Где ты это взял?

— Взял немного у Зака, когда мы уходили. Я уже одно съел утром. Припас для особого случая. О, кстати об этом.

Он на миг вышел из палатки. И тут я заметила, что изменилось не только то, что мне теперь было 23. Ветер еще был, но уже не такой злой, и дождя не было слышно. Стало на пару градусов теплее, но это не сильно радовало.

Он вернулся и отдал мне чашку горячего кофе.

— С остатками виски.

Я сделала глоток и закашлялась.

— Печально. Этот день рождения, похоже, самый американский из всех.

Он улыбнулся и сел передо мной, выпуская дым. Настроение его было лучше, чем вчера или позавчера. Он все еще выглядел усталым, и его нос, куда я ударила его, опух и был желто-лиловым, цвета доходили и до его глаза. Борода его впечатляла. Он начинал напоминать грубого жителя гор. Может, ему пора сделать свое шоу, где он будет бороться с енотами.

— Как самочувствие? Нужно сменить тебе повязки, — напомнила я ему. Он закатал штанину и показал мне. Бинты пропитались кровью. Фу.

— Жить буду, — беспечно сказал он, не беспокоясь о ране. — Сначала доешь свой торт. Как ты? Чувствуешь себя старше?

— Да. Отвратительно старше, — голова болела после удара, кости и конечности тоже безжалостно болели. А еще я чувствовала себя грязной, я не мылась несколько дней. Простой ночью я даже не почистила зубы и не умылась. На общем фоне событий это были пустяки, но утром все всегда казалось другим.

Я доела пирожное, не зная, что будет с моим желудком. Мы едва ели вчера.

— О, — он указал на меня. — Это еще не все.

Он полез в карман штанов и вытащил лиловую резинку-браслет. Она была в форме... кхм, напоминало фаллос.

— Эм, — я старалась не смеяться. — Член и яйца?

— Что? Нет! — потрясенно завопил он. — Это якорь.

Я забрала резинку и надела на запястье.

— Конечно, Декс. И что ты хотел этим сказать?

— Думал, будет красиво сказать, что я могу быть тебе якорем. Но если хочешь видеть это извращенно, я в игре.

Я рассмеялась, но слова его запомнила. Он мог быть мне якорем. Я надеялась, что он будет. Я не собиралась снимать этот браслет.

Я хотела, чтобы мы остались в палатке и шутили, притворялись, что мы веселимся в походе, что все хорошо. Но он хмурился, пока тушил сигарету о свои черные ботинки, и я знала, что ситуация серьезная.

— У нас уже есть план? — тихо спросила я.

Он кивнул.

— Он длинный. Но когда мы сменим мне повязки, я попробую починить понтоны, перевязав порезы остатками бинтов.

— Как это сработает? Разве понтоны не сдулись?

— Не полностью. Часть воды бинты задержат. А потом бросим мотор. Оставим на пляже. Возьмем отсюда только нужное. Одна сумка на двоих. Придется что-то оставить. Постарайся быть налегке. Мы промокнем. Будет неприятно. Но если мы используем «Зодиак» как плот, то сможем добраться до судна. Просто доплывем, как на доске. Ветра нет. Волны невысокие. Остался туман. Думаю, у нас получится.

Я обдумывала его слова. Звучал его голос оптимистично, но все же выглядело это как отчаянная попытка. Все и дошло до отчаянных мер. Я не хотела проводить ни одной лишней минуты на этом острове, с каждой секундой я все больше просыпалась, радость моего дня рождения таяла, а реальность происходящего всплывала во мне. Если сейчас все и было хорошо, это не означало, что и через пять минут так будет. То, что привязало меня к дереву, что вредило нам здесь, могло вернуться.

— А гробы? Они приплыли. Может, взять один и...

— Гробов нет, — сухо сказал он.

— Что?

— Сходи и посмотри сама, — он кивнул на выход из палатки. — Ни следа не осталось. Они исчезли. Будто мы их и не видели.

— Но, — осторожно сказала я, — мы ведь их видели?

— Знаю, — он вздохнул и почесал бороду. — Как же я хочу избавиться от этой штуки!

— Можно сделать это в стиле Крокодила Данди с охотничьим ножом, — предложила я.

Он улыбнулся. На один прекрасный миг. Улыбка медленно пропала с губ, и на лице, и в глазах его появилась печаль. Я хотела извиниться за свое поведение, но не было смелости и слов. Может, он думал о том же. Я хотела подобраться к нему и поцеловать, хоть его борода и была бы колючей, но он бы понял, что все в порядке.

Он схватил мой рюкзак и бросил мне.

— Даю тебе десять минут. Готовься, набей половину рюкзака самым необходимым. Ничего тяжелого, если получится. Я пока умоюсь.

Он забрал с собой аптечку и вышел из палатки, оставив меня думать, какие вещи и одежду бросить здесь. Ботинки были тяжелыми, но я не собиралась расставаться с ними. Я буду в них. Любимые кеды жаль, но дома есть и другие. Так же было и с желтым плащом, пижамой и парой джинсов. Я надела штаны (они были дороже), любимую майку с «Alice in Chains», толстовку и тонкую кожаную куртку. Я забрала в рюкзак немного косметики, радуясь, что есть водонепроницаемая коробочка, спрятала и свою камеру, и была готова. Было жаль бросать остальное, но жертва будет не напрасной, если мы покинем эту адскую

дыру, остров. А Дексу придется оставить палатку и вещи для лагеря, а они были не дешевыми.

Когда я закончила, то вытащила рюкзак из палатки и быстро осмотрела раны Декса, чтобы удостовериться, что он в порядке.

— А мне нравится такая медсестра, — сказал он, вскинув бровь, когда я заставила его поднять кофту. Я игнорировала его. Сам себя он перевязал неплохо, и у него еще оставались бинты и изолента для починки «Зодиака».

Я быстро почистила зубы, затянула грязные спутанные волосы в пучок и была готова. Старая Перри кривилась бы, оставшись без макияжа возле парня, но если меня чему и научили эти выходные, так это тому, что мелочи в жизни не самое важное. И что еноты — это зло.

Декс заполнил оставшееся место в рюкзаке книгами («не хочу, чтобы Заку потом пришлось краснеть») и «Супер 8». Я осмотрела лагерь, чтобы убедиться, что мы ничего не упустили.

Он не врал, гробы бесследно пропали. Изгиб пляжа был чистым, виднелось лишь пару обломков дерева и горки водорослей. Туман был еще ближе, словно обнимал остров, но цвет его был светлым, и ветер был терпимым. Это был идеальный шанс попробовать покинуть остров. Другого шанса может и не быть.

— Готова? — спросил он сзади, пока я смотрела на пляж.

Я обернулась и кивнула. Было у меня предчувствие, что все выйдет не так, как он надеялся. Мы словно не могли попрощаться с этим местом, как бы ни хотели.

Мы шли как можно быстрее по острову. Несмотря на перемену погоды, лес выглядел жутко. Мертвые ветви тянулись к небу, как руки скелетов, тени дрожали, и мох выглядел не как растение, а как зеленые внутренности растерзанного монстра. Дождь оставил свой след на земле за эти несколько дней, тропа превратилась в месиво из грязи и веток, все это хлюпало под ногами. Чем ближе мы подбирались к горе, тем хуже становилось.

И тут моя нога провалилась в грязь по колено. Вот тебе и дорогие штаны.

— Декс! — закричала я, держась за часть тропы, что выглядела тверже, чтобы вытащить ногу. — Поможешь?

Он остановился и подошел, попытался взять меня за руки, но не провалиться самому. Он потянул меня, но казалось, что руки оторвутся от тела.

— Ай! — застонала я.

Он склонился, обхватил мою ногу и начал тащить так. Если бы не паника, я бы рассмеялась от того, как мы выглядели. Он кряхтел, тянул, и нога высвободилась с громким хлюпаньем. Я чуть не упала лицом в грязь, но он поймал меня и помог выпрямиться.

— Поймал, — сказал он. Мы с интересом посмотрели на грязную ногу. Я чувствовала, как холодная жижа стекает в мой носок. Фу.

Дальше идти было неудобно. Мало того, что грязь пробралась в ботинок, у меня было ужасное ощущение, что «Мэри вопреки» там нет. Если после бури она еще сможет плыть, это будет чудом.

Я следила за лицом Декса, пока мы приближались к берегу. Он нервно жевал губу, наверное, тоже думал об этом. Если судна нет, нам конец.

Я прогнала эту мысль из головы и сказала себе, что все равно со всем справлюсь. Ужас нужно держать в узде.

Мы добрались до тропы, ведущей к берегу, и Декс поспешил к краю леса и выглянул

сквозь ветви.

— Аллилуйя, — завопил он.

Я подбежала к нему. Он прижал ладонь к моей спине, пока я заглядывала в просвет между деревьев. Судно было там. Это было чудом.

Мы вернулись на тропу и поспешили на пляж, а потом побежали к «Зодиаку». Лодка была такой же, какой мы ее оставили, нового урона не было, судно уже не бросало на волнах так сильно, и оно все еще было привязано к берегу.

Мы переглянулись, улыбаясь.

— Думаю, мы сможем, — заявил Декс.

— Я тоже, — и я не врала. Может, нам все же удастся попроситься с кошмаром.

— Все-таки это случится, малыш, — сказал он, протянул руку и коснулся моего подбородка. Его пальцы были теплыми. Я подумала, что он хотел сказать что-то еще, но мы лишь смотрели друг на друга пару мгновений, улыбаясь, без слов. — Я начну чинить «Зодиак», — сказал он, отпустил мой подбородок и, опустившись, открыл аптечку. — Проверишь веревку? Если сможешь завязать ее прочнее, обвить еще вокруг дерева, то так и сделай. Нельзя, чтобы судно уплыло, пока мы тут копаемся.

Я согласилась и посмотрела на вершину утеса. Выглядело все не сложно, и Декс проделывал это с легкостью.

— Сначала помой ногу, — сказал он, глядя на грязь. — Иначе соскользнешь.

Точно. Хотя я и не хотела, чтобы нога была мокрой, но это лучше грязи.

Я прошла к воде и попыталась подставить ногу набегающей волне. На восточной стороне острова волн почти не было, и шанс убраться отсюда был все выше.

Я сняла ботинок, склонилась и зачерпнула им воду. И тут я увидела отражение высокого человека позади меня.

Я вскрикнула и развернулась, чуть не упала в воду. Там никого не было. Декс был занят аптечкой и не смотрел на меня.

Я оглянулась на воду и осторожно зачерпнула ее ботинком. Я бережно выливали воду, чтобы смыть грязь с ботинка, а потом принялась за ногу. Было ужасно холодно. Я надеялась, что мы быстро потом доплывем до судна, потому что в воде дольше пяти минут мы промерзнем. Удивительно, как я до сих пор не простыла, а ведь уже была в воде.

Я еще раз зачерпнула воду и хотела ополоснуть ногу, но снова увидела отражение. Легкие напряглись от страха, но я не развернулась, не издала ни звука. Я медленно выливали воду на ногу, пока смотрела на отражение. Из-за волн я не видела его четко, но это был тот же человек, которого я на миг видела в лесу. Светлая борода, большое тело, черный пиджак и белая рубашка. Он поднял руки, и я увидела между его ладоней веревку.

Я закричала и развернулась, ожидая, что веревка обрушится на меня, но снова никого не было. Теперь на меня смотрел Декс с вопросом в глазах.

— Холодно? — спросил он, но по тону было ясно, что он подозревает, что дело в другом.

— Ага, — выдавила я. Я вышла из воды и села на камни, быстро обула мокрый ботинок. Нога успешно замерзла, но это нужно перетерпеть. Я завязала шнурки холодными пальцами и встала на ноги. Декс все еще смотрел на меня. — Как успехи? — спросила я, стараясь звучать беспечно.

Он нахмурился.

— Процесс идет. Лучше проверь веревку.

Я улыбнулась в ответ и направилась по пляжу к утесу. Казалось, что времени мало, и это ощущение усилилось после отражения мужчины в воде.

Утес был не таким опасным, как выглядел. Он был не пологим, позволял забраться на себя, лишь в нескольких местах пришлось втягивать себя на камни. Я быстро оказалась на вершине, где желтый канат цеплялся за дерево земляники, а дерево впивалось в почву.

Я посмотрела на раскинувшийся подо мной пляж, Декс латал отчасти сдувшуюся лодку, судно цеплялось за сушу лишь одним канатом. На фоне был туман, что порой касался судна.

Я осмотрела канат и то, как он привязан к дереву. Декс постарался на славу, потому что я не видела слабых мест. Пока дерево стоит, все будет хорошо.

— Ты его видела.

Я вздрогнула, сердце подступило к горлу, и я оглянулась. В воздухе было мутное мерцание, Мэри заслонила собой Декса и пляж, руки она упирала в бока и выглядела властно, несмотря на хрупкую фигуру.

Мне стало жутко. Мне всегда было жутко, но мы были так близко к тому, чтобы покинуть остров, я хотела забыть о Мэри и всем остальном. Вчерашний день, разговор с ней казались странным трансом, в который я погрузилась, как моя нога в грязь. Теперь я лучше управляла собой, была готова действовать. Я не хотела упускать шанс.

Я промолчала. Просто продолжила осмотр каната, надеясь, что она исчезнет.

Она не исчезла.

Она шагнула ко мне.

— Ты никуда не уйдешь, Перри.

Услышать от нее свое имя было страшно, это было угрозой. Не звучало угрозой, и я посмотрела на нее. Ее взгляд за очками казался невинным.

— Мы с Дексом скоро уйдем, — сказала я ей. — Как только он починит «Зодиак».

— Это ты так думаешь, — сказала Мэри.

— Это я знаю, — ответила я упрямо, во мне вскипал гнев.

— Ты начала видеть Джона. Скоро увидит и твой Декс.

— Высокого мужчину со светлой бородой?

— Да. Это Джон. А потом будут прокаженные. И Декс поверит тебе, но будет слишком поздно.

— Откуда ты все знаешь? — спросила я, самой не хотелось верить.

Она поджала потрескавшиеся губы и подумала.

— Я знаю. Я давно здесь. Все всегда так происходит.

Всегда? Были и другие здесь? Я не хотела думать об этом, ведь это пугало.

— Никого я не вижу. Кто меня остановит? Ты? — сказала я, шагнув к ней. Я легко могла ранить ее хрупкое тело. Но она уже была мертва, так навредит ли ей это?

Мэри рассмеялась, звук был пронзительным и опасным.

— Не я. Декс.

Я склонила голову и посмотрела поверх ее плеча на пляж. Декс перестал работать и сидел на камнях, смотрел в мою сторону. Интересно, видел ли он Мэри?

— Как... почему... Декс остановит меня? Нас?

— Придумает причину. Может, не сейчас, но придумает, и вам придется вернуться в лагерь.

Я покачала головой и замерла, вдруг решив, что есть шанс узнать, что видел Декс издали. Я решила сыграть в адвоката дьявола.

— Хорошо, Мэри. Мы вернемся в лагерь. А потом?

— Доведете друг друга до паранойи. Он будет обвинять тебя в том, что ты больна, а ты — его. И придет Джон. Может, и Сан. Когда вы будете одни, слабые. Если не они, то другие прокаженные.

— Зачем? Что мы им сделали? — мой голос стал выше.

— Дело в ответственности, милая. Никто не ответил за случившееся здесь. Я пыталась все исправить, но ты видишь, что случилось. Они восстали против меня. Убили меня.

— Я думала, это сделал Джон.

— Меня убило это место. Есть ошибки, что нужно исправить, и эти души не упокоятся, пока это не будет сделано. Это место близко к черно-белому миру. Это проблемы людей. Жаль, что это перешло на нас. На двух двадцатитрехлетних. Мы были такими юными.

Я напряглась. Откуда она знала о моем дне рождения? Почему были? Я сглотнула и попыталась думать о другом. Мокрый носок в ботинке. Гладкая кора дерева, на которой лежала моя ладонь. Запах дождя, хоть его и не было.

— Увидимся на другой стороне, — сказала она с улыбкой, показавшей недостающие зубы. — Я знаю еще кое-что. Ты захочешь это знать.

Вряд ли.

Она посмотрела на свое платье, поправила юбку, отряхнула верх и робко пошла в лес по краю утеса, словно шла в церковь. Я не хотела ее останавливать. Я хотела убраться отсюда как можно быстрее.

Декс все еще смотрел на меня (да, я говорю с собой, нечего смотреть, вернись к работе), а я поспешила спуститься с утеса как можно осторожнее. Как только мои ноги коснулись камней пляжа, я побежала к Дексу.

— Как успехи?! Пора уже уплывать! — закричала я, остановившись перед ним. Камешки отлетели в стороны.

Он пару раз моргнул. Он пытался отцепить двигатель с задней части. Прореха на левом понтоне была залатана, множество пластырей было на дне «Зодиака».

Его губы двигались, но он ничего не говорил.

— Что? Нужна помощь? — спросила я и склонилась к двигателю, принялась расшатывать его. При этом я опустила голову и сказала. — Да, я говорила с Мэри. Не с собой. Хотя ты все равно мне не веришь.

Пару толчков, и двигатель отцепился, и Декс помог мне снять его и опустить на землю.

— Хорошо. Спасибо, — монотонно сказал он. Я взглянула на него. Я видела, что в его голове идет бой: что думать и что сказать. Он не видел Мэри. Не важно. Мы разберемся с моими приступами позже.

— Готов? — я выпрямилась и попыталась прогнать тревогу.

— Да, наверное, — сказал он и стукнул по левому понтону. — Готова?

— Да. Пора убраться отсюда.

Декс быстро (но заметно тревожно) улыбнулся.

— Я тяну, а ты толкаешь.

Я встала за «Зодиаком», прижала руку туда, где был двигатель. Он закинул рюкзак на спину.

— Уверен, что «Супер 8» там не промокнет? — спросила я. Я не знала, есть ли у него специальный чехол, иначе ему пришлось бы привязывать рюкзак к голове.

— Все будет хорошо, пока держится понтон, — сказал он и потянул лодку. Она

неспешно двигалась, словно мы тащили труп. — Надеюсь, что пленка не...

Он замолчал и замер. Он отпустил лодку. Его лицо исказилось от паники. На миг мне показалось, что он увидел что-то в лесу за мной, но я оглянулась, и там ничего не было.

— Что такое? — медленно спросила я. Неприятное предчувствие поднималось по венам.

— Нужно вернуться.

Мои глаза расширились. Нет. Нет, нет, нет. Этого не будет.

— Мы никуда не идем, — сказала я, едва дыша.

Он был в ужасе, но не сдавался.

— Нет, нам нужно вернуться, Перри.

— Вернуться? Чего? Это не серия «Остаться в живых», Декс!

— Пленка! Я оставил картриджи в другой сумке. Я их поменял утром. Без пленки не будет шоу.

Я отпустила лодку и выпрямилась. Потрясенная. Злая.

— К черту шоу!

— Прости, малыш, — сказал он, обошел лодку и пошел к лесу. Вглубь острова, ко всем ужасам, что скрывались там.

Я не могла поверить. Не могла. Это было кошмаром, но я не могла проснуться. Нужно что-то делать.

Не подумав, я схватила камень. И бросила в него. И попала по спине.

— АЙ! — завопил он и развернулся, как загнанное в угол животное. — Что за... Это ты в меня бросила камень?

— Пришлось! Забудь о пленке, прошу. Нужно уходить. Сейчас! — мой голос напоминал свисток для собак.

— Оставайся здесь, — зло сказал он, потирая спину. — Прошу, будь здесь и не мешай мне. Я вернусь.

Я с силой покачала головой и побежала за ним. Он тоже побежал, чтобы оторваться от меня, но я схватила его за руку и потянулась. Я надеялась, что он увидит панику в моих глазах.

— Мэри сказала, что это случится. Мэри сказала... — лепетала я.

— Теперь ты лепечешь, — фыркнул он, пытаясь отбиться от меня, словно я была мухой.

Я потянула сильнее.

— Прошу, Декс, не делай этого. Нам нужно забыть и уйти. Сейчас! Сейчас! Сейчас! — завизжала я. Его глаза расширились, он не знал, что делать, но быстро совладал с собой и обхватил мое лицо руками. Он заглянул в мои глаза.

— Я вернусь. Ты меня не остановишь. Нам нужна эта пленка. Без нее будет плохо. Без нее все это будет зря.

Мне было все равно. Важно было покинуть остров живыми. О, если бы он увидел Мэри увидел то, что видела я, он бы знал.

Я заплакала. Только это я могла сделать. Он убрал руки и закатил глаза.

— Не сработает. Отпусти, или я потащу тебя с собой, — пригрозил он, доброта пропала из его глаз. Он не сдавался. Я думала, как еще его можно остановить. Я могла ударить его камнем тяжелее по голове, но что потом? Я не смогу сама доплыть до судна? — Серьезно? Ты думаешь, что можно ударить меня по голове? — спросил он. Он проследил за моим взглядом на булыжник, которого хватило бы для нужного эффекта.

Я прикусила губу.

— Невыносимо, — выпалил он. — Тебе нужно взять себя в руки.

Он высвободился с яростью.

— Иди со мной или оставайся здесь. Выбирай. Но варианты только такие.

Он поправил зло рюкзак, а потом развернулся и пошел в лес. Я посмотрела на лодку и «Мэри вопреки», помолилась, чтобы они были здесь, когда мы вернемся. Если мы вернемся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:

К чести Декса, он знал, что мы рискуем упустить шанс, пока возвращаемся за чертовой пленкой. Учítывая его рану на ноге, мы почти бежали весь путь в лагерь, не замирая, чтобы перевести дыхание. В этот раз мы помнили о ямах в грязи, так что обошли их и не провалились.

В груди болело и свистело от бега, после «Твинки» желудок мутило. Когда мы увидели глупый лагерь, мне пришлось уйти в туалет. Я не хотела. Не хотела бросать Декса. Но это нельзя было игнорировать.

— Мне нужно в туалет, — сказала я, когда мы дошли до развилки у лагере́й.

— Серьезно?

— Да, серьезно. Зайдешь за мной, когда найдешь пленку?

— Ладно, — согласился он и посмотрел на меня с тревогой. Может, боялся, что я вернусь и ударю его по голове.

Он пошел к палатке, а я побежала к туалету. Желудок часто меня подводил. Можно было понять, что и в этот раз он такое выкинет.

Я поспешила по покрытым мхом камням к туалету и заметила почерневшее кольцо среди бревен. Я видела его раньше, но не думала о нем. Раньше тут был костер.

Это заставило меня задуматься. Может, если мы возьмем всю туалетную бумагу и сунем ее под бревно (перевернув сухой стороной), а потом зажжем, то сможем создать сигнальный костер. Это может привлечь внимание. Не все увидят сквозь туман, но все же. Темный густой дым будет выделяться среди тумана, ближайшие корабли были в двух милях от берега, и они могли это заметить, как и летящие низко самолеты.

Я села над дырой в туалете и смотрела на стопку туалетной бумаги. Рулонов было достаточно. Звучало наивно, но если мы упустим шанс, то можно будет попробовать такой вариант. Может, это был последний шанс на спасение.

Я закончила в туалете и почувствовала себя в миллион раз лучше (внутри, так точно), а потом вышла с охапкой туалетной бумаги. Я начала поднимать обгоревший хворост и пихать рулоны под него под разными углами. Проблемой было, что бревна отсырели.

И я вспомнила, что в других лагерях были ямы для костров. Там мог быть уголь и остальное. Я обрадовалась и пошла туда. Сначала я побежала в наш лагерь. Декс безумно рылся в сумках, разложенных на столе.

— Нашел свою пленку? — спросила я.

Он пронзил меня взглядом и продолжил поиск.

— В любом случае, — продолжила я, — у меня есть идея. Я разожгу на всякий случай сигнальный костер. В другом лагере есть уголь и хворост. Я возьму твою зажигалку?

Он промолчал. Я ожидала, что он мне похлопает. Может, он еще злился за камень. Он полез в карман и вытащил золотую зажигалку. Он сунул ее мне в руку и продолжил поиски.

Я взглянула на него и пошла в лагерь, ботинок все еще хлюпал с каждым шагом. Я хотела сделать все быстро, ведь каждая секунда вдали от Декса звала катастрофу.

Я пошла сразу к яме для костра или барбекю среди травы, убрала металлическую решетку. Я зачерпнула уголь, но он был или влажным, или просто пеплом. Это не подходило.

— Черт! — громко выругалась я. Что теперь? Вот тебе и хорошая идея.

Я чувствовала поражение. Плечи опустились, я развернулась, собираясь идти к Дексу. А потом вспомнила, где до этого видела уголь и хворост. У деревьев в саду Мэри. Некоторые стопки хвороста были под каменной скамейкой, хоть часть могла остаться сухой.

Но... это значило, что придется идти глубже, в ее сад. На ее территорию, еще дальше от Декса. Но нужно попробовать. Она всегда двигалась, был шанс, что ее там не будет.

Я поспешила через заросли и через пару минут уже двигалась среди фруктовых деревьев, согнувшихся, будто забытые старики. Влажная трава задевала мои ноги, я пару раз чуть не поскользнулась, пока не добралась до роз. Я старалась осторожно идти среди колючих кустов, а потом вышла на другую сторону.

Она уже была там.

Мэри сидела на каменной скамейке. Ее руки были сцеплены, словно она молилась. Молилась, глядя на меня. Молилась, чтобы я пришла?

Я застыла между кустами и скамейкой, не желая приближаться к ней. Быстрый взгляд под лавочку показал, что бревна там были. Но даст ли Мэри забрать их? Она была на моей стороне. Но я не знала уже, кому доверять.

Она расцепила ладони и похлопала место рядом с собой.

— Я говорила, что мы еще увидимся. Садись, прошу.

— Я в порядке. Мне нужно немного бревен.

— Ах. Сигнальный костер. Корабли не остановились ради нас. Почему остановятся ради тебя?

— Потому что уже не 1880, - заявила я. — Это национальный парк. Мир меняется. Мэри. Люди взяли ответственность.

— А твой друг — нет.

— Что? — спросила я, вскинув руки. Я не хотела еще один бессмысленный спор с призраком. Надоело.

— Он не может быть отцом. Я не смогла быть матерью. Ничего хорошего не выйдет.

— Это... не мое дело, — выдавила я.

— Будет твое. Он не даст тебе уйти. Разве я не говорила?

Я прикусила губу, стараясь дышать носом. Если я столкну Мэри с лавочки и заберу бревна, она попытается меня остановить?

— Он очень многое скрывает от тебя. Всегда будет скрывать. Он отказывается отвечать за свои поступки, вместо этого он обвиняет тебя.

— Меня?! — я повелась. Не сдержалась.

— А почему он так боится поверить тебе? Он думает, что пойдет по той же тропе. И он завидует, что ты видишь то, чего не видит он, а часть его думает, что если он будет такое видеть, его снова упекут.

— Что, прости? — сердце похолодело. Снова... упекут? Она говорила о Дексе? Куда упекут?

— Он два года был в психиатрической больнице, — сказала Мэри, ее глаза сияли, она

наслаждалась тем, что рассказывает мне это.

Я онемела. И покачала головой.

— Вряд ли...

— Это так. Можешь спросить. Это снова его разозлит. То, что ты это знаешь. Его очень темный секрет. Один из них, но и этого хватит.

Я не могла дышать. Руки безумно пытались ослабить шнурок на воротнике толстовки, она меня словно душила.

— Откуда... ты знаешь?

— Просто знаю. Не знаю, как. Я перестала спрашивать у господ. Он перестал слушать. Мы уже привыкли, — она закатила глаза к небесам. Вдруг она посмотрела на меня, взгляд был пронзительным, как у ястреба. Она подняла очки на волосы. Я видела теперь, что она немного косоглазая. Один глаз странно пульсировал.

— Тебе нужно избавиться от него. Пока он не навредил тебе.

— Избавиться?

— Тебе нужно его убить.

Я рассмеялась. Нервно и испуганно. Голова не хотела воспринимать это. Мне нужны были дрова. Потому я была здесь. Нужен был костер. Разжечь костер, чтобы вызвать помощь, вернуться на «Зодиак» с Дексом. С Дексом и дурацкой пленкой, что он никак не найдет. Как удобно. Может, пленки и не было. Может, он помешает мне разжечь костер...

— Ты знаешь, что можешь, — сказала она, язык вырвался из ее рта, как у любопытной змеи. Я оскалилась в ответ.

— Я не могу убить Декса. И не хочу. Это смешно. То есть... я люблю его, — сказала я честно, понимая, что все вместе звучало странно.

На лице Мэри отразилось сочувствие.

— Знаю. Сан меня любил. И Джон, хоть и по-своему. Они убили меня. А Мэдди. Я любила ее. Не поверишь, но я любила. Но убила ее.

— Ты?

— Пришлось. Это было слишком. Я не справилась с ответственностью. Нужно было приглядывать за прокаженными. Жертвами. За собой. А они слишком сильно ее любили. Я утопила ее там, — она указала на бухточку на севере от туалета. Она сделала это так спокойно. Я не знала, можно ли ей верить. Но странная угроза была в ее глазах... это говорило о другом. Каждый раз ее левый глаз дергался, словно тикала бомба. — Когда Сан узнал, он привел всех ко мне. Я не думала, что они смогут. Бедняги ходили на гнилых ногах. Но они гнали меня по лесу, как гончие. Джон нагнал меня первым. Они сунули меня в гроб к телу Мэдди и столкнули в море. Там мы гнили вместе с крысами.

Я лишилась дара речи. Онемела от страха и потрясения. Как она могла убить свою дочь? Я ощутила вину за свои поступки в прошлом, но это было другим. Это был не аборт, а беспомощный ребенок трех лет. Она утопила своего ребенка. Она заслужила смерть.

Мэри знала, о чем я думаю. Ее глаз задергался сильнее. Руки нервно двигались, и движения становились все более быстрыми. Ее кожа начала облезать на пальцах, которые она терла друг о друга. Что-то близилось.

И случилось. Она надавила так сильно, что ее указательный палец отвалился и упал на землю, как сломанная ветка.

Только не снова. Я онемела от ужаса.

Нужно уходить отсюда.

Я хотела двигаться, отвести взгляд, но даже без веревок было сложно сбежать. Ее пальцы начали отлетать. Звук был таким, словно выстреливали пробки шампанского, пальцы падали с кровью на землю. Обломки тела.

Она смотрела на меня пустыми потусторонними глазами. Она была из другого мира. Ее левый глаз задергался, словно что-то под ним толкало глаз. Со шлепком глаз вывалился из глазницы. Он повис на склизкой красной связке. В ее черепе что-то двигалось. Словно под ее кожей был мех.

Голова маленькой крысы выглянула из ее пустой глазницы.

Я завизжала и, несмотря на онемение от ужаса, я смогла сдвинуть себя с места. Я развернулась и помчалась в панике сквозь розовые кусты.

Я почти убежала. Я была на половине пути, и ветки схватили меня. Я закричала и упала на землю. Я оглянулась на Мэри. Она сидела неподвижно на скамейке, крыса вылезла из ее глазницы и забралась на ее голову.

Ветки кустов двигались ко мне. Они ожили и пытались обвить вокруг моих ног и пояса. Вскоре я уже не видела Мэри, ветки закрыли обзор. Я пыталась развернуться и подняться, но не получалось. Ветки были все ближе, бросались на мои руки, терзая шипами. Я была оглушена, ощущала уколы всем телом.

Одна из веток обвилась вокруг моего левого запястья и вонзила шипы. Потекла кровь. Я смотрела, как красные струйки стекают под рукав, капая на влажную траву, алые пятна на тусклых травинках.

Я полезла в карман свободной рукой и вытащила зажигалку Декса. У меня было только такое оружие. Я попыталась зажечь ее, но в панике не удавалось. Я умру здесь. Меня убьет демонический куст розы. Я не верила в это.

Большой палец задел колесико, и вырвался вспышкой огонь. Я с силой опустила большой палец и направила огонь на ветки. Ближайшая ветка потянулась к этой руке, обвилась вокруг запястья, прорезала в том же месте и пустила кровь. Рана была над смешным браслетом-резинкой, и кровь полилась на лиловый край.

Я глубоко вдохнула и с силой потянула руки. От этого порезы стали длиннее, и меня быстро охватила боль, от которой можно было видеть звезды. Но огонь был близко к ветке, я удерживала его, пока листья не начали съеживаться, а ветка — дымиться и чернеть.

А потом ветка вдруг отпустила мою окровавленную руку. Я проделала такое и с другой веткой, пока она не загорелась и не отпустила меня. Я отбивалась ногами, стараясь не оглядываться на Мэри, мерцающую за розами. Ветки отступили быстро в глубины кустов, как напуганные псы.

Я встала на ноги, поскользываясь на траве, и поспешила прочь от кустов, от сада. Я не думала, что умею так быстро бежать. Я ни разу не оглянулась.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:

Декс снимал с «Супер 8», водя ей по пустому лагерю, когда я ворвалась туда. Я становилась слабее с каждым шагом, перед глазами появлялись точки, ноги ощущались как желе, едва держали мое тело. Я знала, что по лицу текут слезы, я могла лишь всхлипывать. Я пыталась держать руки так, чтобы запястья не истекали кровью, зажимала ладонями раны.

Декс повернулся с камерой на меня. А потом выронил ее под ноги. Он раскрыл в ужасе рот при виде меня.

— О, Перри, — выдохнул он, вскинув руки к лицу. Я пошатнулась и рухнула на его грудь. Он обхватил меня. Я дрожала, как осиновый лист, и он тоже. Я плакала несколько минут в его кофту, понимая, что пачкаю его кровью, но не могла выразить ни единую мысль или чувство, кроме страха, что выливался из всех щелей.

Он отодвинул меня и странно посмотрел на мои запястья.

— Что ты сделала?

Я покачала головой. Это была не я. Я ничего не делала. Но получались лишь всхлипы.

Он быстро усадил меня за стол и исчез в палатке. Он вернулся со своей футболкой, разорвал ее пополам и принялся терзать на длинные полоски ткани.

Я плакала, но все же замедлила биение сердце и дыхание достаточно, чтобы пропали точки перед глазами, а шанс упасть в обморок стал ниже.

— Зачем ты это сделала? — спросил он. Его голос был тихим, но обвинение звучало угрожающе. Как он мог подумать, что я сделала это? Он не понимал, что случилось?

— Нет, — смогла выдать я. — Это не я. Это были кусты. Кусты роз.

Он зло покачал головой. Я звучала как псих.

— Серьезно! — закричала я. — Это были кусты. Это была Мэри...

— Нет никакой Мэри! — завопил он, вена пульсировала на его сморщенном лбу. Его ярость вызвала слезы на моем лице.

— Декс, — начала я, чувствуя, как снова начинаю дрожать. От разочарования, от страха.

— Ты сошла с ума, понимаешь? Ты потеряла разум, — сказал он, обхватив мою руку и крепко перевязывая запястье.

В моей груди вспыхнул гнев, грозясь вылиться яростным потоком слов.

— Я не сумасшедшая, — сказала я как можно тверже, глядя ему в глаза, прося его увидеть правду. — Мэри настоящая. Она была в саду, она...

Он вскинул руку.

— Я не хочу больше это слушать. Сейчас, Перри, ты ранишь и меня, и себя. Тебе теперь
23. Ты слишком взрослая для такого. Тебе нужно... просто остановиться. И подумать. Не знаю, крик о помощи это или что-то еще, но попытайся остановиться и подумай обо мне. Это не честно.

Теперь уже рот раскрылся у меня.

— Клянусь. Я не делала этого с собой, — голос дрожал от недоверия.

Он крепче перевязал запястье и добавил несколько узелков.

— Тебе нужна помощь, Перри. Больше помощи, чем я могу сейчас оказать. Ты не в порядке.

Все. Слова полились, как рвота.

— Ты, — оскалилась я. — Это тебе нужна помощь. Ты был в психушке! Так почему теперь ты мне указываешь?

Он выглядел так, словно я ударила его бревном по лицу. Лицо утратило все краски, глаза накрыли тени испуга. Я попала по слабому месту. Мэри была права.

— Откуда ты узнала? — с трудом выдохнул он.

— Я бы рассказала, но ты назвал меня чокнутой. Забавно, ведь это я должна была все это время бояться. Так себя нагло вел, а сам был психом, — рывкнула я, надеясь, что слова навредят ему так же, как розы мне.

Он стиснул зубы, но промолчал. Словно потерял дар речи. Хорошо. Ведь я не закончила.

— О, бедная Перри, поищем ее, о, она же такая беда для своих родителей из-за своих

заскоков и панических атак. Бедная маленькая Перри с ее психическими проблемами и видением всякого. Не будем думать о Дексе, настоящей проблеме. Да, он рассказывал о расстройстве, принимает таблетки, но это пустяки. Конечно, он зараза и странный, но его же никогда не запирали в больнице. О, нет, запирали. И, конечно, он не хотел говорить об этом бедной маленькой Перри. Как вообще его напарница посмела подумать, что она может быть наравне с ним или даже выше него!

Я орала, стояла на ногах, выплевывала слова ему в лицо, и в них был яд.

— Что это было? Почему тебя заперли? О, бывшая девушка погибла, когда пьяной села за руль. Да? Этого хватило, чтобы ты начал замыкаться в своей боли, жалеть себя, Деклан Форей, несчастный мученик, композитор жалости к себе. Или было что-то еще? Проблемы с папочкой? Папуля бросил тебя в детстве, и ты подумал, что этот случай особый, такой трагичный, но не заметил, что проблемы с семьей есть у всех. Теперь в 32 ты так и не познал любовь отца. Или, может, дело было в смерти матери. Да? А теперь у тебя будет ребенок, так что им пора делать для тебя комнату с мягкими стенами!

Я зашла слишком далеко. Я это знала. Я задышалась от силы своих слов, смотрела, как он мрачнеет, резко вдыхает.

Сначала он нахмурился, словно я ударила его по лбу, но это продлилось долю секунды, а потом его глаза превратились в озера чистой ненависти. Он презирал меня. Был полон злости. Как и я.

— Зараза, — процедил он.

Он скатал в шар остатки ткани и бросил в лес.

— Ты можешь и сама о себе позаботиться. Мне надоело.

Он поднял камеру, сунул в рюкзак и пошел в лес. Я осталась одна. Запястье кровоточило, хотя течение немного замедлилось. Я пыталась перевести дыхание и смотрела, как бусинки крови катятся по руке, пока я крутила ее. Много крови превращалось в черные шарики.

Я не знала, как долго разглядывала руку. Это было проще, чем думать о случившемся. О сказанном мной. Я вырвала сердце Декса и его гордость и растоптала. Стыдно, но было даже приятно, когда слова вылетали из меня лавой, желая обжечь его, медленно гореть на нем, чтобы он ощутил всю боль.

Теперь мне было стыдно. Я ужасным образом ранила человека, которого любила. Это уже не исправить. Хоть он и был отчасти виноват, я чувствовала, что эту рану уже не исцелить.

Но это он сказал, что я сумасшедшая. Я пыталась так унять угрызения совести. Я не хотела чувствовать вину за это. Нужно было помнить, что и он виноват. И хотя он сам понимал это, ему было проще думать, что я сошла с ума, чем поверить, что я вижу призраков. Это многое говорило о его отношении ко мне.

Я судорожно выдохнула и попыталась взять себя в руки. Мне все равно нужно было обработать другое запястье.

Я неровно прошла к кустам, где огромными конфетти повисли полоски ткани. Даже растения теперь пугали.

Я подняла полоску и быстро перевязала запястье как можно крепче, чтобы не передавить вены. Мне уже нужна была страховка для охотников на призраков.

Если я вообще буду после такого охотницей на призраков. Не удивлюсь, если Декс решит, что не хочет больше со мной работать. Я даже не знала, будет ли лодка на пляже,

когда я приду туда. Если он уплывет без меня, это будет катастрофой. У него был убийственный взгляд.

Нужно надеяться на лучшее. И действовать. Чем дольше я здесь одна, тем уязвимее я.

Я закончила перевязывать рану и бросила остатки ткани обратно на ветки. И тут сзади раздался знакомый скрежет.

Я медленно развернулась, но увидела только стол, нашу посуду и палатку.

Снова скрежет. Камешки на пляже. Такой звук ночью издавали гробы.

Я не хотела смотреть, но знала, что должна. Я осторожно прошла к краю палатки и заглянула за нее.

Гробы снова появились на пляже. Их было восемь: старые, гниющие, деревянные. Они напоминали среди волн мертвых китов. Даже в свете дня пугало.

Они выстроились в идеальный ряд, ожидая...

Крышки гробов одновременно слетели и застучали по камням.

Китайские прокаженные с раздутыми лицами и пропавшими руками и ногами вылезли из гробов и, заметив мою голову из-за палатки, пошли в мою сторону дерганными движениями.

Как зомби. А потом поняла. Они, кем бы ни были, шли ко мне, и хоть они двигались на обрубках, на четвереньках, как пострадавшие гончие, перемещались они быстро. И реальность молотом ударила по мне. Это было на самом деле.

Нужно было убежать, и быстро.

Я развернулась и бросилась по тропе в лес. Я передвигала ногами как можно быстрее. Я не знала, смогут ли они меня догнать, и я не хотела тратить время, чтобы оглядываться, так что двигалась, перепрыгивая бревна, хрустя сухими ветками, хлюпая по лужам грязи. Моим единственным преимуществом было то, что я много раз бегала по этой глупой тропе, я ее уже знала, каждый ее поворот и изгиб, каждое препятствие.

Но остров был их домом. Мои знания нельзя было сравнить с их.

Я слышала лишь шум крови в голове, свистящее дыхание, причиняющее боль, топот ботинок по земле, отбрасывающих ветки и грязь.

Я повернула, зная, что впереди мертвая поляна, а ямы с грязью ждут меня, чтобы проглотить. Я оторвалась, так я думала, но пока не пересеклась с Дексом. Он тоже мог бежать весь путь. Умно.

Я на скорости света вылетела на поляну, не оглядываясь, думая только о земле под ногами. Почему-то в моей голове играла «More Human Than Human». Это помогало мне двигаться, убежать, не смотреть, что позади. Я была благодарна адреналину, что наполнял мышцы и позволял бежать, не падая в грязь.

А грязь была со всех сторон, новые лужи и ямы, которых не было раньше. Приходилось быстро перепрыгивать их, чуть не попадая в них. Я смотрела под ноги и на тропу. Впереди была большая лужа.

Я прыгнула влево и чуть не столкнулась с пнем, покрытым мхом. Я оттолкнулась от него вовремя, чтобы увидеть, как из-за него выскакивает священник Джон Барретт с веревкой в руках.

Я не успела закричать или отреагировать, его склизкая вонючая рука зажала мой рот, веревка нашла мои руки. Я отбивалась ногами, извивалась, пытаюсь высвободиться, но тщетно.

Он поднял меня над землей, зажимая рот, развернул, и я успела увидеть толпу

прокаженных, что с любопытством шли ко мне, их руки без пальцев тянулись ко мне. Они не останавливались.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ:

Я просыпалась медленно. Все было черным. Очень черным. Угольно-черным, словно глаза были закрыты. Но тут я поняла, что глаза открыты. И щурятся из-за тумана, что резал их.

Где я?

Я не могла заставить разум работать, чтобы все быстро вспомнить. Но вспышки были. Голова кружилась, двигались тени. Лес. Я бежала. Меня гнали гончие. Или люди на четвереньках. Их искаженные фигуры виднелись среди деревьев. А потом пустота.

Моя водная могила. Фраза вдруг всплыла в голове.

Я не шевелилась. Я лежала на спине, на чем-то костлявом. Я заставляла руки двигаться, но не получалось. Я отчаянно искала свет, чтобы понять, где я и что происходит.

Вдруг нашлись звуки, словно из ушей вытащили беруши. Я слышала приглушенные крики, словно кто-то кричал очень далеко, плеск воды вокруг меня. Я словно парила, покачивалась, а голова была тяжелой.

Ко мне вернулись чувства. Я ощутила запах морской воды, гнили и сырости. Я ощутила спиной влажность, руки словно были погружены в ледяную воду.

Я подвигала руками, они вяло ответили. Они были в воде, хотя остальная я была сухой. Я двинула руками в стороны, и они с силой врезались в барьеры, хотя я едва ощутила это. Звук столкновения зазвучал вокруг меня. Я была в коробке или... или...

Паника охватила меня. Я снова пошевелилась, покачивалась на чем-то знакомым. Это было меньше длины моего тела, и я заметила, что мои ноги согнуты. Я распрямила их. Брызг ледяной воды опустился на мои ноги, промокшие ботинки столкнулись с дном.

Я дико размахивала руками и ногами, дотягивалась до стен. Я была в коробке. Надо мной деревянный влажный потолок был в половине фута, он отрезал меня от мира.

Я попыталась перевести дыхание, но страх в груди был сильнее. Я была в ловушке, в ящике. Худший кошмар мима.

Но в коробке была вода. Я чувствовала жидкость руками, ногами и спиной.

Я начала ерзать и бороться. Я не могла понять. Я была в ящике и собиралась утонуть.

Я застучала кулаками по крышке, надеясь пробиться. Они устали, вскоре я слабо ощутила теплый поток на них. Кровь. Много крови. Он свободно текла из ран на моих запястьях. Плевать. Нужно выбраться. Иначе я умру.

Вода прибывала быстрее, вскоре я начала покачиваться над тем, что было подо мной. За секунды вода добралась до верха моих штанов. Штаны, где карман был натянут.

Я быстро скользнула в карман. Там была зажигалка.

Я вытащила ее и попыталась зажечь. Пальцы были холодными, неловкими, и я чуть не уронила ее, но после пары неловких попыток, огонь вырвался, засветился. Я подняла ее выше. Слабый оранжевый свет озарял пространство вокруг меня.

Я была права. Была в ящике. Но это был не ящик. Нет. Я знала с неприятной уверенностью, что это было.

Моя водная могила.

Я сглотнула, все раскачивалось от волн. Я была в гробу, плыла в море.

— Прибыл твой корабль, — раздался в голове мужской голос.

Среди всех мыслей в голове, среди смятения я понимала, где была, почему я здесь была. Хотелось быть здесь одной. Но я знала, что это не так. Я знала, что подо мной не просто так что-то ощущалось.

Я опустила левую руку в воду и нащупала дно. Может, так удастся вырваться отсюда. Рука столкнулась с грубым деревом и скользнула по нему. Я старалась не касаться того, что было подо мной.

Вода доставала мне до груди, намочила одежду. Время быстро заканчивалось.

Я прижала руку ко дну и попыталась выровнять себя, чтобы ударить ногой, надеясь, что стенка разобьется.

Маленькие скользкие пальцы коснулись моего запястья в воде.

Я закричала, но звука почти не вышло. Пальцы сжались и потянули мою руку вниз.

Что-то вырвалось из воды рядом со мной и выбило зажигалку из моих рук, все снова погрузилось во тьму. Еще пальчики обхватили мою руку, потянули в воду.

Я пыталась двигаться, кричать, бороться, но холод воды сковывал ядом. Меня удерживали, вода почти добралась до моего лица.

Что-то двигалось под моей головой. Рядом с моим погруженным ухом. Кто-то шептал в него.

Голос был искаженным и приглушенным под водой. Но было слышно.

— Мама! — кричал он, холодные детские губы задели мочку моего уха.

Я открыла рот, чтобы закричать, но влилась вода. Вода вместо воздуха, и она пыталась задавить меня.

— Мама, — повторял голос снова и снова, пока мы плавали, и мир закрывал глаза.

Я теряла сознание. Я застряла как Мэри в свой день рождения, оказалась в море с останками Мадлен. Я утону с ней. Утону. Утону.

Утону.

Мрак.

Вспышка света.

Вспышка в голове.

Нервы пылали.

Вода.

Спокойствие.

— Дыши, малыш, дыши.

Было холодно. Свет ускользал, все снова чернело. Разноцветные планеты крутились в голове.

— Прошу, малыш. Не бросай меня. Не бросай.

Поток воздуха ворвался в легкие. Он создал водоворот в груди. Вода поднималась.

Она с чудовищной судорогой полилась из меня. Я перевернулась и дала воде вытечь из легких, живота и всей меня. Я дико хватала ртом воздух. Глаза открылись, я увидела черное небо и раскачивающиеся вершины деревьев.

Я ощутила ладонь на лице, она гладила мою щеку. Легкие прочистились, и их наполнил ледяной воздух. Я повернула голову и посмотрела.

Надо мной склонился Декс, мокрый с головы до пят, вода капала с его волос. Он крепко держал меня за руку, другая ладонь лежала на моей щеке. Он с болью улыбнулся сквозь слезы, а, может, это была вода.

Он погладил меня по голове и прижал мою ладонь к своей груди.

— Я думал, что потерял тебя, — прохрипел он. — Думал, что потерял.

И все всплыло в голове, вина окутала меня.

— Прости, — слабо сказала я. Слово вылетело с кашлем.

— Нет, — сказал он, придерживая рукой мою голову и приподнимая меня. — Ничего не говори. Прости. Мне очень жаль. Стоило поверить тебе.

Я медленно села. Мы были на пляже, неподалеку волны набегали на камни, переворачивая их. Мы были мокрыми. Я знала, что будет холодно, но онемела. Было темно, наступила ночь.

— Что случилось? — выдавила я. Я помнила Джона с веревкой, прокаженных, и все.

Он покачал головой.

— Я был на пляже. Ждал тебя. Я боялся. Пошел обратно в лес за тобой, и услышал скрежет. Я увидел... невысокую женщину. Я решил сначала, что она была ребенком. У нее был нож. Она порезала «Зодиак».

— Мэри, — прошептала я.

— Да. Это была она. Я понял это. А потом вдруг... все стало ясно. Я понял, что ты была права. Я ничего не говорил ей, этого не требовалось. Я побежал в лес за тобой. Я споткнулся и вырубился. А пришел в себя в темноте. Я пошел в лагерь и... увидел прокаженных. Они стояли там. Толкали гроб в море. Не знаю, как, но я понял, что ты в нем.

— Что ты сделал? — руки и ноги кололи иголки, возвращались чувства. Или это был страх.

— Я... проигнорировал их. Я пробежал мимо них в воду за тобой. С трудом смог, крышка была крепкой, а океан — глубоким. Но вышло. И я увидел тебя там синюю, плавающую. И... я подумал, что ты умерла.

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Но я не мертва. Декс, ты меня спас, — хотелось сил, чтобы выразить чувства. Слабых слов было мало. — После всего, что я тебе сказала...

Он прижал палец к моим губам. Он смотрел мне в глаза.

— Нет. Ты все правильно сказала. И я мог потерять тебя... Я был ужасным напарником и другом.

Теперь я хотела заткнуть его.

— Нет. Я не виню тебя за недоверие. Многие мне не верят.

— Но я-то должен был, — заявил он и сжал мою руку.

Среди леса за нами раздался треск. Я вдруг ощутила панику.

Я села прямее и огляделась.

— Где прокаженные?

— Не знаю, — мрачно сказал он, глядя на лес. — Они ушли, когда я вышел из воды.

— Не думаю, что осталось мало времени, — судорожно вдохнула я. Мы были мокрыми. Если не они найдут нас, то мы просто замерзнем.

— Знаю. Можешь идти? — спросил он, поднялся на ноги и осторожно поднял меня.

Я кивнула, чувствуя себя беспомощной. Я содрогалась. Я видела, что и Декс дрожит.

— Что делать? Ты сказал, что она порезала лодку, — безнадежно пролепетала я.

Он снова сжал мою руку и сказал как можно увереннее:

— Есть еще один способ. Идем.

Он повел меня от пляжа. Двигаться было больно, но мы шли. Мы дошли до конца

тропы, но он вел меня вперед к болоту и другим лагерям.

— Куда мы идем? — прошептала я, понимая, что за нами могут следить из-за деревьев. Тени, казалось, двигались.

Он склонился к моему уху и хрипло сказал:

— Мы не можем больше идти по той тропе. Грязь, похоже, не простая. У других лагерей есть другая тропка. Не знаю, как далеко она ведет, но там нас хоть не будет никто ждать.

Я кивнула. Идти через заросли в темноте не хотелось, но он был прав. Может, они этого не ожидали.

Мы шли как можно быстрее через лагерь. Земля здесь была покрыта травой, в которой скрывались наши ботинки. Но мы не боялись промокнуть сильнее. Мы уже были мокрыми до нитки.

Мы почти покинули луг и искали тропу, когда Декс закричал. Я развернулась и увидела, как он упал с плеском. Земля разверзлась, горки камней, отмечающие могилы, двигались, руки без кожи вылезали из зияющих дыр. Они впились в ногу Декса и попытались утащить его.

Я закричала и отреагировала быстрее, чем до этого. Я схватила Декса за грудь, задела рану и попыталась оттащить его. Он ругался, кричал, отбивался ногами, но не мог освободиться.

Я отпустила, схватила камень и обрушила на одну из призрачных рук, треск костей зазвучал в воздухе. Их хватка ослабла, и Декс вырвался.

Он схватил меня за руку, и мы помчались в лес, забыв о тропе, хотели лишь спасти жизни. Я слышала за собой их гул, их безумные стоны, стук их тел, выпадающих из могил и идущих за нами, хотят отомстить за свои ужасные жизни.

Мы бежали в тишине, старались быстро миновать сплетения кустов, оббежать деревья, пригнуться под ветки, руки соединяли нас в этом слепом марафоне. Нога за ногой, шаг за шагом, прыжок за прыжком, мы спотыкались и бежали дальше, не думая о ногах, о темноте и о том, что нас преследуют ужасные существа.

Я не знала, как, но мы добрались до другой стороны острова, вылетели из зарослей на грязную тропу. Мы поспешили влево по ней. Мы торопились.

Наконец, деревья закончились, мы увидели пляж, обмякшую лодку и судно, качающееся на волнах.

Мы миновали кусты и побежали по камням. Декс направился к «Зодиаку», забрал рюкзак, что оставлял там, и забросил на спину. Он подбежал ко мне и потащил меня за собой в сторону утеса.

— Куда мы идем? — закричала я, не успевая перевести дыхание.

— Канат! — завопил он. Мы одновременно перепрыгнули через обломок дерева. Мы слышали, как позади катятся камни по пляжу. Прокаженные все еще преследовали нас. Я знала, что лучше не смотреть. Я не могу упустить шанс.

Мы оказались у утеса и начали как можно быстрее взбираться вверх. Руки горели из-за острых краев камней, но я прогоняла мысли о боли и двигалась. Я смотрела на канат, когда успевала, чтобы убедиться, что он там, чтобы понять план Декса. Мы собирались съехать по канату на судно. Это было глупо, но другого выбора не было.

Мы были почти на вершине, оставалось пару футов булыжников, и Декс замер. Я поравнялась с ним и проследила за его взглядом.

У дерева стояла Мэри, ее платье раздувалось, как черный плащ. Она пугала не меньше

прошлой встречи. Крыса пропала, но у нее все еще не было глаза, как и пальцев, кроме больших и безымянных. В обезображенных руках она держала нож, махала им перед канатом и дразнила нас.

— Мэри, — завопила я, поднимая руки, будто сдаваясь. — Прошу, не делай этого, Мэри. Ты должна отпустить нас. Мы не принадлежим этому месту.

— Я тоже не принадлежала, — сказала она. Голос ее звучал отдаленно, напоминал робота металлическими нотками. — Они хотят, чтобы ты осталась. Здесь или в черно-белом мире. Ты это видела. Они заберут тебя туда.

Она кивнула нам за спины. Мы с Дексом оглянулись. Прокаженные карабкались на утес, Джон шагал за всеми ними, как безумный пастух.

У нас оставалось мало времени. Я посмотрела на Мэри. Она шагнула ближе к канату и катала нож по желтому канату с шумом.

— Я хочу, чтобы ты осталась. Мы с тобой одинаковые. У нас есть только мы.

— Это не так, — зло сказал Декс. — У нее есть я. Это у тебя ничего нет.

— Уже нет! — закричала она и подняла нож. Она опустила его, и канат начал рваться.

Декс закричал. У меня были секунды на действия. Я помнила, что он прятал в рюкзак сигнальный пистолет. Оставалось надеяться, что он еще там, а не у нее.

Я полезла в открытый рюкзак, пошарила в нем рукой, и пальцы сомкнулись на пистолете. Я вытащила его из сумки.

Мэри снова подняла нож.

Я подняла пистолет и направила на Мэри, нажала на курок.

Пистолет дернулся в моих руках, сигнальная ракета вылетела красной вспышкой с дымом, искрами и оглушительным грохотом.

Она пролетела под канатом, едва не задев ее, и ударила Мэри в живот. Она вспыхнула огнем и упала с утеса на камни внизу.

Времени не оставалось, чтобы думать о своем поступке. Мы с Дексом переглянулись. Он тоже был удивлен.

— Хорошо стреляешь, — сказал он. Заметив, что прокаженные близко, он схватил меня за руку, и мы побежали по утесу к дереву.

На вершине я осмотрела веревку. Я осторожно коснулась ее. Выглядело плохо. Под нашим весом канат мог порваться. Но он был единственным способом выжить.

Прокаженные наступали, их обрубки рук тянулись из-за камней, хватали нас за ноги. Декс снял рюкзак, закинул его на канат и подвинул к самому краю утеса. Он повернулся к судну, держась за лямки рюкзака, несколько раз обмотав их вокруг рук. Он оглянулся на меня.

— Держись за меня как можно крепче. Не смотри вниз. Не отпускай.

Я боялась двигаться. Этот спуск будет самым страшным в мире.

Но я ощутила, как за штанину тянет рука, время закончилось. Еще миг, и я погибну.

Я сунула руки в лямки рюкзака, сцепила ладони на груди Декса и прижалась к нему.

Сзади раздавались стоны и рычание, от горячего дыхания пахло смертью и гнилью. Я оттолкнулась, и мы полетели.

Мы падали с обрыва, рюкзак съезжал с высоким звуком, канат провисал под нашим весом. Мы летели на пугающей скорости. Я не могла смотреть. Я сосредоточилась на том, чтобы как можно крепче держаться за Декса, хоть и знала, что начинаю соскальзывать.

Хлоп.

Я не успела понять, что значит звук. Натяжение каната пропало, мы замерли в воздухе. Мы свободно падали.

Я кричала, а мы падали, не зная, куда приземлимся.

Я ударилась о воду, как кирпич, холод впился в легкие и привел меня в чувство. Я всплыла и яростно задвигалась в воде, пытаюсь найти Декса.

— Декс! — кричала я, соленая вода попадала мне в рот. Я безумно гребла, чтобы не утонуть, чтобы увидеть хоть что-то. Его видно не было. Канат пропал. Прокаженные смотрели с вершины утеса. Судно свободно и медленно отплывало в нескольких ярдах от меня. — Декс! — закричала я снова, паника поднималась во мне, руки как можно быстрее двигались в воде. Света не было, лишь слабо отражалась луна, едва заметная в тумане. Вода была черной, волны и пена мешали мне видеть. Декса нигде не было.

Я запаниковала. Что делать? А если он утонул? Что тогда?

Мысль была невыносимой. Все во мне угасало, в том числе, и желание жить, плыть сквозь волны и потоки в океан. Я закричала в последний раз. Звучало слабо, никто и не услышал бы.

А потом сзади раздался всплеск. Я развернулась и увидела в воде голову Декса.

— Поймал! — крикнул он, стуча зубами. В его руках был канат. Ничего лучше я еще не видела.

Он подплыл ко мне и вручил канат.

— Сможешь? — спросил он среди плеска волн. — Нужно влезть туда. Думай, что судно — большая рыба, хорошо?

Я кивнула, мы полезли по веревке. Мы не могли придвинуть судно к себе, оставалось только переставлять руки, одну за другой, двигались вдоль каната, словно взбирались по скале. Это утомляло, вода замедляла мои ноги. Но мы приближались к судну.

Я не могла двигаться. Руки едва держались, ботинки тянули вниз, не было сил отбиваться и двигать ими.

Декс обхватил меня рукой.

— Держись, малыш. Мы сможем.

Его лицо было серым, губы посинели. Я вспомнила конец «Титаника». Такой судьбы я себе не хотела.

Оставалось мало сил, я обхватила его плечи, и он потащил нас обоих. Я не знала, где он брал на это силы.

Я, наверное, уснула на его спине. А потом услышала, как Декс кричит на меня, чтобы я поставила ноги на ступеньки.

Я подняла голову. Это было сложно. Голова была тяжелой.

Мы были у задней части судна. Я смотрела на выхлопную трубу. Лестница была рядом с нами в воде. Декс двигал мои ноги за меня. Меня поддерживали, но я ноги не чувствовала.

Он обхватил мою ладонь дрожащей рукой, прижал мою руку к лестнице.

— Держись. Крепко держись, хорошо? Не отпускай, — громко просил он. Я кивнула. Он полез по лестнице, оставив меня цепляться за нее. Я была так близко к спасению, но могла и легко отпустить.

Декс это знал. Он залез на борт, склонился, схватил меня за локти и потащил вверх, как 130-пудового тунца. Жаль, но я ничем не могла ему помочь. Но он смог. Я оказалась на палубе. Я лежала на спине и не двигалась.

— Останься со мной, — сказал он, стуча зубами. — Мы почти ушли отсюда.

Я закрыла глаза. Я слышала, как он шумит рядом. Заревел двигатель, судно задрожало. Я слышала, как Декс пробежал по палубе, поднял якорь и исчез под палубой.

Он вернулся, и я оказалась укутанной в миллион одеял. Он осторожно хлопал меня по щеке, пока я не открыла глаза.

— Эй. Не спи. Я не могу тебя спустить в каюту. Тут теплее, но если ты уснешь, то не проснешься. Понимаешь? Останься со мной.

Я медленно кивнула. Он подоткнул одеяла под меня. Он тоже промок, дрожал. Я хотела сказать ему, чтобы он тоже укутался, но не могла ничего сказать.

Он встал за штурвал, выбрал самую сильную скорость и повел судно прочь. Чем выше была скорость, тем холоднее становилось. Ветер был жестоким.

Декс порой поглядывал на меня, тряс за ногу, чтобы я не засыпала.

Я ощутила, как судно замедляется, он щелкнул переключателями и вышел из-за штурвала. Он поднял меня, одеяла упали, и он понес меня вниз.

Там было жарко, горел свет. В полусне я заметила свой айфон на столе, когда он отнес меня в спальню. Он закрыл дверь, чтобы было теплее.

Он уложил меня на кровать, вытащил из шкафа спальные мешки и полотенца.

— Плевать, если ты считаешь это неуместным, — услышала я его. Я повернула голову и увидела, что он был в одном нижнем белье. Его тело дрожало от холода, содрогалось. Он забрался на кровать и снял мою куртку и верх.

— Что? — выдавила я.

— Доверься мне, — сказал он. Он снял мои ботинки и штаны, пока я не осталась в нижнем белье. Он лег рядом со мной, накрыл нас одеялами и полотенцами. Он притянул меня к себе, обвил руками и ногами. Не было сил возражать, и я бы и не стала.

Он удерживал меня, пока ко мне не вернулись чувства. Сначала дрожь, а потом непрекращающийся холод. Мы начали успокаиваться. Жар между нами согревал нас, лежащих под одеялами в теплой комнате.

Я могла думать яснее, могла чувствовать части тела. Ощущала его кожу. Я посмотрела на его лицо. Он был расслаблен, но хватка его не ослабевала. Наши губы были близко. От его дыхания пахло соленой водой.

— Кто управляет судном? — осторожно прошептала я.

— Автопилот, — сказал он, глядя мне в глаза. — Я буду проверять каждые пять минут.

Я закрыла глаза и уткнулась лицом в его шею. Он обхватил ладонью мою голову сзади.

— Получилось, — прошептал он.

Я заплакала. Я вытерпела слишком много. Я не знала, сколько еще смогу выдержать.

— Мне страшно, Декс, — пролепетала я между всхлипами.

— Знаю.

— Я не... могу так жить. Почему я должна это видеть? Почему они приходят за мной? Что со мной?

— Мы рискуем...

— Нет. Так всегда было. Я знаю. Я даже не могу отличить, где сон. Где реальность. Я схожу с ума. А если все это только в моей голове?

— Нет, Перри. Нет, — он обнял меня крепче.

— А если я одна?

— Ты не одна. Я здесь.

— Мне очень страшно. Я не хочу больше это видеть. От этого хочется расколоть голову.

Я не знаю, где реальность. Как я вообще теперь могу отличить реальность? Что настоящее, Декс? Скажи мне.

Он коснулся моего лица и посмотрел на меня с искрами в темных глазах.

— Я настоящий. Все это реальность.

Я закрыла с благодарностью глаза, сердце пело, и тепло оттуда растекалось по нервам. Он поцеловал меня в лоб и прижал к себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ:

— Твой телефон еще не зарядился? — спросил Декс.

Мы сидели поздно ночью в закусочной на окраине Виктории. Было два часа ночи, место было почти пустым, кроме старика, что пил кофе за стойкой.

Мы выглядели, наверное, заметно. Мы были в оставшейся одежде Зака: сине-красных костюмах, остававшихся на борту, ведь они были сухими. Мы словно приплыли из дикого океана, издалека, и отчасти это было правдой. Куртка мне была большой, рукава закрывали запястья, что мы попытались перевязать бинтами из аптечки Декса.

Когда мы согрелись, Декс поднялся на палубу и направил судно к суше. Мы плыли недолго. Было удивительно, как близко остров был к цивилизации, а там был совсем другой мир. Мир темных проступков людей, самых ужасных кошмаров душ.

Как только мы причалили, я выбежала на берег и поцеловала землю. Я была полна разных эмоций, но сильнее всех была радость. Мы сделали это. Мы вернулись к живым и остались в живых.

Мы забрали вещи как можно быстрее и погрузили в черный внедорожник Декса, при виде которого я чуть не заплакала. Я обняла машину, радуясь ей, твердой, настоящей и знакомой.

Мы поехали по улицам в поисках места, где можно было набраться сил перед утром, когда придется объяснять Заку произошедшее. Судно не пострадало, но Дексу придется восстановить, скорее всего, «Зодиак». Деньги уже не казались такими важными после всего, через что мы прошли, но все же лодка была не бесплатной.

Проблемой было, что не только телефон Декса утонул, когда он спасал меня из гроба, но и рюкзак с «Супер 8» остался в глубинах моря. И материал, что доказывал, что мы что-то делали, что был выдающимся, остался на дне океана вместе с книгами из библиотеки. Может, там им и стоило быть. Это была их водная могила.

Декс не знал, что сказать о потере Джимми. Он хотел посмотреть, что можно взять с камер, которые он принес на борт раньше. Там была сцена с оленями ночью, несколько других кусочков, из которых можно было бы сделать серию. Нужно было подождать и увидеть. И, конечно, мы сняли вступление, меня на фоне заката. Ох, это словно было из другой жизни.

Я поднялась и посмотрела на телефон, заряжавшийся у стены на стойке. Я включила его, и посыпались сообщения от Ады и родителей. Я не могла сейчас разобраться со всеми.

Я села и сделала глоток горячего чая с мятой.

— Пару минут. Пришло очень много сообщений.

— Скажи родителям, что жива, — сказал он. — Думаю, они уже объявили меня в розыск.

— Это все из-за щетины, — улыбнулась я, хотя с бородой он не казался таким

извращенцем, как с усами.

— Я серьезно, — сказал он, и я это видела. — Они ужасно беспокоятся. Позвони им.

— Два часа ночи.

— Они не спят.

Я вздохнула и отсоединила телефон от розетки. На звонок энергии хватило бы. Я ушла в туалет и набрала номер.

Отец тут же ответил.

Было много криков, воплей, всхлипов и поучений. Не только от папы, но и от мамы с Адой, которая тоже не спала и переживала. Я не могла рассказать им правду. Нет, могла, но это было бессмысленно. И я рассказала им сокращенную версию. «Зодиак» пострадал, телефоны разрядились, была буря, и все такое.

Я знала, что как только прибуду домой завтра, получу лекцию, крики, вопли снова. И мне придется еще раз все объяснять. Но я буду дома, это будет важнее всего.

— Кстати, с днем рождения, — сказал отец в конце. — Мы тебя любим.

— Спасибо, пап, — сказала я устало. — И я вас всех люблю.

Я вышла, шатаясь, но груз пропал с моих плеч, я вручила телефон Дексу.

— Твоя очередь. Теперь у тебя есть семья. Звони матери своего ребенка и говори, что ты в порядке, ладно?

Он прикусил губу, но не смог придумать отговорку. Но он кивнул и поднялся. Он должен был принять ответственность.

Он вышел из закуской и встал снаружи, зажег сигарету и прижал телефон к уху. Я не видела его лица из-за света в закусочной.

Он говорил всего пару минут. Он выпускал дым, уплывающий в ночь. Он смотрел на парковку, но не на что-то конкретное, думал о чем-то. А потом затоптал сигарету и вошел.

Он вернул телефон на зарядку и сел на место.

— Спасибо, курить я, похоже, перестану, — сказал он бодро.

Я склонила голову.

— Ладно. Даже хорошо. Но с чего так?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Начал думать о том, как стоит измениться, если я хочу быть отцом. Курение все же... неуместно.

— Логично, — сказала я, сердце болело от мыслей о его грядущем отцовстве. Я скрывала чувство, но оно все равно оставалось. — Как Дженнифер? — спросила я, стараясь звучать бодро.

— Отлично, — сказал он, сделал глоток кофе и скривился. Он махнул официантке и указал на чашку, чтобы ее наполнили. — Она не беременна.

— Ох... — только так я смогла ответить на это заявление.

— Да, она не беременна, — сказал он и улыбнулся официантке, наполнившей его чашку. Она уловила последнее слово и равнодушно посмотрела на него. Он заметил, улыбнулся ей и подмигнул.

Она покачала головой, вернулась за стойку к чтению журнала «Hello! Canada». Декс посмотрел на меня.

— А официантке я явно понравился.

Я вскинула брови.

— погоди. Дженнифер не беременна. Ты уверен?

— Я пока только слышал ее слова, но она ходила на выходных к врачу, проверяла кровь. Результат отрицательный. Она проверила еще двумя тестами на беременность. Отрицательно. Похоже, в тот раз результат был фальшивым.

Было стыдно признавать, как сильно это меня обрадовало. Очень стыдно. Я настороженно смотрела на него. Он не расстроился, так казалось внешне. Я не думала, что он будет радоваться так же, как я.

— И все хорошо? — спросила я.

— Да. Как по мне, все хорошо.

— И для Джен?

Он нахмурился.

— Наверное. Думаю, да. Мы в порядке.

— И... — что это означало? Но я не осмелилась задать вопрос.

— И... — дразнил он.

Он сделал глоток кофе. Я сделала глоток чая. Слов не осталось. Я сидела на стуле. Мы смотрели друг на друга. Тихий шум закусочной наполнял уши. На этих выходных наши отношения зашли дальше, чем я думала. Стрип-клуб. Новость о беременности Джен. Ночь экстаза (для меня). Психушка. Джен не беременна. Но это были лишь отрывки. Мы зашли далеко, для меня этого было мало.

Я отвернула рукав куртки и посмотрела на бинты. Выглядело неплохо, но я знала, что нам нужно к врачу, как только мы вернемся в страну.

Я смотрела на резинку в форме якоря, радуясь, что ее не разрезали шипы. Я улыбнулась и посмотрела на него, надеясь, что он не заметил, как я с довольным видом смотрю на резинку. Он подпирал подбородок рукой и смотрел в окно. Он быстро взглянул на меня краем глаза и тепло улыбнулся. Он заметил. Ну и ладно.

* * *

Мы направлялись на пароме обратно в Ванкувер, направлялись домой. Декс жевал «Никоретте», все еще поддерживая решение бросить курить. Мы смотрели на море в окно, покрытое солью. Утро было ясным, лучи солнца блестели на спокойной воде. Не было ни капли красного на небе.

КОНЕЦ

ВРЕМЯ ЛЖИ

Я проснулась с тревогой и пару секунд не могла вспомнить, где я. Не дома. Комната была слишком темной и без окон.

Я медленно села и ждала, пока глаза привыкнут. В углу поблескивали огоньки компьютера и других приборов Декса.

Вторую ночь за прошедшую неделю мне снилось прошлое. Не знаю, почему. Обычно, если сны были странными, они были связаны с духами, встреча с которыми нам грозила. Я начала верить, что у меня пророческие сны, или это вспышки мыслей мертвых (как это мило звучит). Но мне снилась старшая школа и то, что я прогнала из памяти лекарствами, врачами и терапией. Мне не нравилось, что это вдруг вернулось. Я надеялась, что это ничего не означает. Не могло. Тогда все было из-за наркотиков.

Я плохо помнила сны. Знала, в них была моя подруга Тара, может, доктор Фридман,

старик-врач. Ничего страшного не происходило. Но было что-то тревожное в том, как мое сердце колотилось, я потела. Простыни были мокрыми. Джен, наверное, сожжет их, когда я уеду.

Чуть раньше вечером Декс готовил нам с Джен ужин (его умения все еще поражали), и я перепила вина. Чтобы успокоиться. Мы выпили, чтобы разговор заладился. Может, помогло, что мы ели в гостиной, смотрели телевизор, а не пялились друг на друга. Я не смотрела на них, все еще помня разговор с Дексом. Все осталось в прошлом.

Голова кружилась после сна, хотелось пить после ночи и вина. Я не хотела подниматься ради этого, темная комната была жуткой, и было странно бродить в чужой квартире посреди ночи, но иначе я и уснуть не смогу. Я осторожно поднялась с узкой кровати, боясь сбить что-то в темноте. Я прошла к двери, тихо открыла ее и выглянула. Дверь в их спальню была закрыта. А в ванную — нет. Толстый кролик, наверное, спал с ними. Я надеялась, что он им мешал.

Я прошла на кухню беззвучно, стараясь не разбудить их или собаку, вытаскала стакан из высокого шкафа и наполнила. Со стороны балкона лился желтый свет фонарей, проникающий сквозь тонкую занавеску. Покачивающуюся на ветерке. Хоть квартира была маленькой и красивой, было что-то... странное в ней. Странное и неприятное.

Я допила, наполнила стакан снова. Не было причины бояться, но мне было жутко. Я прислушалась, но раздавался только негромкий храп из спальни, снаружи порой проезжали машины, тикали часы на стене. Все было нормально, но тревога не пропадала. Волоски на руках встали дыбом.

Я допила воду и тихо поставила стакан в рукомойник. Если я задержусь, то перепугаю сама себя.

Я пошла в комнату, задумываясь, стоит ли заглянуть в ванную, но что-то заставило меня застыть посреди квартиры.

Это чувство.

Тошнотворное чувство, что кто-то или что-то стоит за мной. Я чувствовала спиной, чувствовала взгляд.

Я была не одна.

И я не могла двигаться, даже если бы захотела. Я застыла, ноги приросли к паркету.

И...

Капание. Я прислушивалась, и от этого звука сердце екнуло. Медленно капала вода. Я не закрыла кран?

Но я знала, что дело в другом. Эха не было, капли доносились дальше. Если не кран, то что?

Я посмотрела на дверь. Так близко. Я могла убежать в комнату и запереться. Я могла придвинуть кровать к двери, укрыться с головой и спать. Или проглотить гордость, вбежать в комнату Декса и Джен, как ребенок, которому приснился кошмар.

Или могла обернуться. И увидеть, что нечего бояться. И тогда страхи пропадут, а я усну.

Я напряглась и очень медленно развернулась.

Я ожидала, что, если за мной кто-то был, он убежит на кухню.

Но нет.

Там был кто-то...

Прямо за мной.

Я стояла лицом к лицу с... существом... покрытым серой кожей, сморщенной в тени.

Грудь была красной бездной. Шея напоминала кусок ниточного сыра, едва держала голову, что была раздавлена, шире, чем нужно, словно по ней что-то с силой ударило, часть была открытой, показывая мозг, кровь и кости. Кровь текла из раны, капала на пол. Вот что капало.

Глаз у раны был разрушен, осталось серое пятно, а другой глаз смотрел на меня. Он был женским, еще с макияжем. Она словно хотела заплакать, но...

Она улыбнулась. Послышалось гудение.

Я закричала.

Хоть я и училась самозащите, каратэ, инстинкт был не сражаться, а убегать. В голове был только ужас, я развернулась и побежала в комнату. Носки заскользили подо мной, и я с грохотом рухнула на пол под ноги гудящей мертвой девушке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net